

2020

Том 11. № 1

2020. Vol. 11. No. 1

DOI: 10.19181/vis.2020.32.1

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Волонтёры
в экстремальных ситуациях:
исследовательское поле**

**/Издержки
ускоренного перехода общества
на «цифру»**

**/Трудности построения
общей теории волонтерства**

**/Продолжительность жизни
определяют экономические институты**

**/Погружение работников
в цифровую среду**

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2020

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2020. Том 11. № 1

DOI: 10.19181/vis.2020.32.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, И. А. Халий

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2020

© Vestnik instituta sotziologii, 2020

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

[Irina A. KHALIY], Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

От редакции

Уважаемые читатели!

Представленный выпуск сетевого научного журнала «Вестник Института социологии» – последняя работа заместителя главного редактора журнала, его бессменного выпускающего редактора, доктора социологических наук Ирины Альбертовны Халий. Ирина Альбертовна скоропостижно скончалась 17 марта 2020 г. в городе Екатеринбурге.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ИРИНЫ АЛЬБЕРТОВНЫ ХАЛИЙ

Не стало заместителя главного редактора сетевого научного журнала «Вестник Института социологии», главного научного сотрудника Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, руководителя Центра политологии и политической социологии ФНИСЦ РАН доктора социологических наук **Ирины Альбертовны Халий**.

Ирина Альбертовна была выдающимся учёным, обладавшим глубоким, нестандартным мышлением. Она являлась не только высоко эрудированным, разноплановым исследователем, но и руководителем, преподавателем и талантливым организатором, блестяще справлявшимся с любыми научными и профессиональными задачами. На протяжении десяти лет Ирина Альбертовна занимала должность Учёного секретаря Института социологии РАН, умело координируя работу всех структурных подразделений Института.

Много времени и сил И. А. Халий отдавала сетевому научному журналу «Вестник Института социологии». Она стояла у самых его истоков, и за почти десятилетний период её работы, во многом благодаря её стараниям, умениям и практическому опыту, Журнал стал авторитетной дискуссионной площадкой, объединившей многих социологов из российских регионов, способствующей формированию единого дискурсивного пространства отечественной, да и мировой социологии. По показателю РИНЦ «Пятилетний импакт-фактор без самоцитирования» настоящее Издание уверенно входит сегодня в десятку лучших среди социологических журналов. В том, что этого удалось добиться за довольно короткое время – большая заслуга Ирины Альбертовны!

Ирина Альбертовна воспитала многих молодых социологов, создав свою научную школу. Она была прекрасным лектором: её выступления – живые и непосредственные, вдумчивые и ироничные – вызывали неподдельный интерес у любой аудитории. Для начинающих исследователей она являлась образцом преданности науке, свободы от догматизма, постоянной готовности к творческому поиску.

Ирина Альбертовна была истинным патриотом, искренне любившим свою страну. Большая часть её научной деятельности посвящалась изучению российской провинции. В своих исследованиях она показала картину жизни российской «глубинки», методологически точно выявила социальные механизмы, позволяющие регионам развиваться, сохраняя при этом своё культурное своеобразие. И для всех тех, кому недостаточно широко распространённые объяснительные схемы, кто пытается свободным, критическим взглядом посмотреть на стоящие перед Россией и миром проблемы, её научное наследие будет оставаться актуальным долгие годы.

Ирина Альбертовна была отзывчивым, чутким и неравнодушным к чужим проблемам человеком. Человеком справедливым и честным. Она всегда протягивала руку помощи, поддерживала не только словом, но и делом, пользовалась заслуженной любовью и уважением среди коллег. Её смерть – огромная, невообразимая и невозполнимая утрата для всех нас!

Мы скорбим об уходе нашей Коллеги, Друга и Соратника и выражаем глубокие и искренние соболезнования родным и близким Ирины Альбертовны.

*Главный редактор журнала,
директор ФНИСЦ РАН
академик РАН М. К. Горшков*

Содержание

Об этом выпуске	10
Тема номера:	
Волонтёры в экстремальных ситуациях:	
исследовательское поле	16
<i>Яницкий О. Н.</i> Типология критических состояний современного общества	16
<i>Невский А. В.</i> Социология волонтерства: определение границ исследования	32
<i>Башева О. А., Ермолаева П. О.</i> Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки	49
Социальные процессы в регионах России.....	72
<i>Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О.</i> Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона	72
<i>Шаповалова И. С.</i> Роль социальных институтов в формировании самосохранительного поведения населения Центрального округа.....	86
<i>Карапетян Р. В., Сизова И. Л., Бакаев М. А.</i> Параметры роста цифровых компетенций у занятого населения (пример Санкт-Петербурга)	113
<i>Адиев А. З.</i> Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан	137
Гендерные различия и их роль в профессиональной сфере и трудовых отношениях.....	153
<i>Подольская А. А.</i> Женщины-инженеры в российской ракетно-космической отрасли.....	153
<i>Ужахова Л. М., Саакова В. В., Утегенова В. Б., Данилюк А. А.</i> Влияние гендерных характеристик на профессиональную деятельность руководителей и подчинённых.....	170
Социология семьи: родительские сообщества	184
<i>Шаброва Н. В.</i> Социальная общность родителей как субъект гражданского общества	184

Contents

About This Issue	10
Topic of the Issue:	
Volunteers: Boundaries of Research	16
<i>Oleg N. Yanitsky.</i> The Typology of Modern Society's Critical Conditions	16
<i>Andrei V. Nevskii.</i> Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of Research	32
<i>Olga A. Basheva, Polina O. Ermolaeva.</i> The Phenomenon of Digital Volunteerism in Emergency Situations: Its Essence, Types and Theoretical Framework	49
Social Processes in Russian Regions	72
<i>Elena Yu. Kostina, Nadezhda A. Orlova, Anna O. Panfilova.</i> Social Well-being as Evaluated by the Population of the Far East Region	72
<i>Inna S. Shapovalova.</i> The Role of Social Institutions in Developing Self-Preservation Behavior Among the Population	86
<i>Ruben V. Karapetyan, Irina L. Sizova, Maxim A. Bakaev.</i> Current and Expected Parameters of Building Digital Competencies Among the Working Population	113
<i>Aslanbek Z. Adiev.</i> The Impact of Internal and External Migration on Demography, Economy and Interethnic Relations in the Republic of Dagestan	137
Gender Differences and Their Role in Professional and Labour Relations	153
<i>Anna A. Podolskaya.</i> Female Engineers in Russia's Rocket-Space Industry	153
<i>Leyla M. Uzhakhova, Valeriya V. Saakova, Victoria B. Utegenova,</i> <i>Anna A. Danilyuk.</i> The Influence of Gender Characteristics on the Professional Activity of Management and Subordinate Staff....	170
Family Sociology: Parents' Communities	184
<i>Nina V. Shabrova.</i> The Social Community of Parents as a Part of Civil Society	184

Об этом выпуске

Наиболее актуальными, равно как и наименее изученными в социологии стали два явления – экстремальные ситуации самого различного толка и волонтеры, которые участвуют в их ликвидации или смягчении. Именно поэтому мы обратились в этом выпуске к теме «Волонтеры в экстремальных ситуациях: исследовательское поле».

Открывает рубрику статья [О. Н. Яницкого](#) (Москва) [«Типология критических состояний современного общества»](#), предлагающая типологию критических состояний современного общества на основе анализа отечественных и зарубежных исследований, а также собственных теоретических разработок автора. К основным архетипам критических состояний отнесены геополитические, природно-климатические и техногенные катастрофы глобального и континентального масштаба. Затем идут рукотворные, но практически невидимые критические состояния общества (внутреннее разложение и распад, массовые эпидемии и социальные «болезни»: алкоголизм, наркомания, коррупция и преступность). И, наконец, те, что возникают при исчерпании существующих форм институциональной и иной организации общества; например, бедность и другие проявления критического отставания индивидов и групп, а также – издержки ускоренного перехода общества на «цифру». Волонтеры и гражданское общество в целом – необходимые участники действий по предотвращению критических ситуаций.

Чтобы осознать границы познанного в данной тематике, необходимо проанализировать то, что наукой уже изучено, и разработанные ею инструменты в виде теоретических подходов. Этому посвящена статья [А. В. Невского](#) (Санкт-Петербург) [«Социология волонтерства: определение границ исследования»](#). Социологические исследования волонтерства обычно используют определение, включающее все возможные виды свободной, безвозмездной деятельности на благо других. Такой подход превращает феномен волонтерства в аналитический инструмент для исследования различных сфер экономической и социальной жизни: степени развития гражданского общества, структуры занятости, особенностей экономического режима. Тем не менее применение такого определения для исследования самих волонтерских движений представляется проблематичным. Кроме того, в большинстве исследований наблюдается тенденция к выделению волонтерства как особого типа действия, которое обладает устойчивыми имманентными характеристиками вне зависимости от того, в какой сфере оно осуществляется. В результате такого подхода игнорируются существенные особенности различных видов производительной деятельности, в которых могут участвовать волонтеры.

На основе изучения отечественных и зарубежных источников в статье представлен обзор проблем, связанных с определением границ исследуемой области, рассматриваются основные трудности построения общей теории волонтерства, анализируется принятое в западной литературе разделение различных форм гражданской деятельности: волонтерство, низовое политическое участие, гражданский активизм.

Рубрику завершает статья [О. А. Башевой](#) (Москва) и [П. О. Ермолаевой](#) (Казань) [«Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки»](#), где предложены результаты метаанализа российских и зарубежных научных трудов о цифровом волонтерстве. Показано, каким образом оно концептуализируется, какие формы принимает, чем отличается от традиционного офлайн-волонтерства, каким образом формальные структуры, соприкасающиеся с участием волонтеров, адаптируются под цифровизацию их деятельности, а также какие сложности связаны с данным процессом, каковы его преимущества и ограничения перед традиционными формами волонтерства в чрезвычайных ситуациях, какие методологические инструменты применяются при его осмыслении и какие пробелы в знаниях об этом явлении ещё существуют. К основным особенностям цифрового волонтерства, с одной стороны, относятся большая гибкость и открытость для вовлечения в добровольчество широких групп населения, с другой – необходимость в сформированности определённых технических навыков, анонимность и вероятность предоставления ошибочной информации. Цифровые волонтеры подразделяются на ответственных за сбор и анализ обширных потоков данных, разработчиков новых цифровых платформ и приложений, организаторов онлайн-сообщества. Находясь на пересечении междисциплинарных границ, цифровое волонтерство осмысливается через разные теоретические рамки, в частности, через цифровую гуманитаристику, сетевые подходы и теорию Кастельса, теорию совместного производства и др. Возможности и ограничения данных подходов для российского контекста создают инструменты для анализа данных эмпирических исследований.

В нашей регулярной рубрике [«Социальные процессы в регионах России»](#) собраны статьи, которые в совокупности демонстрируют многогранность социальных процессов, разворачивающихся в различных частях страны, – это и социальное благополучие граждан, и их самосохранительное поведение, и компетенции работников, и влияние миграции на различные аспекты жизнедеятельности общества. Статья [Е. Ю. Костиной](#), [Н. А. Орловой](#) и [А. О. Панфиловой](#) (Владивосток) [«Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона»](#) указывает на то, что сегодня, несмотря на все достижения цивилизации, нерешёнными остаются проблемы, связанные с социальным благополучием человека и общества в целом. Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, представляющий результат синтеза причин и следствий, единства объективных и субъективных факторов; это системный феномен, имеющий в своей категоризации различные грани

и составляющие, которые выявляют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные смыслы. В совокупности эти параметры определяют и выводят социальное благополучие человека на первый план исследовательской и политической повестки. Приморский край как субъект ДФО обладает выраженной географической, социально-экономической, демографической спецификой и является объектом стратегических интересов и целей государства; территорией, где запущен и реализуется ряд инновационных решений по стимулированию социально-экономического развития региона. Тем не менее, несмотря на прикладываемые государством усилия, социальная эффективность этих мер проявляется не столь заметно, как того требует реально сложившаяся ситуация. Регион до сих пор демонстрирует демографическую депрессию, имеет специфические отраслевые социально-экономические и управленческие сложности.

Сегодня в связи с экстремальной ситуацией, вызванной распространением коронавируса, особое значение обретает тема, рассматриваемая в статье [И. С. Шаповаловой](#) (Белгород) [«Роль социальных институтов в формировании самосохранительного поведения населения»](#). Утверждается, что самосохранение и его результаты становятся откликом на последствия социальной политики и итоги динамики показателей качества жизни, а также формируют генерационные типы хронотопа. Самосохранительные траектории и стратегии эволюционируют в результате социализации при участии основных социальных институтов. В статье приведены результаты исследований самосохранительных моделей поведения населения и институциональных факторов, влияющих на их формирование, подчёркивается роль социальных институтов в создании установок населения в отношении собственного здоровья. Установлено, что для состояния здоровья населения и решений по изменению отношения к нему институциональное влияние является минимальным, общую продолжительность жизни прежде всего определяют экономические институты. Суммарным итогом исследования стал вывод о готовности населения Центрального округа брать личную ответственность за состояние своего здоровья, отсутствие масштабной институциональной зависимости.

Установки государства на развитие цифровой экономики заставляют учёных обратиться к анализу вероятности внедрения цифровых технологий в трудовые процессы, чему и посвящена статья [Р. В. Карапетяна](#), [И. Л. Сизовой](#) и [М. А. Бакаева](#) (Санкт-Петербург) [«Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения»](#). Использование разнообразных цифровых продуктов как условие занятости требует от работников погружения в цифровую среду, которая, в свою очередь, задаёт вектор развития их цифровых компетенций. Все устройства и технологии, применяемые на российских предприятиях и в организациях, представлены в виде цифровых средств труда, разделённых на классы и группы. В совокупности они представляют собой параметры, на основе которых авторами изучались цифровые компетенции работа-

ющих лиц или их цифровой карьерный капитал. Полученные в ходе исследования результаты позволяют заключить, что наращивание цифрового капитала востребовано на рынке труда и может ориентироваться на потребности российской экономики. Пока же цифровые компетенции занятого населения в большей степени зависят от уровня профессиональной квалификации трудящегося, его возраста и распространения цифровых технологий в повседневной жизни. Однако население не имеет ясного представления о том, какие цифровые знания и навыки необходимо получать, и не мотивировано к повышению трудовой квалификации в данном направлении.

В статье [А. З. Адиева](#) (Махачкала) [«Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан»](#) описываются и интерпретируются данные статистических наблюдений и результаты массового опроса, проведённого в Республике Дагестан с целью исследования региональных особенностей внутренней (внутристрановой) и внешней (зарубежной) миграции. Выявлено, что в массовом сознании жителей Республики Дагестан сложилось представление о региональных миграционных процессах, отражающее статистические данные, которые характеризуются механической убылью населения в рамках миграционного обмена с другими регионами в пределах страны и незначительным приростом численности трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Основными направлениями внутристрановой миграции дагестанцев представляются развитые в социально-экономическом плане города Западной Сибири и столичный регион. Материалы экспертного опроса позволяют содержательно интерпретировать особенности влияния фактора миграции на демографию, социально-экономическую и общественно-политическую сферу жизни в Дагестане. Устоявшееся в дагестанском обществе мнение о положительном воздействии фактора миграции на социально-экономическую обстановку в регионе, благодаря которому снижается напряжённость на местном рынке труда, дополняется мнением об отсроченных демографических рисках при сохранении данной тенденции: старения населения и спада рождаемости. Запрос на осуществление государством мероприятий по социальной адаптации и культурной интеграции мигрантов (прежде всего по обучению мигрантов русскому языку и основам российского законодательства) существует и в привыкшем к этническому и конфессиональному многообразию дагестанском социуме.

Распространённые сегодня в социологии исследования гендерных различий нашли своё выражение в рубрике [«Гендерные различия и их роль в профессиональной сфере и трудовых отношениях»](#). В статье [А. А. Подольской](#) (Москва) [«Женщины-инженеры в российской ракетно-космической отрасли»](#) предпринята попытка рассмотреть типы карьеры женщин в высокотехнологичных отраслях экономики России на примере ракетно-космической отрасли (РКО) и причины выбора женщинами инженерно-технических направлений образования и реализации собственного карьерного роста в указанной сфере. Эмпирическая база –

33 полуструктурированных интервью с женщинами-инженерами: специалистами «советского» поколения и теми, кто начал свой трудовой путь после распада СССР. В работе показано, что среди причин выбора профессии у советского поколения женщин-инженеров преобладали искренний интерес к космосу, «романтика профессии», возможность заниматься полезным для страны делом и «династийность», которая в ряде случаев была важнее, чем желание респондента. Среди постсоветского поколения инженеров определяющими в выборе профессии стали способности к точным наукам, возможность получения высшего инженерного образования, востребованность профессии на рынке труда, в то время как «династийность» являлась скорее сопутствующим аспектом. Наиболее часто выбираемым типом карьеры как для старшего, так и для молодого поколения инженеров является «квалификационный» тип карьеры. При этом популярно сочетание «квалификационного» и «научно-исследовательского» типов, тогда как сочетание «квалификационного» и «должностного» типов характерно для работников предприятий ракетно-космической отрасли в меньшей степени. Не характерными для респондентов оказались такие типы карьеры, как «монетарная» и «исполнительная».

Вторая статья рубрики рассматривает гендерные аспекты в трудовых отношениях. [Л. М. Ужахова, В. В. Саакова, В. Б. Утегенова](#) и [А. А. Данилюк](#) (Тюмень) в материале [«Влияние гендерных характеристик на профессиональную деятельность руководителей и подчинённых»](#) представляют результаты эмпирического исследования соответствия руководителей и подчинённых предписанным гендерным характеристикам. Авторами сформированы характеристики руководителей и подчинённых города Тюмени обоих полов и определены степени феминности, маскулинности и андрогинности в каждой группе с помощью методики полоролевого опросника С. Бем. В ходе исследования были ранжированы свойственные каждому полу (вне зависимости от занимаемой должности руководителя или подчинённого) гендерные характеристики, качества и умения. Установлено, что женщины чаще, чем мужчины, являются носителями и трансляторами гендерных стереотипов, основанных на традиционных установках. Несмотря на это, отмечена тенденция отхода от традиционного гендерного мышления и поведения как среди подчинённых, так и среди руководителей за счёт несоответствия трудовой практике. Было выяснено, что в действительности подчинённые соответствуют предписанным гендерным характеристикам в большей степени, чем руководители. Выдвинуто предположение о том, что гендерные особенности у руководителей выражены более ярко в силу того, что личностные характеристики оказывают на их деятельность большее влияние, нежели у подчинённых.

Завершает данный выпуск журнала рубрика [«Социология семьи: родительские сообщества»](#), в рамках которой в статье [Н. В. Шабровой](#) (Екатеринбург) [«Социальная общность родителей как субъект гражданского общества»](#) представлен довольно редкий в науке предмет исследования. Гражданское общество рассматривается с позиций общностного

подхода, в соответствии с чем оно трактуется как особый тип социальной общности. Его специфика обусловлена тем, что эта общность состоит из индивидов (и их ассоциаций), являющихся носителями особых потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Показано, что индивиды (и их ассоциации), располагая необходимыми ресурсами (прежде всего, социальным капиталом), осуществляют совместную деятельность по реализации и защите своих потребностей и интересов в определённых границах времени и пространства. Подчёркивается, что для представителей общности такая деятельность становится доминирующей моделью жизнедеятельности, т. е. образом жизни. Показано, что общность современных родителей изменяется: сохраняя свои традиционные общностные свойства и функции, она всё больше приобретает характеристики и функции общности гражданского общества, превращаясь в её особый тип. Показан процесс постепенного встраивания социальной общности родителей в структуру гражданского общества. Вместе с тем отмечается, что происходит это с различной интенсивностью во времени и пространстве и обусловлено неоднородностью и противоречивостью самой родительской общности. Делается вывод, что в современных условиях родительство превращается в драйвер развития гражданского общества.

ТЕМА НОМЕРА

ВОЛОНТЁРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

Типология критических состояний современного общества

Ссылка для цитирования: Яницкий О. Н. Типология критических состояний современного общества // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

For citation: Yanitsky, O. N. A Typology of the Critical States of a Modern Society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

**Яницкий
Олег Николаевич**

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

oleg.yanitsky@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: [71622](#)

Аннотация. Цель статьи¹ – создать типологию критических состояний современного общества (далее КС) на основе анализа отечественных и зарубежных исследований, а также собственных теоретических разработок в течение последних 30 лет. К основным архетипам критических состояний я отношу геополитические, природно-климатические и техногенные катастрофы глобального и континентального масштаба. Затем идут рукотворные, но практически невидимые критические состояния общества (внутреннее разложение и распад, массовые эпидемии и социальные «болезни»: алкоголизм, наркомания, коррупция и преступность). И, наконец, – КС, возникающие при исчерпании существующих форм институциональной и иной организации общества; например, бедность и другие проявления критического отставания индивидов и групп от современного темпоритма развития общества, в результате чего множится количество людей, практически исключённых из общественной жизни, а также – издержки ускоренного перехода общества на «цифру». Для минимизации негативных последствий любых КС все социальные агенты, независимо от их масштаба и назначения, должны быть готовы к КС как к рутине повседневности. То есть в современных условиях различия между «нормой» и «патологией» становятся постепенно всё более условными. Это утверждение – не очередной релятивизм, а констатация того факта, что современная глобальная СБТ-система, включая Россию как её неотъемлемый элемент, непрерывно эволюционирует. Волонтёры и гражданское общество в целом – необходимые участники действий по предотвращению КС на всех этапах его возникновения, воздействия на общество и последующей адаптации пострадавших в результате него. Что касается «цифровизации» общественной жизни, то полагаю,

¹ Статья написана при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 19-78-10052, проект «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы».

что «цифра» была и будет лишь инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен и принимать решения самостоятельно.

Ключевые слова: волонтеры, геополитика, глобализация, социальные институты, катастрофы, критическое состояние, общество, ускорение, цифра

Необходимость создания типологии критических состояний (КС) современного общества возникла на пересечении нескольких теоретических и практических вопросов. Чем быстрее изменяются наше общество и мир в целом, тем больше материальных и человеческих отходов (wastes) они производят и тем более напряжённой становится международная обстановка. Неужели каждый переходный период к новому типу общественного производства должен сопровождаться природными и социальными потерями? Сегодня мировое сообщество наконец озаботилось загрязнением Мирового Океана (в частности – пластиковыми отходами). Но люди, как это часто бывает, обратили внимание только на часть этой проблемы, видимую невооружённым взглядом, но не на все те необратимые трансформации в биологической жизни Океана, которые уже произошли и ещё будут долго происходить, независимо от нашей воли. Поэтому сегодня видеть только то, что доступно нашему глазу, значит – ничего не видеть!

И так происходит практически со всеми малыми и большими авариями и катастрофами. Взять, например, пожар в торговом центре «Зимняя вишня» (г. Кемерово), унесший жизни многих людей. Ведь там было всё необходимое: и сигнализация, и запасные выходы, и соответствующие инструкции, и служащие этого торгового центра. Значит, проблема заключается не только в самом ТЦ – она коренится далеко за его пределами. Предварительные выводы можно сделать уже сейчас: КС – неизбежный спутник современного общества [Yanitsky 2014], и поддержание любой социальной системы в рабочем состоянии столь же важно, как и её конструирование и строительство. Соответственно, психологическая подготовка персонала столь же важна, как и само создание некоторого объекта гражданского использования.

Примерно то же можно сказать и о ежедневных прогнозах погоды, от которых, особенно в зимний период, зависит жизнь миллионов граждан. Я понимаю, что такой прогноз имеет вероятностный характер. Но также известно, что за ошибки в подобных прогнозах расплачиваются автомобилисты и все другие горожане, которые рискнули выйти на улицу во время гололёда или снегопада. Значит, корень критической ситуации находится не на месте аварии или катастрофы, а далеко за её пределами, и то, что нам помногу раз в день сообщают длину заторов на какой-либо дороге, не имеет никакого значения для тысяч конкретных водителей.

Но есть также критические ситуации, источники которых хорошо спрятаны от постороннего глаза, как, например, алкоголизм или наркомания. Имея в прошлом среди своих родственников двух алкоголиков

и видя, как на протяжении десятков лет множество врачей и просто хороших людей безуспешно боролись с этим социальным злом, я хорошо понимаю сложность и одновременно социальную значимость проблемы. Но вместе с тем понимаю и то, что, помимо генетических причин этой социальной болезни, есть причины сугубо социальные.

По данным Е. Ройзмана¹, сегодня в нашей стране ежегодно гибнут от курения 300 тыс. человек в год, а от алкоголизма – около 400 тыс. человек! Предполагаю, что от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний ежегодно умирают примерно столько же жителей РФ.

Уже почти 20 лет продолжаются два параллельно идущих процесса: отток талантливой молодёжи за рубеж и приток в Россию бедных людей из среднеазиатских республик бывшего СССР. Истинных мотивов этих мигрантов, кроме крайней нужды в заработке, мы не знаем. Знаем только, что они, как правило, работающие, однако периодически исчезающие (на время или навсегда), что делает этот социальный ресурс весьма проблемным во всех отношениях.

Искушённый читатель возразит: во всяком деле бывают «недоделки» и даже ошибки! Верно, но это означает, что, начиная какой-либо проект или создавая IT-новинку, всегда необходимо многократно просчитывать её отдалённые негативные последствия. В РФ сейчас задача на много порядков сложнее: перевести всю экономическую, социальную и политическую жизнь «на цифру», причём сделать это по традиции в исторически короткие сроки, что также порождает социальные и человеческие издержки. Значит, фактически снова, как в 1930-е и 60-е гг., ставится задача догнать, а то и перегнать наиболее индустриально развитые страны мира. Мобилизационное состояние общества не объявляется, но фактически речь идёт о перестройке всего общественного организма страны в короткие сроки, потому что соревнование между РФ и экономически развитым Западом уже шло много столетий и сегодня идёт ежедневно и ежечасно.

Исходные общие принципы данной типологии

Несколько предварительных замечаний. В теоретической социологии используются разные термины для обозначения КС: *кризис*, *опасность*, *риск* и *КС как таковое*. Понятие «кризис» я не рассматриваю, поскольку оно, как правило, обозначает периодически возникающие и потом самостоятельно исчезающие критические-ситуации. К тому же экономическим и социальным кризисами можно, как правило, управлять, т. е. предупреждать и смягчать их. «Опасность» – общий термин, обозначающий вероятность возникновения некоторой проблемы. «Риск» есть некоторое перманентное состояние современного общества. Как неоднократно подчёркивал У. Бек, мы все живём сегодня в обществе риска,

¹ Авторская еженедельная программа «Личный приём» на радиостанции «Эхо Москвы», 13.01.2020.

т. е. в перманентно небезопасном обществе. Наконец, понятие «КС» обозначает возникновение конкретной критической ситуации локального, национального или глобального масштабов.

З. Бауман, Г. Бек, Э. Гидденс, М. Кастельс и другие ведущие социологи современного мира не слишком интересовались вопросами типологии критических состояний западного общества и мира в целом, равно как и его «дигитализацией». Они, скорее, рассматривали его динамику как целостный, но вероятностный процесс, который поступательно двигался от традиционного к современному обществу. Типология, которая интересовала их главным образом, заключалась в осмыслении транзита от модерна к постмодерну, однако эти ключевые категории никогда ими не разрабатывались и тем более не рассматривались как типологические.

Что касается собственно критических состояний, то максимум, что их интересовало, это – степень риска тех или иных действий глобальных игроков. Только З. Бауман, анализируя кризис Европейского Союза 2011–16 гг., частично связал его с некоторым «переходным периодом», заимствуя это понятие из работ А. Грамши. Понятие *interregnum* означало, скорее, не переходный период, а некоторое состояние «между» [Bauman 2017]. На мой взгляд, немецкий социолог У. Бек [Beck 1992; 1999] сделал важное замечание, непосредственно относящееся к теме статьи. Он утверждал, что мы продолжаем жить в мире побочных последствий уже произошедших событий (*after-effects*).

Как уже отмечалось, РФ находится в очередном «переходном периоде». Это означает, что предлагаемые ниже принципы и подходы должны восприниматься с некоторой долей условности именно потому, что всякой исторически значимый переходный период означает изменение способа производства и социального воспроизводства, что неизбежно вносит коррективы в любые типологические схемы. Далее, переходный период означает изменение соотношения РФ с глобальным миром в целом, поскольку речь идёт о более интенсивном процессе вхождения в мировую экономику и геополитику. Наконец, вхождение РФ в мировую «цифровую галактику» [Castells 2004] также внесёт существенные коррективы в структурно-функциональную организацию нашего общества, её социальные нормы и культурные коды.

Перейдём теперь к рассмотрению принципов построения данной типологии.

1. Существуют постоянные (хронические) социальные «болезни» общества, которые иногда перерастают до уровня критической ситуации, и внезапно возникающие критические ситуации, которые далеко не всегда можно предвидеть.

2. Практически всякая критическая ситуация оставляет после себя длинный «хвост» природных, демографических, социальных и иных последствий. Эти последствия могут быть единовременными, но чаще они распространяются во времени и пространстве, т. е. возникает так называемый «каскадный эффект» данной катастрофы, который может тянуться годами и десятилетиями.

3. Существуют критические состояния людей и обществ, порождаемые конкретным событием, как например, войной или захватническими действиями. Но сегодня мы всё чаще имеем дело с гибридными феноменами, которые не вписываются в привычные рамки «мир или война», предполагающие наличие фронта и тыла, чёткое разделение на «мы и они», «враги и друзья» и т. д. [Yanitsky 2015].

4. Человеческая история состоит из ряда «переходных периодов», которые сами по себе чреваты критическими ситуациями. Сегодня Россия, как и многие другие страны мира, находится в стадии очередного «переходного периода», когда реконструируемая на новых основаниях структурно-функциональная организация общества уже не представляет собой хорошо отлаженного механизма, потому что одни его детали *уже* новые, а другие *ещё* только предстоит заменить.

5. Предыдущий тезис прежде всего относится к институциональной структуре общества, потому что она является силой, одновременно его сохраняющей и изменяющей. Сегодня эта структура является самой «проблемной», потому что общество находится между двух огней: оно одновременно должно иметь крепкие национальные, конфессиональные и другие «устои» и изменяться в процессе бесконечной перестройки глобального целого и его частей в процессе «перехода на цифру».

6. Возникает непростой вопрос: как сохранять «устойчивость» (sustainability) этого глобального целого и при этом непрерывно изменять его в целом и по частям? Или же надо расценивать любые разрушительные импульсы, исходящие от био-, техно- и социальной сферы не как неизбежное зло, а как общественное благо?

7. Сегодня мерилom «устойчивости» является наличие национального государства со своими нормами, правилами, образом жизни и т. д. Но каковы тогда институциональные, правовые и прочие основы транснациональных корпораций или же таких транснациональных проектов, как «Один пояс – один путь»?

8. Возьмём теперь противоположный «полюс», первичную ячейку общества – семью, а также соседство, малую профессиональную группу, отношения детей и взрослых и т. д. Разве сегодня в этих «микроячейках» не идут подобные же разрушительные процессы? А если мы сюда приплюсуем чрезвычайно высокую степень закредитованности населения РФ, о которой нас предупреждают экономисты и социологи, то ситуация будет выглядеть ещё более тревожной.

9. Во всех странах мира есть люди, по тем или иным причинам «выпавшие» из социальной жизни данного общества. З. Бауман называет их «отходами общества» или его париями [Bauman 2004]. Не хотелось бы прибегать к такой терминологии, но как быть с этими людьми? Можно ли их вернуть к «нормальной жизни», или же это – проблема благотворительных организаций, которые всегда существовали в России и за рубежом? И вообще – возможна ли такая ситуация, чтобы этих «отходов» не было вообще?

10. Наконец, «вопрос вопросов». Возможна ли вообще какая-либо типология, если жизнь непрерывно ускоряется, а «островков» стабильности остаётся всё меньше, и срок их существования – короче? Или же движение – это всё. А разные там ячейки, нормы, правила и т. д. – ничто? Получается, что пресловутая «устойчивость» есть лишь миг в цепи бесконечных перемен? Но тогда рушится концепция устойчивого развития. А может быть тогда любая «устойчивость» – не более чем момент в бесконечном движении вперёд?

Если мы снова обратимся к истории человечества, то действительно увидим, что между «устоями» и «переменами» шла непрерывная борьба.

Как люди справляются с названными противоречиями?

Первое и самое очевидное – посредством разделения труда. Одни выступают в роли новаторов, тогда как другие – в роли «стабилизаторов». И действительно: от пещеры первобытного человека до комфортабельного жилища современного горожанина именно так всё и происходило.

Второе, если традиционные, семейные, соседские и иные территориальные объединения быстро разрушаются, то им на смену или в качестве компенсаторного механизма приходят *виртуальные объединения* (СМИ, социальные сети с их множеством форм).

Третье. Сегодня социальные сети служат одновременно *убежищем* от избыточного давления непрерывных изменений и *прибежищем*, если человеку нужна моральная поддержка или материальная помощь.

Четвёртое. Естественно, что богатые люди имеют больше возможностей для стабильного и относительно безопасного существования. Они дифференцируют всё пространство жизни на «своё», т. е. принадлежащее состоятельным гражданам, и то, которое «для всех остальных». Самые богатые ведут изолированное существование, что, впрочем, иногда всё равно нарушается природными катастрофами, как это, например, периодически случается в Калифорнии (США).

Пятое. Бедные, напротив, создают районы или гетто, где они устанавливают свой социальный порядок и периодически совершают набеги на районы проживания более состоятельных граждан. Конечно, есть страны с относительно стабильным социальным порядком.

Шестое. Если раньше все уповали на совместно созданную международную систему договоров и соглашений, которая создавала «сетку безопасности», то сегодня ситуация резко изменилась. Перемены самого разного значения и масштаба случаются так часто, что *de facto* пришлось перейти на систему временных договоров и соглашений, дорожных карт и т. п., которые далеко не всегда выполняются полностью и в срок.

Седьмое. Даже в «нормальном состоянии» глобальная социальная система функционирует в колебательном режиме, т. е. все её аномалии представляются именно как колебания в пределах некоторой «нормы».

Восьмое и, наверное, самое сложное – кто и как эту норму отклонений определяет? Здесь необходимо вернуться к определению критического состояния. Дело в том, что разрушительные возможности человека растут так быстро, что «колебательное движение» может выйти за пределы этой нормы. И тогда вместо позитивной динамики глобальной системы, которую мы привыкли называть «развитием», возникает не просто негативная, а тотальная разрушительная динамика, которая будет означать конец человеческой цивилизации. Кто-то, вероятно, выживет или спасётся, вовремя улетев на другую планету, но этой конкретной цивилизации придёт конец.

Поэтому, *девятое* – человечеству нужны ограничительные (сдерживающие) силы, которые были бы способны оградить нашу цивилизацию от столь бесславного конца. Ранее такими были Движение за мир и безопасность во всём мире, Пагуошское и другие общественные движения. Однако сегодня они сошли на нет, и борьба за доступ к дефицитным ресурсам и за геополитическое господство над миром разгорается всё сильнее.

Наконец, *десятое* – всякое «ограничение» не равнозначно восстановлению и тем более поступательному развитию. Но человечество, находясь в рамках и будучи ведома капиталистической экономикой, не может найти такого пути по определению. Я не ратую за социализм в противовес капитализму. Но я выступаю за разумное ограничение человеческих потребностей и сохранение биосферы. Здесь действует принцип «или – или»: либо мы сохраним её объединёнными усилиями, либо сами нанесём ей страшный удар, потому что биосфера, превратившись в социобиотехносферу, предъявит человечеству свой счёт, просто перестав быть для него «неисчерпаемым ресурсом».

Критические состояния: фазы, формы и типичные последствия

Типологически обычно выделяются три фазы: предшествующая КС (предкритическая), собственно критическое состояние и его ближайшие и отдалённые последствия. С точки зрения Дж. Вилсона и его соавторов, которую я разделяю, фазу адаптации к новому состоянию или условиям жизни надо рассматривать отдельно [Wilson et al. 1988].

Предкритическая фаза может быть обозначена как минимум двумя способами: специальным информационным предупреждением (оповещением) или сообщениями в СМИ. От того, как человек или группа поведут себя в этот период, зависит очень многое: сохранение их жизни и имущества, мобилизация спасателей или волонтеров, принятие специальных мер по спасению жизни и имущества тех, кто отказался эвакуироваться, и многое другое. Хорошо отработанная предкритическая фаза – залог успеха последующих спасательных действий и минимизации людских, природных и других потерь. Если речь идёт о вероятности

техногенной катастрофы, вполне возможно потребуются специальная подготовка спасателей. Наконец, от специфики надвигающейся катастрофы зависят и действия местных и даже региональных (областных) властей.

У волонтеров на этой ступени есть множество возможных ролей: оповещение, помощь в сборах на случай эвакуации и т. д. Но ещё эффективнее, если подобные действия будут подготовлены ими заранее. вполне возможно, что именно в этот предкритический период может быть произведено согласование действий волонтеров со спасателями и местными властями.

Конечно, очень многое зависит от самого характера надвигающейся катастрофы; например, в случае наводнения: есть ли риск полного затопления данного региона или населённого пункта, радиационного или инфекционного поражения (в частности, при наличии на пути наводнения скотомогильников) и др. Во всех трёх фазах скорость распространения катастрофы и её поражающего эффекта будет играть решающую роль. Существенное значение имеет доверие и взаимодействие населения с местными властями и службами охраны порядка (полицией, росгвардией и др.). Конечно, если речь идёт о вероятности ядерной атаки, то подготовка к ней будет осуществляться по специальному плану сил МЧС.

Вторая, *собственно критическая фаза* также может быть различной. Один вариант – когда эта фаза наступает (в прямом смысле этого слова) *постепенно*. Как, например, медленный, но неуклонный подъём воды в реке, затяжной проливной дождь, постепенное разрушение дорог и иных коммуникаций, связывающих данный населённый пункт с остальным миром, или прекращение его энергоснабжения, подачи воды и других жизненно-важных ресурсов. Здесь многое зависит от повторяемости КС. Если это обычное, повторяющееся из года в год событие, то жители готовятся к нему заранее, и потому они не считают его КС. Другое дело, когда некоторый критический рубеж перейдён, например, запасы воды и еды иссякли, а связи с «большой землёй» всё ещё нет. Снова фактор времени играет здесь решающую роль.

Здесь не рассматриваются КС, возникающие в ходе военных действий или массовых карательных операций в отношении мирного населения, поскольку они уже неоднократно освещались в научной литературе.

Вариант построения типологии критических состояний

Типология критических состояний общества – сложная задача. Не случайно этот раздел назван «вариантом», поскольку такая типология может быть построена только совместными усилиями многих учёных и практиков. Как она может быть практически опробована, мне трудно себе представить, потому что эмпирический материал, доступный сегодня любому научному работнику, является недостаточным (или неполным) для построения такой типологии. И всё же некоторое движение в таком направлении необходимо.

Следуя главенству фактора времени наступления некоторого критического состояния, предлагаю выделить три фазы (подгруппы) проблем. Одна, когда о приближающемся КС известно заранее, т. е. возможно подготовиться к нему. Здесь возможны разные варианты, зависящие как от времени, имеющемся у «стороны-под-ударом» и степени осведомленности её населения о масштабе грозящей катастрофы, так и от готовности спасателей и волонтеров к данному виду КС и наличию у них необходимых средств и ресурсов. Эффект сопротивления грозящему КС зависит также от степени подготовленности местных властей и от многого другого. То есть опять мы сталкиваемся с *ситуацией неопределённости*.

Мы должны помнить также, что характер предполагаемого удара (наводнения, урагана, техногенной катастрофы) будет, скорее всего, иметь *гибридный характер*, к чему как спасатели, так местные власти и население далеко не всегда готовы. Причём если это не стихийное бедствие, то сторона, наносящая названный удар, может варьировать (комбинировать) соотношение факторов, его составляющих; т. е. эта сторона будет вести себя так, как будто это военная операция. Но даже если это именно стихийное бедствие, то, напомним, что сегодня КС носит по большей части каскадный характер, иными словами, весьма вероятен «эффект домино».

Учитывая опыт Великой Отечественной войны (1941–45 гг.), влияние которой я прочувствовал и пережил, будучи ещё подростком, напомним, что к любому современному КС нельзя подготовиться быстро. Напротив, нужно готовиться заранее. Я имею в виду прежде всего средства оповещения населения и готовность местных властей к возможному КС. Но также необходима подготовка убежищ, создание необходимых запасов воды и медикаментов и т. д. Подчёркиваю, речь идёт не о мобилизации средств и сил спасения, а именно о подготовке заранее. Тогда в случае наступления КС собственно мобилизационные меры будут сведены к минимуму.

Замечу, что «гибридность» и «системность» возможного КС – сходные, но разные понятия. Гибридность – это феномен комбинации разнокачественных факторов и сил, и соответственно, – предмет науки комбинаторики. А формирование социобиотехнических систем (далее СБТ-систем) – это предмет системного, в данном случае междисциплинарного анализа, в основе которого лежат метаболические трансформации [Yanitsky 2016; Яницкий 2019]. В любом КС – это принципиальный, но пока что мало исследованный процесс количественно-качественных трансформаций. Поэтому одно дело – возникновение в результате КС гибридных образований, и совсем другое – СБТ-систем различного качества и масштаба.

Вторая фаза (она же и подгруппа) проблем относится ко времени собственно разрушительного или иного воздействия КС на некоторый объект-субъект. В этой «фокальной точке» КС всё имеет значение, как-то: время приближения некоторого КС, степень информированности местных властей и населения, характер их реакции на эту «критическую» информацию и, наконец, поведение всех видов систем, от природных до технических и социальных, в ответ на воздействие данного КС.

Именно в этой, фокальной точке начинаются самые сложные и потому недостаточно исследованные трансформации данного объекта-субъекта. Сложные потому, что речь идёт именно о *множестве метаболических трансформаций*, которые могут происходить как одновременно, так и в течение длительного времени и далеко за пределами места КС. И вот к анализу этих сложных явлений ни наука, ни практика ещё не готовы.

Наука не готова потому, что за редким исключением продолжает придерживаться монодисциплинарного подхода, который не соответствует сложной сущности изучаемого КС, в основе которого лежат множественные метаболические трансформации. Приведу пример, с которым столкнулся лично.

Некий белорусский охотник составил самодельную карту радиоактивных загрязнений района, где он обычно охотился. Эта карта была составлена на основе открытых данных в республиканской печати спустя некоторое время после Чернобыльской катастрофы. Но он не учёл того факта, что со временем эти «пятна» радиоактивных загрязнений могут как расползаться, так и мигрировать в другие природные среды и там накапливаться; этот процесс может продолжаться десятилетия.

В этом смысле, как ни парадоксально, местному населению могут помочь волонтёры из числа студентов и аспирантов, занимающихся охраной природы. Молодые люди, как правило, больше интересуются новинками науки и техники, чем их преподаватели и тьюторы, и скорее могут донести до местного населения информацию о возможных метаболических трансформациях.

В проблеме метаболизма катастроф есть и важный *гуманитарный аспект*. Я имею в виду время, в течение которого пострадавшие в случае разрушений могут существовать под завалами. Здесь также необходима подготовка современных волонтёров. Одно дело – регулярная помощь и посещение раненых и больных в стационарах, и совсем другое, когда речь идёт о *критическом времени выживания* человека, животного или целостной локальной СБТ-системы.

Посткатастрофное состояние является *третьей фазой*. Однако и она должна быть разделена на два этапа. Первый – неотложная медицинская, психологическая, материальная и иная *помощь in situ*. Реализация этого этапа, в свою очередь, зависит от двух вещей: степени срочности оказания любой неотложной помощи пострадавшим людям и природе, степени доступности данного места (города, посёлка, деревни) для спасателей, волонтёров и тех, кто доставляет в зону КС спасателей, необходимое им оборудование, воду, продукты питания, медикаменты и т. д.

Далее начинается незаметный, но чрезвычайно ответственный второй этап: посткатастрофная *адаптация пострадавшего населения* к своему новому положению, условиям жизни, соседям и т. д. Это самый долгий этап, когда пострадавшее население и природные экосистемы испытывают наибольшие трудности, которые могут длиться бесконечно долго, поскольку им нужно не только восстановить своё здоровье и уровень жизни, но и «догонять» быстро изменяющуюся общественную

жизнь. Кроме того, адаптация к КС сопровождается распадом семьи и прежних социальных связей, утерей локальной идентичности пострадавших и массой других потерь, которые мы называем «мелочами жизни», но без которых жить не можем. Пострадавшие особенно озабочены утерей тех «мелочей», которые облегчали их повседневную жизнь. Добавлю к этому, что переходный период к всеобщей «цифровизации» повседневного труда и жизни означает необходимость дополнительных материальных и интеллектуальных усилий, чтобы не выпасть из нового темпоритма повседневной жизни, не оказаться ненужным для развивающегося общества человеческим материалом.

«Волонтёры-для-адаптации» пострадавших – совсем другая ипостась волонтерского движения, требующая от них новых знаний и умений, а также всего того, что обозначалось словом «милосердие». Оно чрезвычайно важно именно сегодня, потому что ЧС – лишь некоторый короткий отрезок жизни, а адаптация – это вся оставшаяся жизнь «после». В этот длительный период от волонтеров требуются не только знания и навыки ухода за пострадавшими, но постоянное терпение и внимание к тем мелочам жизни, которые суть не менее важное «лекарство», чем медицинское наблюдение.

Общая для населения РФ проблема – высокая закредитованность почти половины трудоспособного населения страны, следовательно, риск наложения штрафных санкций и ареста банковских счетов. Особенно она болезненна для пострадавших в результате КС. Способны ли волонтеры помочь пострадавшим в решении этой непростой проблемы – вопрос открытый. Однако один, пусть частичный способ помочь им всё же есть. Это – всё та же благотворительность; например, сбор денежных средств для погашения задолженности потерпевшего, а также помощь в приобретении одежды, домашней утвари и предметов первой необходимости.

В последние годы возникла ещё одна важная опасность: повсеместное ухудшение уровня и качества первичной медицинской помощи (состояние поликлиник, недостаток необходимых лекарств и т. п.), что стало неизбежным результатом предшествующей «оптимизации» этой исключительно важной сферы услуг для населения, особенно в сельской местности и малых городах на огромной территории РФ. Можно один раз что-то не сделать: не пообедать, не помыть пол, не посетить занятия или не выучить урок. Но пропустить консультацию у врача-специалиста нельзя ни в коем случае! Тем самым выявляется ещё одна исследовательская и практическая проблема – неотложность тех или иных действий служб спасения, медицинской и волонтерской помощи.

Наконец, ещё один важный общественный результат конкретного КС – это миграция населения. Здесь возможны два варианта в зависимости от ситуации. Если это, например, малый город или населённый пункт, то возможно, что после КС или даже в процессе часть населения покинет это место навсегда. Тем более что сегодня есть возможность работы вахтовым методом или дистанционно. Но возможно и другое: данный населённый пункт будет восстановлен руками местных жителей

и привлечённых специалистов, поскольку представляет собой памятник историко-культурного значения. Тогда вероятно, что значительная часть его коренного населения вернётся обратно.

Наконец, ещё один типологически важный случай – это положение жителей в городе, находящемся на осадном положении, когда кругом идёт война, или в пустыне: жизненно важные ресурсы на исходе и связи с внешним миром нет. Подобный критический случай был изучен мною на примере осаждённого города Алеппо, Сирия [Яницкий 2017]. Но такая ситуация может возникнуть и в мирное время, как это случилось с городом Тулун Иркутской области в 2019 г.

Стоит выделить и ещё одну весьма сложную проблему – помощь малым коренным народам Восточной Сибири и Дальнего Востока РФ. Малочисленные сообщества этих людей расселены на огромных территориях, они могут изменять места своих временных стойбищ, поскольку чрезвычайно зависимы от охоты и рыболовства, главного ресурса их жизнеобеспечения.

Способна ли наука предвидеть возможные КС?

Это наиболее сложный вопрос ввиду нелинейного и вероятностного характера динамики происходящего процесса превращения биосферы в социобиотехносферу, международных и внутренних конфликтов и др. Но в то же время без прогнозирования не обойтись, так как построение сценариев динамики отдельных отраслей и сфер производства и воспроизводства даёт ограниченный результат именно в силу своей «линейности». Даже вероятностные прогнозы общих и местных КС остро необходимы.

Что уже есть? Есть развитая сеть спутникового наблюдения и оповещения, однако она касается главным образом природных и техногенных КС. Есть государственные и гражданские силы «быстрого реагирования». Существует развитая социальная сеть, которая может быть использована для оповещения граждан и местных властей о надвигающейся ЧС. Наконец, жителей малых городов и сёл можно «подготовить к встрече» с некоторыми видами ЧС. На мой взгляд, во многом бессмысленная система миллионов «лайков», которая ничего не приносит, кроме минутного успеха одних и обогащения других. Однако социальная сеть может быть использована для просвещения и мобилизации тысяч жителей в самых разных частях нашей страны для защиты своих жилищ.

В борьбе с социальными болезнями (алкоголизмом, наркоманией и проституцией) дело обстоит гораздо сложнее. Здесь речь идёт не о разовых мероприятиях, а о длительном и постоянном противоборстве этим социальным болезням, которые лишь частично могут улавливаться техническими средствами наблюдения и слежения. Но и в этом случае для волонтеров найдётся работа, особенно в посткатастрофный период реабилитации пострадавших от КС, особенно тяжело больных и престарелых.

Наконец, о возможностях «цифрового волонтерства». Об этом уже говорилось выше, но некоторые детали заслуживают обсуждения. Поскольку вся современная жизнь перемещается в «цифровую сферу», возникает вопрос: где «цифровое волонтерство» сейчас нужнее всего?

Во-первых, в ходе школьного и вузовского обучения. Молодые люди должны понимать, что этот процесс – не просто пополнение «копилки» их знаний и навыков, а структурный элемент необходимой сегодня связи «наука – обучение – практика». Связи, которая непрерывно изменяется и пополняется. Волонтерам не нужны цифровые игроки, им нужны образованные и опытные люди, способные не только предсказывать приближение и характер некоторого КС, но и знать, когда, кого и что нужно мобилизовать, чтобы ущерб был минимальным. Далее, задача «цифровых волонтеров» мобилизовать как сетевые, так и индивидуальные информационные ресурсы для решения предыдущей задачи. Затем, именно «цифровые волонтеры» совместно с учёными и практиками социальной защиты населения должны разрабатывать вероятностные модели динамики всего КС, от его начального этапа и до процессов ликвидации или смягчения последствий.

Наконец, полагаю, пришло время заняться разработкой комплексной цифровой модели процесса трансформации биосферы в социобиотехносферу.

Вместе с тем есть и противоположная задача: уберечь общество и прежде всего молодёжь от технократической идеологии в любом её виде. Иначе мы быстро придём к обществу «умных машин», которые будут жить в цифровой среде и общаться только на цифровом языке. Здесь я целиком и полностью согласен с С. А. Кравченко и его коллегами, настаивающими, что всему глобальному сообществу нужен «гуманистический поворот» [Кравченко 2015; Гуманистический поворот... 2018]. «Цифра» была и будет только инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен. Не побоюсь сделать катастрофический прогноз: тотально «цифровое общество» рано или поздно самоуничтожится.

Выводы

Все события и процессы современной жизни потенциально рискованны, и каждый виток глобальной динамики может сопровождаться КС. Поэтому в данной статье рассмотрены только основные из них, типичные для данного этапа современной истории развития РФ.

К основным архетипам КС относятся: геополитические, природно-климатические и техногенные катастрофы глобального и континентального масштаба. А также рукотворные, но практически не всегда видимые критические состояния общественного организма (внутреннее разложение и распад его отдельных частей, массовые эпидемии и социальные «болезни», как, например, алкоголизм и наркомания, коррупция и преступность).

К критическим состояниям также относятся те состояния общества, которые возникают при исчерпании существующих форм его институциональной и иной организации. Я имею в виду бедность и другие проявления

критического отставания индивидов и групп от современного темпоритма развития современного общества, в результате чего возникает и множится количество людей, практически исключённых из общественной жизни, а также – сознательный уход из неё вполне обеспеченных людей.

Типология критических состояний есть многомерное и вероятностное понятие. Тип КС зависит как от надвигающейся опасности, скорости её приближения, характеристик СБТ-системы, по которой, скорее всего, будет нанесён удар, степени подготовленности населения, так и от спасателей, муниципальных властей, местных условий и от многого другого. Иными словами, *типология КС есть многомерное, подвижное и потому вероятностное понятие*. Каждое новое научное открытие, изменение в структуре и динамике глобальной СБТ-системы и степени готовности местного населения и его волонтеров будет изменять эту типологию.

Представляется, что для минимизации негативных последствий любых КС все социальные агенты, независимо от их масштаба и назначения, должны быть готовы к ним так же, как они должны быть готовы к рутине повседневности. *В современных условиях различия между «нормой» и «патологией» становятся постепенно всё более условными*. Это утверждение – не очередной релятивизм, а констатация того факта, что современная глобальная СБТ-система непрерывно эволюционирует.

Вывод заключается в том, что поддержание любой социальной, природной и СБТ-системы в рабочем состоянии столь же важно, как и её конструирование и строительство. Существенно, что происходящее «сжатие» социального пространства посредством времени может вызвать реакцию отторжения ускоряющегося процесса технических инноваций и потребность в возвращении к прежнему мобильно-стабильному укладу жизни. И это не просто ностальгия, а сознательное нежелание терять такие важнейшие качества личности, как способность к рефлексии и размышлению, самостоятельная оценка изменяющейся обстановки и способность к предвидению и прогнозированию. Наконец, не менее важно, чтобы анти-КС меры не превращались в очередную бюрократическую акцию, в «перестройку ради перестройки».

Волонтеры и гражданское общество в целом – необходимые участники действий по предотвращению КС на всех этапах его возникновения, воздействия на общество и последующей адаптации пострадавших в результате КС. Что касается «цифровизации» общественной жизни, то полагаю, что «цифра» была и будет лишь инструментом в руках человека, который должен уметь самостоятельно мыслить и рефлексировать по поводу происходящих в мире перемен и принимать решения самостоятельно.

Библиографический список

Кравченко С. А. 2015. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: Востребованность гуманистического поворота. М.: МГИМО-Университет. 343 с.

Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации / Отв. ред. Кравченко С. А. М.: МГИМО-Университет, 2018. 209 с.

Яницкий О. 2017. Качественная модель осажденного города: случай Алеппо, Сирия // Социологическая наука и социальная практика, № 1. С. 129–144.

Яницкий О. Н. 2019. Переходный период: цели изучения, теория и практика. М.: Российская политическая энциклопедия. 287 с.

Bauman Z. 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press. 140 p.

Bauman Z. 2017. *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London, UK: Social Europe Edition. 163 p.

Beck U. 1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE. 260 p.

Beck U. 1999. *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press. 184 p.

Castells M. 2004. *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford: Oxford University Press. 292 p.

Wilson J., Harel Z. and Kahana B., eds. 1988. *Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam*. New York and London: Plenum Press. 397 p.

Yanitsky O. N. 2014. *Sociology of Critical Areas* // Open Journal of Social Science Research. Vol. 2 (3): 112–118. URL: http://manuscript.sciknow.org/uploads/ojssr/pub/ojssr_140963345.pdf (Дата посещения 23.01.2020).

Yanitsky O. 2015. Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War? *Journal of Social Sciences Research*. Vol. 6 (3): 1090–1098. URL: http://cirworld.com/journals/index.php/jssr/article/view/3680/pdf_99 (Дата посещения 23.01.2020).

Yanitsky O. 2016. *Sociobiotechnical systems: a New Approach to Man-Nature Interactions* // Yanitsky O. *On Globalization and its Environmental Consequences*. М.: IS RAS. P. 123–135. URL: <http://www.isras.ru/index.php?id1198&id=4603> (Дата посещения 23.01.2020).

Статья поступила: 03.11.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва

10.19181/vis.2020.11.1.623

A Typology of the Critical States of a Modern Society

Oleg N. Yanitsky

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: oleg.yanitsky@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Yanitsky, O. N. A Typology of the Critical States of a Modern Society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 14–29. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.623

Abstract. The main purpose of this article is to create a typology of modern society's critical states based on analyzing Russian and foreign studies, as well as the author's own theoretical constructs developed over the last 30 years. I personally consider geopolitical, natural-climatic and manmade catastrophes of global and continental scale to be the main archetypes of critical conditions. After that we have artificial, but virtually indistinguishable critical conditions of society (inner degradation and collapse, mass epidemics and social "diseases" such as alcoholism, drug addiction, corruption and crime). And, finally, critical conditions which emerge when the existing forms of institutional or other social organization have run their course; for example, poverty and other manifestations of an individual or group critically lagging behind society's current pace of development. As a result, the amount of people who are basically excluded from public life begins to multiply. We also have society's rapid shift towards the "digital" age taking its toll. In order to minimize the negative consequences of all sorts of critical conditions, all social agents, regardless of their magnitude and purpose, must be prepared for critical situations arising as part of their everyday routine. In other words, in current conditions the differences between the "norm" and "abnormalities" are gradually becoming ever the more arbitrary. Such an assertion isn't just relativism, but rather a testament to the fact that the current global SBT-system, of which Russia is an essential element, is constantly evolving. Volunteers and civil society in general are indispensable players when it comes to preventing critical conditions at all stages of their development, influence on society and subsequent adaptation of those who suffered as a result of them. As for the "digitalization" of public life, the author insists that "digital" tools were always and will be merely an instrument in the hands of human beings, who must be able to think independently, reflect on the changes occurring in the world and make their own decisions.

Keywords: acceleration, accidents and disasters, critical states, digitalization, geopolitics, social institutions, society, volunteers

References

- Bauman Z. *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London (UK), Social Europe Edition, 2017: 163.
- Bauman Z. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge (UK), Polity Press, 2004: 140.
- Beck U. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London, Sage, 1992: 260.
- Beck U. *World Risk Society*. Malden (MA), Polity Press, 1999: 184.
- Castells M. *The Internet Galaxy. Reflections on the Internet, Business and Society*. Oxford, Oxford University Press, 2004: 292.
- Humanistic Turn: Imperative of Human Civilization*. Ed. by S. A. Kravchenko. Moscow, MGIMO, 2018: 209.
- Kravchenko S. A. *Sociological knowledge through the prism of the "arrow of time": The demand for humanistic turning*. Moscow, MGIMO, 2015: 343.
- Wilson J., Harel Z., Kahana B. *Human Adaptation to Extreme Stress. From the Holocaust to Vietnam*. New York, London, Plenum Press, 1988: 397.
- Yanitsky O. N. *A Qualitative Model of the Besieged City: The Case of Aleppo (Syria)*. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika = Sociology and Social Practices*, 2017: 1: 129–144 (In Russ.).
- Yanitsky O. N. *Are the Sociologists Well Prepared to the Modern War?* *Journal of Social Sciences Research.*, 2015: 6 (3): 1090–1098.
- Yanitsky O. N. *Transition period: research goals, theory and practice*. Moscow: RossPEN, 2019: 287 (In Russ.)
- Yanitsky O. N. *Sociobiotechnical systems: New Approach to Man-Nature Interactions*. In: *On Globalization and its Environmental Consequences*. Moscow, IS RAS publ., 2016: 123–135.
- Yanitsky O.N. *Sociology of Critical Areas*. *Open Journal of Social Science Research*, 2014: 2 (3):112–118.

The article was submitted on: November 03.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg Nikolaevich Yanitsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Main researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Institute of Sociology of the FCTAS RAS

ТЕМА НОМЕРА

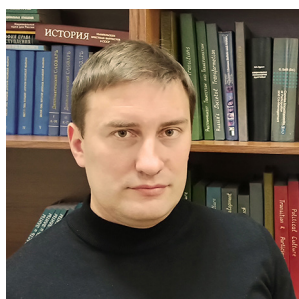
ВОЛОНТЁРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624

Социология волонтерства: определение границ исследования

Ссылка для цитирования: *Невский А. В.* Социология волонтерства: определение границ исследования // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 30–46. DOI: DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624

For citation: Nevskii, A. V. Sociology of volunteering: defining the boundaries of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 30–46. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624

Невский Андрей Владимирович

Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия; ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

anevskij@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [180845](https://elibrary.ru/author_index.action?id=180845)

Аннотация. Социологические исследования волонтерства¹ обычно используют определение, включающее все возможные виды свободной, безвозмездной деятельности на благо других. Такой подход превращает феномен волонтерства в аналитический инструмент для исследования различных сфер экономической и социальной жизни: степени развития гражданского общества, структуры занятости, особенностей экономического режима. Тем не менее применение такого определения для исследования самих волонтерских движений представляется проблематичным. Многочисленные критики указывают на то, что такой подход к пониманию волонтерства ведёт, с одной стороны, к исключению из исследовательского поля многих видов волонтерской деятельности, которые не в полной мере соответствуют указанным критериям свободы выбора и безвозмездности; с другой стороны, размывает понятие волонтерства, объединяя его с другими формами гражданского действия, такими как политический активизм. Кроме того, в большинстве исследований наблюдается тенденция к выделению волонтерства как особого типа действия, которое обладает устойчивыми имманентными характеристиками вне зависимости от того, в какой сфере оно осуществляется. В результате такого подхода игнорируются существенные особенности различных видов производительной деятельности, в которых могут участвовать волонтеры. Также за рамками исследования остаются практики волонтерства, тогда как фокус анализа смещается к изучению социально-демографических характеристик участников и вопросов их мотивации. На основе анализа отечественных и зарубежных источников в статье представлен обзор проблем, связанных с определением границ исследуемой области, обсуждаются основные трудности построения общей теории волонтерства, анализируется принятое в западной литературе разделение различных форм гражданской деятельно-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ №19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

сти: волонтерство, низовое политическое участие, гражданский активизм. Приводятся аргументы в пользу ограничения предмета исследования и аналитического разделения между разными видами гражданской активности.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, гражданский активизм, труд, досуг, НКО

Социология волонтерства выделилась в самостоятельное направление исследований в начале 1970-х гг. во многом благодаря работам социолога Д. Х. Смита [Smith 1973; 1975]. В этот же период начался процесс институционализации этой отрасли знания – в 1971 г. в США была основана Ассоциация исследователей НКО и волонтерского действия (ARNOVA), а с 1972 г. начал выходить журнал Ассоциации «Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly», со временем ставший ведущим периодическим научным изданием в исследованиях гражданских ассоциаций и волонтерства. Позднее появились и другие исследовательские центры: Международное общество исследований третьего сектора (ISTR), Центр исследований гражданского общества университета Дж. Хопкинса и другие. Социология волонтерства включает в себя широкий спектр исследований, связанных с организационной вовлеченностью волонтеров, их мотивацией и ценностями, влиянием гендера, расы, этничности, классовой принадлежности на волонтерское участие и другими темами. Среди авторов, работавших над теоретическими проблемами в социологии волонтерства, помимо Д. Х. Смита, следует выделить Дж. Уилсона, Л. Хастинкс, Р. Кнаана. В России попытки концептуализации волонтерства как предмета социологического исследования предпринимались в работах Л. Кудринской и М. Певной [Кудринская 2006; Певная 2013].

Несмотря на устоявшуюся традицию теоретического анализа и разнообразие эмпирических исследований, до сих пор ведутся дебаты по поводу ключевых эпистемологических проблем: предмета исследования социологии волонтерства [Overgaard 2019; Wilson 2000], соотношения её с социологическими макротеориями [Hustinx et al. 2010a], места социологии волонтерства в смежных областях исследований, таких как социология труда, организаций, досуга [Overgaard 2019; Pearce 1993; Stebbins 1996]. Большинство авторов признают, что до сих пор не удалось выработать общего понятия для феномена волонтерства – настолько широк спектр коллективных и индивидуальных действий, попадающих под определение волонтерского труда [Hustinx et al. 2010a; Wilson 2012]. Ключевой здесь, по-видимому, является проблема того, что считать волонтерством – среди исследователей нет согласия в определении границ этого явления. Например, существуют разные подходы к тому, как аналитически разделить волонтерство и гражданский активизм в качестве двух разных форм свободной гражданской активности [Eliasoph 2013; Evers, von Essen 2019; Musick, Wilson 2008]. С развитием

теории стало очевидно, что такие критерии волонтерства как свобода, деятельность во благо других и отсутствие вознаграждения, принятые в ранних определениях, также могут являться предметом дискуссии [Brudney 2010; Snaan et al. 1996; Hustinx et al. 2010a].

Важность определения границ волонтерства становится очевидной при переходе от теории к эмпирическим и особенно сравнительным исследованиям. Размытость в определениях здесь влечёт за собой ряд трудностей. Во-первых, исследователи зачастую вынуждены заново давать определение волонтерства в зависимости от того, по какой оси проходит разделение между разными видами деятельности в их исследовании: между гражданским активизмом или волонтерством, работой или досугом, организованным или спонтанным участием. Во-вторых, вопрос об участии в волонтерской деятельности часто становится проблематичным для информанта в связи с тем, что в зависимости от ситуации волонтерство может характеризоваться разной степенью свободы участия или, например, наличием вознаграждения. Так, в ряде случаев термин «волонтерство» (или «добровольчество») может иметь негативные коннотации в тех странах, где существовала или существует практика принудительного «добровольчества» [ILO 2011: 11]. В-третьих, отсутствие общих критериев для определения того или иного вида деятельности как волонтерского существенно затрудняет сравнительные исследования между разными странами, экономическими системами или культурами. Так, включение волонтерских ассоциаций в один массив данных вместе с низовыми политическими инициативами, международными НКО, клубами, индивидуальными проявлениями добровольческого участия [Putnam 2000] может привести к противоречиям между данными и теорией – например, уровень волонтерского участия в социал-демократических странах так же высок, как и в странах с либеральной моделью экономики, где волонтерство считается более востребованным. Эти данные представляют собой проблему для теории социальных причин, ставящей степень волонтерского участия в зависимость от типа государства благосостояния [Salamon, Sokolowski 2001].

Цель данной статьи – обзор ключевых работ в области социологии волонтерства с точки зрения упомянутой выше проблемы определения границ исследуемой области, а также поиск возможных решений для нужд эмпирического исследования. В первой части статьи рассматриваются способы концептуализации волонтерства в социальных науках в целом. В фокусе – основные типы определений, критерии для выделения волонтерской деятельности, некоторые способы классификации волонтерства. Вторая часть посвящена описанию ключевых проблем, возникающих при концептуализации и построении теории волонтерства в социологии. В третьей части анализируется различие между исследованиями волонтерства и социальных движений и гражданского активизма как часть общей проблемы определения границ исследования в социологии волонтерства.

Проблема определения волонтерства в междисциплинарных исследованиях

В одной из первых теоретических работ по социологии волонтерства, статье Д. Х. Смита «Voluntary action and voluntary groups», поиск определения волонтерства как особого вида деятельности заявлен в качестве ключевой проблемы [Smith 1975]. Такая постановка вопроса во многом определила дальнейшую логику развития теории – ключевые авторы занялись поиском критериев для определения волонтерства как особого вида индивидуального и коллективного действия, которое можно встретить в различных сферах производительной деятельности.

При этом исследования волонтерства изначально носят междисциплинарный характер, и значимые критерии при определении того, что является волонтерской деятельностью, во многом зависят от того, в рамках какой дисциплины работает автор. Так, в упомянутой выше классической работе Смит определяет волонтерство как поиск психологических вознаграждений (например, чувство сопричастности, самооценка, самоактуализация), не зависящий от биосоциальных факторов, материального вознаграждения и прямого принуждения [Smith 1975: 247]. У этого определения есть два значимых следствия. Во-первых, Смит поместил в центр исследований волонтерства проблему вознаграждения (psychic benefits), положив начало традиции исследований волонтерства как досуга и стиля жизни. Вслед за ним Стеббинс использовал идею психологических вознаграждений для своей концепции «серьезного досуга» [Stebbins 1996], в дальнейшем применяя её к исследованиям волонтерства в сельских пожарных дружинах, спортивных командах, музеях и арт-сообществах [Stebbins, Graham 2004]. Во-вторых, при таком подходе волонтерство прежде всего определяется как акт индивидуальной воли, в котором социальные и экономические факторы, например, обязательства перед местным сообществом, не рассматриваются, либо играют второстепенную роль.

Подобный методологический индивидуализм нашёл своё отражение в исследованиях волонтерства в русле экономики и социальной психологии. Так, для исследователей-экономистов характерен подход к изучению волонтерства с точки зрения баланса индивидуальных издержек и выгод, а само по себе волонтерское участие представляет собой парадокс в духе М. Олсона – понимание результата волонтерской работы как коллективного блага не объясняет индивидуального участия [Олсон 1995]. В качестве решения этой проблемы предлагается всё та же идея психологических вознаграждений, которые заменяют собой материальные выгоды. Следует отметить, что такой подход часто редуцирует сложный комплекс психологических мотиваций до рациональных и в целом игнорирует факторы социальной среды, культуры, социализации. В социальной психологии фокус исследования также направлен на персональные черты личности, которые способствуют или, наоборот, препятствуют долгосрочному просоциальному поведению. При этом, изучая такие кате-

гории, как эмпатия, альтруизм, экстравертность, данный подход также уделяет совсем немного внимания социальным факторам, которые опосредуют эти персональные черты при переходе к социальному действию [Hustinx et al. 2010a].

Этот же подход наблюдается в ряде социологических работ и в масштабных количественных исследованиях, опирающихся на методы социологии. Крис и Чарльз Тилли определяют волонтерство как «свободную неоплачиваемую работу на благо тех, с кем волонтер не связан обязательствами контракта, родства или дружбы» [Tilly, Tilly 1994: 291]. Центр исследований гражданского общества Университета Дж. Хопкинса в своих кросс-национальных исследованиях опирается на определение из французского опроса 1992 г.: «волонтерство – это неоплачиваемые труд и время, жертвуемые на благо групп и некоммерческих организаций за пределами круга семьи, соседей или друзей» [Anheier, Salamon 1999: 50]. Международная организация труда в своих опросах схожим образом определяет волонтерство как «неоплачиваемый, добровольный труд, который через организации или напрямую направлен на благо людей, не входящих в домохозяйство волонтера» [ILO 2011: 13]. Все эти определения объединяет новый критерий – волонтерский труд направлен на благо людей, с которыми у волонтера нет семейных или устойчивых дружеских связей. В связи с этим критерием появляется ещё один – формальное организационное участие, которое позволяет исключить из исследования работу по дому или неформальную дружескую помощь. В целом же волонтерство продолжает рассматриваться как вопрос свободного индивидуального выбора.

Такой подход является проблематичным сразу в нескольких аспектах. Оставляя в силе социологический номинализм ранних исследований, он тем самым отсекает значительную часть волонтерской работы, которая может быть не основана на свободном выборе, альтруизме и безвозмездности. Эти ограничения стали очевидны, когда социологи предприняли попытку вместо единого определения волонтерства выдвинуть ряд существенных характеристик данного феномена [Snaap et al. 1996]. На основании контент-анализа более трёхсот определений волонтерства было выделено четыре оси, по которым существует консенсус среди большинства исследователей: свобода воли, вознаграждение, связь с бенефициарами и организационная включённость. Для каждой оси возможен широкий спектр условий – например, включение в волонтерскую деятельность может быть как результатом свободного выбора, так и результатом принуждения со стороны организации, экономической системы или локального сообщества. При обращении к эмпирическим исследованиям становится очевидным, насколько широким может быть этот спектр.

Во-первых, волонтерство определяется как свободный, непринудительный труд, однако зафиксировано множество случаев, когда это условие не соблюдается. Например, участие в волонтерской деятельности может быть требованием компании к своим работникам, частью её имиджевой политики [Hustinx et al. 2010b]. В некоторых сельских общинах

Японии добровольная служба в местной пожарной команде является необходимым условием социализации молодых мужчин, без которой им будет трудно рассчитывать на вступление в брак, занятие некоторых управленческих должностей в общине, вступление в права наследства [Haddad 2010]. При этом социальные характеристики среды могут как поощрять, так и блокировать разные типы волонтерского участия: представляется очевидным, что церковные организации будут поощрять «моральное обязательство» (moral obligation) помогать окружающим [Wuthnow 1991], однако те же организации могут осуждать волонтеров, которые работают, например, с ВИЧ-инфицированными [Snyder et al. 1999]. В целом проблематичность описания волонтерства как свободного индивидуального выбора представлена в концепции коллективного стиля (collective style) волонтерства, при котором участие является в большей степени моральным долгом и условием успешной социализации в том или ином сообществе [Hustinx, Lammertyn 2003].

Во-вторых, отсутствие вознаграждения для волонтеров также не является обязательным условием. Помимо очевидных случаев, когда волонтеры получают зарплату за свой труд и отличаются от штатных сотрудников только формальным статусом и наличием социальных гарантий, как это происходит с пожарными волонтерами во Франции [Pudal 2012], существует множество вариантов возмещения расходов или получения выгоды от волонтерской деятельности – от оплаты транспортных расходов до возмещения затрат времени [Rochester et al. 2012].

Проблема связи волонтеров с бенефициарами их деятельности также является предметом дискуссии. Помимо того, что многие информанты включают в добровольческую деятельность безвозмездную помощь своим родным [Wilson, Musick 1997], не всегда ясно, где заканчиваются границы того круга лиц, с которыми волонтер связан обязательствами дружбы или родства. Исследования показывают, что значительная доля волонтерской работы проводится вне рамок формальных организаций [Wilson 2012] и представляет собой сети взаимопомощи, заботы, охраны порядка. Чаще всего такие практики встречаются, например, в иммигрантских сообществах, в которых трудно четко очертить границы домохозяйств и родства. Четвертая ось, а именно формальная организационная принадлежность как условие волонтерства, очевидно, используется большинством авторов именно для того, чтобы отсечь возможность учета помощи родственникам в качестве волонтерской, однако само по себе это разделение вызывает ещё больше вопросов. Так, критерий формального участия исключает спонтанную мобилизацию в чрезвычайных ситуациях как практику волонтерского участия.

Таким образом, анализ характеристик волонтерства, сделанный Р. Кнааном и коллегами, а также свидетельства из эмпирических исследований делают проблематичной возможность выработки единого определения волонтерства и указывают на то, что, возможно, изначально выбранный подход, при котором волонтерство выделяется как самостоятельная единица анализа, должен быть подвергнут пересмотру.

Проблема построения теории в социологии волонтерства

Попытки построения интегрированной теории волонтерства предпринимались с середины 1990-х гг. [Wilson, Musick 1997; Janoski et al. 1998]. Как отмечает исследовательница волонтерства Л. Хастинкс, при построении такой теории социологи в основном ориентируются на два сюжета в классической социологии: социальную солидарность и производство общественного блага [Hustinx et al. 2010a]. Во-первых, волонтерство представляется как чистый тип социальной солидарности, не основанной на обязательствах родства, разделении общественного труда или принудительной силе «государства благосостояния». Для объяснения этой солидарности чаще всего задаётся вопрос «кто участвует?», а предметом исследования становится «социальный профиль» (social profile) волонтеров [Musick, Wilson 2008], т. е. индивидуальные факторы, влияющие на включение и участие в волонтерской деятельности: ценности, социализацию, культуру. Для объяснения участия обычно привлекаются две теории – теория обмена [Wilson 2000] и концепция культурного капитала [Wilson, Musick 1997]¹.

Во-вторых, значительная часть исследований посвящена влиянию волонтеров на производство социального блага. Предполагается, что решение социальных проблем составляет основную функцию волонтерства, и необходимо определить степень и сферы его влияния, возможности включения и использования огромных ресурсов бесплатного труда, времени и знания. Такой подход по сути является функционалистским, как и аналогичный подход в социологии профессий, при котором профессиональная деятельность понимается как ориентированная на благо клиента [Brante 1988].

Предложенные теоретические подходы основаны на уже описанном ранее допущении, что волонтерство необходимо рассматривать как самостоятельное явление. Такой подход неоднократно подвергался критике. Как отмечает австралийская исследовательница Ш. Овергаард, большинство авторов полагают, что достаточно упомянуть факт «участия в волонтерстве», не делая различий между сферами, в которых осуществляется это участие. В результате такие разные формы занятости, как пожарное волонтерство, добровольная забота о пациентах, тренерская работа, волонтерство в области туризма рассматриваются вместе, несмотря на очевидную разницу между ними [Overgaard 2019: 130]. Иными словами, сосредоточенность исследователей на вопросе «кто участвует?» оставляет за рамками более существенный вопрос: «как участвуют?». Очевидно, что изучение и сравнение оплачиваемого и неоплачиваемого, формализованного и неформального труда в различных сферах деятельности и организациях даёт гораздо больше для понимания, как собственно осуществля-

¹ В модели Уилсона и Мьюзика используется концепция культурного капитала, в которой он понимается как альтруизм и помощь другим, воспринятые через процесс воспитания и социализации. Данный подход, очевидно, отличается от концепции культурного капитала, предложенной Бурдьё, где культурный капитал рассматривается с когнитивной и эстетической точки зрения и является инструментом анализа социальной стратификации.

ется волонтерская деятельность, какие практики включает в себя, какой эффект оказывает на волонтеров, штатных сотрудников и организации, как изменяется с течением времени. Работы, в которых исследуются подобные практики, дают большее представление о том, в чём заключается разница между волонтерским и неволонтерским трудом [Клепикова 2011; 2013; Lois 1999; Pearce 1993; Pudal 2011; 2012].

Акцент на создании сущностного определения волонтерства или выделении его основных характеристик маскирует ещё одну важную теоретическую проблему. Л. Хастинкс и её коллеги в обзоре основных теорий волонтерства указывают, что все попытки определить волонтерство как социальный феномен и выработать некую интегративную теорию основаны почти исключительно на приращении эмпирического знания и конструируют теорию, в «которой одни переменные объясняют другие переменные» [Hustinx et al. 2010a: 411]. Отчасти из-за указанной выше проблемы – широты и многозначности изучаемого явления – авторам остаётся, опираясь на эмпирические данные, производить различные варианты обоснованной теории. По сути, бо льшая часть исследований просто фиксирует факт волонтерского участия или неучастия в зависимости от различных переменных, таких как пол, раса, возраст, или исходя из более сложных конструкций, таких как «доминантный статус»¹ и «человеческий капитал». Даже попытки классификации волонтерской деятельности у таких исследователей, как Р. Инглхарт, чаще всего основаны либо на организационной принадлежности волонтеров, либо на типах решаемых ими социальных проблем: помощь пожилым, чрезвычайное волонтерство [Rochester et al. 2012: 29–37]. Такие попытки классификации являются, по выражению Дж. Уилсона, «народными категориями» («folk categories») [Wilson 2000: 233–234], не дающими практически ничего для социологического объяснения.

Очевидно также, что используемые объяснительные модели будут варьироваться в зависимости от рамок дисциплины, в которой работают авторы, однако в исследованиях волонтерства эта логика в сочетании с указанной выше проблемой «зависимости от эмпирики» приводит к тому, что поиск интегративной теории ещё больше усложняется. Каждая дисциплина выделяет свои, идиосинкратические основания и сущности волонтерского действия, и производит выводы, которые снова не дают ничего, кроме приращения эмпирических данных.

Проблема различения волонтерства и гражданского активизма

Попытки сформулировать наиболее инклюзивное и всеобъемлющее понятие волонтерства ведут к ещё одной теоретической дискуссии, суть которой в противопоставлении волонтерства и различных форм

¹ 1 Теория доминантного статуса Д. Х. Смита, согласно которой люди с более высоким социальным статусом, длительное время проживающие в данном сообществе и имеющие большее количество детей, чаще склонны участвовать в волонтерстве. [Smith 1994].

добровольного гражданского участия, таких как политическое представительство, экологический активизм, борьба за гражданские права и свободы. Понимание этих видов гражданского активизма как волонтерской деятельности обусловлено традицией, берущей начало в работах А. Токвиля. Здесь волонтерство понимается как коллективная деятельность, развивающая демократические навыки и качества, и как форма производства социального капитала [Putnam 1995; 2000]. Такой подход принято называть нео-токвилианским [Evers, von Essen 2019; Lichterman, Eliasoph 2014]. Во-первых, в рамках этого подхода, как и в социологии волонтерства в целом, предполагается, что волонтерская деятельность локализована в особых организациях, составляющих т. н. «третий сектор». Во-вторых, исследователи данного направления, вслед за Токвилем, считают, что участие в гражданских ассоциациях является основой демократического устройства общества, т. к. вовлекает граждан в коллективное решение возникающих проблем и воспитывает в них демократические навыки и качества. Эти два условия оказали решающее влияние на исследования волонтерства. Представление о том, что гражданская деятельность локализована в организациях «третьего сектора», стало определяющим в том смысле, что исследователи часто стали ограничиваться формальными организациями для поиска волонтерского действия [Anheier, Salamon 1999; Salamon, Sokolowski 2001] и оставили вне поля зрения спонтанное или неформализованное волонтерство. Идея о гражданском участии как опоре демократического строя породила дебаты по поводу того, в какой степени волонтерская деятельность «проактивна» и важна для становления и поддержания демократических институтов [Eliasoph 2013; Lichterman, Eliasoph 2014].

Исследования, связывающие между собой концепции гражданского активизма и волонтерства, можно условно подразделить на два типа. К первому относятся работы, в которых политический активизм считается видом волонтерского действия в гражданских ассоциациях и НКО – это делается, вероятно, для того, чтобы получить общую репрезентативную картину в масштабных кросс-культурных исследованиях [Anheier, Salamon 1999; Hustinx et al. 2010b; Salamon, Sokolowski 2001; Salamon et al. 2015]. Вопрос соотношения волонтерства и гражданского активизма поднимают также М. Мьюзик и Дж. Уилсон в своей книге «Volunteers: A Social Profile». Для них волонтерство – более широкое понятие, чем активизм. Активизм или политическое представительство (political advocacy) являются видами волонтерского действия, поскольку включают в себя присущие ему черты: безвозмездность, добровольность и нацеленность на решение тех или иных проблем [Musick, Wilson 2008]. Такого подхода в целом придерживался и Р. Патнэм в своей работе «Bowling Alone» – включение множества протестных групп, крупных некоммерческих организаций и клубов в разряд гражданских ассоциаций наряду с небольшими общественными союзами дало ему возможность говорить о благотворном влиянии таких союзов на становление демократии в США [Putnam 2000]. Второй тип исследований – крити-

ческое сопоставление волонтерства и активизма в работах Н. Элиазоф, которая и задаёт дискуссию о сущностных различиях волонтерства и гражданского активизма [Eliasoph 2011; 2013].

Суть этой дискуссии кратко описали Мьюзик и Уилсон: «Волонтерство нацелено на людей; активизм нацелен на структуры...; волонтерство поддерживает, тогда как активизм изменяет» [Musick, Wilson 2008: 18]. Данное разделение построено на различии публичного и частного. Эверс и Эссен в своём критическом обзоре формулируют это различие следующим образом: «волонтерство считается частной, морально мотивированной и индивидуальной формой добровольных действий, которые направлены на то, чтобы помочь другим людям, но не изменить общество. Гражданские действия, напротив, воспринимаются как общественная, политическая и коллективная форма, которая намеренно направлена на изменение общества» [Evers, von Essen 2019: 2].

Такое разделение, представляющее собой по сути политическую критику феномена волонтерства, тем не менее выглядит проблематичным. Во-первых, его логика является внешней по отношению к волонтерскому действию. Интерпретации, которые предлагают сами волонтеры, могут демонстрировать совершенно противоположную картину. Так, авторы одного из российских исследований показывают, что волонтеры негативно оценивают действия протестных активистов как «несистемные», «декларативные», «пустую трату времени», «лозунги». Волонтерство же в их интерпретации как раз «нацелено на институты»: «волонтерское действие, направленное на помощь конкретному объекту заботы и носящее частный, локальный характер, трактуется при этом и как действие, направленное на структурное изменение: к примеру, неблагоприятных социальных условий, в которых находится объект заботы» [Истомина, Оберемко 2015]. Во-вторых, критики волонтерства во многом полагаются на логику, характерную для социологии социальных движений, в которой важны декларируемая цель и результат движения, в меньшей степени – конкретные способы действия, которыми организации пользуются на практике. Эти способы действия как раз могут повлечь за собой существенные институциональные изменения [Roose 2016: 121–122]. Волонтерские организации зачастую способны актуализировать социальные проблемы, которые ранее не получали институционального решения, либо своим влиянием изменять институционально закреплённые способы решения проблем – как это происходит, например, во взаимодействии чрезвычайных служб и волонтеров-спасателей [Невский 2018].

Несмотря на указанные проблемы в разделении между гражданским активизмом и волонтерством, исследователи отмечают, что эти два направления исследований развиваются параллельно и не имеют сильных пересечений [Musick, Wilson 2008: 20]. Даже если оставить в стороне проблемы частного и публичного, долгосрочных институциональных изменений и т. д., очевидно, что волонтерство в том виде, в каком его понимает большинство исследователей, имеет существенные раз-

личия с политическим активизмом. Волонтерство не предполагает участия в состязательной политике (*contentious politics*), которая является одним из самых значимых критериев для исследований гражданского активизма и социальных движений. Ряд исследований указывает на то, что для волонтерских ассоциаций и их членов в основном не характерно занятие однозначной политической позиции или политическая интерпретация социальных проблем [Eliasoph 1997; 2011; 2013; Pudal 2011]. Представляется, что уравнивание гражданского активизма и волонтерства на основании того, что и то, и другое действие являются результатом свободного выбора, безвозмездным и направленным на благо других, непродуктивно, и представляет собой частный случай описанной выше проблемы размывания предмета исследования в социологии волонтерства.

Заключение

Описанные в статье проблемы наводят на мысль, что универсальное определение волонтерства, построение которого считают обязательным большинство исследователей, как минимум непродуктивно. Масштабные международные исследования представляют читателю образ абстрактного волонтера, который в действительности может оказаться как опорой гражданского общества, так и прагматичным студентом или сотрудником компании, использующим волонтерство для улучшения собственных карьерных перспектив. Попытки классифицировать волонтерство по видам деятельности неизбежно сталкиваются с недостатком теоретических оснований для классификации. Построение теории, в свою очередь, редко выходит за рамки функционалистских представлений о значимости волонтерства для производства социальных благ, а иногда и вовсе направляет исследования в область организационного менеджмента как увеличение степени волонтерского участия и использование его наиболее эффективным образом.

Такая критика справедлива лишь отчасти. Безусловно, исследования, использующие широкое определение волонтерства, решают ряд значимых эмпирических вопросов: сравнительный анализ состояния гражданского общества и политической культуры, структуры занятости в разных типах экономических систем, социальной мобильности. Тем не менее социология волонтерства часто использует инструментальный подход к собственному предмету исследования: волонтерство является способом изучения социального порядка, а не самостоятельной проблемой. Мы хорошо представляем себе, кто, в каких странах и в какой степени участвует в волонтерской деятельности, однако лишь отдельные исследования показывают, как именно осуществляется эта деятельность. Исследования демонстрируют положительные эффекты волонтерского участия на качество жизни и рост социального капитала у волонтеров [Wilson 2000; 2012], однако сравнительно небольшое количество исследований посвящено их влиянию на институты и организации.

Для подобных исследований более продуктивным видится анализ волонтерского и неволонтерского труда на уровне организаций и сфер деятельности, который мог бы показать, что представляет собой волонтерский труд в той или иной области, какие психологические, социальные, экономические, организационные факторы способствуют или препятствуют вовлечению в волонтерскую деятельность, какие формы принимает волонтерское участие под воздействием этих факторов. Также представляется продуктивным принятое в литературе разделение между волонтерством и гражданским активизмом с учётом того, что волонтеры, действующие как поддерживающая, помогающая сила, также способны актуализировать невидимые ранее социальные проблемы и влиять на становление и трансформацию институтов.

Библиографический список

Истомина А., Оберемко О. 2015. Совместимы ли волонтерская и протестная деятельность? (по материалам самоописаний российских добровольцев) // Мониторинг общественного мнения. № 2 (126). С. 72–82. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.06

Клепикова А. 2011. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжёлой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики Т. 9. № 3. С. 391–416.

Клепикова А. 2013. Санитарка государственного психоневрологического учреждения: «старая» профессия в контексте новой идеологии отношения к инвалидам / Профессии в социальном государстве. Под науч. ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ. С. 137–58.

Кудринская Л. 2006. Добровольческий труд: сущность, функции, специфика // Социологические исследования. № 5. С. 15–22.

Невский А. 2018. Добровольные спасатели в системе ликвидации ЧС в России: к вопросу о взаимодействии гражданских организаций и государственных организаций // Власть и элиты. Т. 5. С. 562–589. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.21>

Олсон М. 1995. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ. 165 с.

Певная М. 2013. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. № 2. С. 110–119.

Anheier H. K., Salamon L. 1999. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons. Law and Contemporary Problems. Vol. 62. № 4. P. 43–65.

Brante T. 1988. Sociological Approaches to the Professions. Acta Sociologica. Vol. 31. № 2. P. 119–142.

Brudney J. L. 2010. Volunteers. International Encyclopedia of Civil Society, edited by H. Anheier, S. Toepler. Routledge. P 1620–1627.

Cnaan R. A., Handy F., Wadsworth M. 1996. Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 25. № 3. P. 364–83. DOI: 10.1177/0899764096253006

Eliasoph N. 2011. *Making Volunteers civic life after welfare's end*. Princeton University Press. 308 p.

Eliasoph N. 2013. *The Politics of Volunteering*. L., Polity Press. 214 p.

Evers A., von Essen J. 2019. Volunteering and Civic Action: Boundaries Blurring, Boundaries Redrawn. *Voluntas. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 30. № 1. P. 1–14. DOI: 10.1007/s11266-018-00086-0

Haddad M. A. 2010. From Undemocratic to Democratic Civil Society: Japan's Volunteer Fire Departments. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 69. № 1. P. 33–56.

Hustinx L., Cnaan R. A., Handy F. 2010a. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behavior*. Vol. 40. № 4. P. 410–434. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x

Hustinx, L., Handy F., Cnaan R. A., Brudney J. L., Pessi A. B., Yamauchi N. 2010b. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of University Students in Six Countries. *International Sociology*. Vol. 25. № 3. P. 349–382. DOI: 10.1177/0268580909360297

Hustinx L., Lammertyn F. 2003. Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 14. № 2. P. 167–87. DOI: 10.1023/A:1023948027200

ILO – International Labour Organization. *Manual on the Measurement of Volunteer Work*. Geneva, Switzerland: International Labour Organization, 2011. 120 p.

Janoski T., Musick M., Wilson J. 1998. Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. *Sociological Forum*. Vol. 13. № 3. P. 495–519.

Lichterman P., Eliasoph N. 2014. Civic Action. *American Journal of Sociology*. Vol. 120. № 3. P. 798–863. DOI: 10.1086/679189

Lois J. 1999. Socialization to Heroism: Individualism and Collectivism in a Voluntary Search and Rescue Group. *Social Psychology Quarterly*. Vol. 62. № 1. P. 17–35. DOI: 10.2307/2695853

Musick M., Wilson J. 2008. *Volunteers: A Social Profile*. Indiana University Press. 680 p.

Overgaard C. 2019. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 48. № 1. P. 128–145.

Pearce, J. 1993. *Volunteers. The Organizational Behavior of Unpaid Workers*. Routledge. 223 p.

Pudal R. 2011. Politics in the Fire Station. *Revue Française de Science Politique*. Vol. 61. № 5. P. 917–944. DOI: 10.3917/rfsp.615.0917

Pudal R. 2012. Not-Quite-Workers and Paradoxical Unionization: What Can Be Learned from Volunteer Firefighters. *Sociétés Contemporaines*. Vol. 87. № 3. P. 75–97. DOI: 10.3917/s_oco.087.0075

Putnam R. D. 1995. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*. Vol. 6. № 1. P. 65–78.

Putnam R. D. 2000. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster. 747 p.

Rochester C., Paine A. E., Howlett S. 2012. *Volunteering and Society in the 21st Century*. London: Palgrave. 289 p.

Roose J. 2016. Social Movements and Neo-Institutionalism: A Fruitful Merger? // *Social Theory and Social Movements*. Mutual Inspirations / edited by J. Roose and H. Dietz, Springer. P. 113–35.

Salamon L., Sokolowski W. 2001. Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries // *Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project*, 40. Baltimore: The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies.

Salamon L., Benevolenski V., Jacobson L. 2015. Penetrating the Dual Realities of Government-Nonprofit Relations in Russia // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. Vol. 26. № 6. P. 2178–2214. DOI: 10.1007/s11266-015-9652-5

Smith D. H., Ed. 1973. *Voluntary Action Research*. Lexington: Lexington Books, D. C. 407 p.

Smith D. H. 1975. Voluntary action and voluntary groups. *Annual review of sociology*. Palo Alto, CA: Annual Reviews.

Smith D. H. 1994. Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering: A Literature Review // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 23. № 3. P. 243–63.

Snyder M., Omoto A. M., Crain A. L. 1999. Punished for their Good Deeds. Stigmatization of AIDS Volunteers // *American Behavioral Scientist*. Vol. 42. № 7. P. 1175–1192. DOI: 10.1177/0002764299042007009

Stebbins R. 1996. Volunteering: A Serious Leisure Perspective. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 25. № 2. P. 211–24. DOI: 10.1177/0899764096252005

Stebbins R., Graham M., Eds. 2004. *Volunteering as Leisure // Leisure as Volunteering. An International Assessment*. CABI Publishing. 270 p.

Tilly C., Tilly Ch. 1994. Capitalist Work and Labor Markets // *The Handbook of Economic Sociology* / ed. Neil J. Smelser and Richard Swedberg. New York: Russell Sage Foundation. P. 283–312.

Wilson J. 2000. Volunteering. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 215–40. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215

Wilson J. 2012. Volunteerism Research: Review Essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 41. № 2. P. 176–212. DOI: 10.1177/0899764011434558

Wilson J., Musick M. 1997. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work. *American Sociological Review*. Vol. 62. № 5. P. 694–713. DOI: 10.2307/2657355

Wuthnow R. 1991. *Acts of Compassion. Caring for Others and Helping Ourselves*. Princeton University Press. 342 p.

Статья поступила: 02.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Невский Андрей Владимирович, младший научный сотрудник,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург;
член научного коллектива ФНИСЦ РАН по реализации гранта РФФ № 19-78-10052

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.624

Sociology of Volunteering: Defining the Boundaries of Research

Andrei V. Nevskii

Sociological Institute of the FCTAS RAS, Saint-Petersburg, Russia; FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: anevskij@gmail.com

ORCID Id: 0000-0002-1206-8569

For citation: Nevskii, A. V. Sociology of volunteering: defining the boundaries of research. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 30–46. DOI:10.19181/vis.2020.11.1.624

Abstract. The sociological study of volunteerism typically uses a definition which includes all possible types of free, unpaid activities which benefit other people. Such an approach transforms the very phenomenon of volunteerism into an analytical tool for studying various fields of economic and social life: degrees of development of civil society, employment structure, features of a certain economic mode. Regardless, the use of such a definition when researching volunteer movements presents certain problems. Multiple critics point out that such an approach towards understanding volunteerism, on one hand, leads to various types of volunteer activity being excluded from the scope of research, namely those which do not fully comply with the aforementioned criteria of free choice and gratuitousness; on the other hand, it waters down the concept of volunteerism, by merging it with other forms of civil action, such as political activism. Furthermore, most studies exhibit a tendency towards highlighting volunteerism as a special type of action, which possesses persistent intrinsic characteristics regardless of the field in which it is being undertaken. Such an approach results in a complete lack of care for certain essential features of various types of those productive activities which volunteers can partake in. It's also worth noting that research doesn't tend to include practices of volunteerism when the main focus of analysis shifts towards studying the socio-demographic characteristics of participants, as well as issues concerning their motivation. Based on analyzing Russian and foreign sources, the article presents an overview of the issues associated with defining the boundaries of the field in question, while discussing the main difficulties when it comes to constructing a general theory of volunteerism, and analyzing the separation of various forms of civil activity which is typically present in foreign literature: volunteerism, grassroots political involvement, civil activism. The article brings forth arguments for limiting the subject of research and for analytical separation between various forms of civil activity.

Keywords: volunteering, civic activism, labor, leisure, NGO

References

Anheier H. K., Salamon L. Volunteering in Cross-National Perspective: Initial Comparisons. *Law and Contemporary Problems*, 1999: 62 (4): 43–65.

- Brante T. Sociological Approaches to the Professions. *Acta Sociologica*, 1988: 31 (2): 119–142.
- Brudney J. L. Volunteers. *International Encyclopedia of Civil Society*. Ed. by H. Anheier, S. Toepler. London, Routledge, 2010: 1620–1627.
- Cnaan R.A., Handy F., Wadsworth M. Defining who is a volunteer: Conceptual and empirical considerations. *Non-profit and Voluntary Sector Quarterly*, 1996; 25 (3): 364–83. DOI: 10.1177/0899764096253006
- Eliasoph N. Making Volunteers civic life after welfare's end. Princeton, Princeton University Press, 2011: 308.
- Eliasoph N. *The Politics of Volunteering*. London, Polity Press, 2013: 214.
- Evers A., von Essen J. Volunteering and Civic Action: Boundaries Blurring, Boundaries Redrawn. *Voluntas. International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2019: 30 (1): 1–14. DOI: 10.1007/s11266-018-00086-0
- Haddad M. A. From Undemocratic to Democratic Civil Society: Japan's Volunteer Fire Departments. *The Journal of Asian Studies*, 2010: 69 (1): 33–56.
- Hustinx L., Cnaan R.A., Handy F. Navigating Theories of Volunteering: A Hybrid Map for a Complex Phenomenon. *Journal for the Theory of Social Behavior*, 2010: 40 (4): 410–434. DOI: 10.1111/j.1468-5914.2010.00439.x
- Hustinx L., Handy F., Cnaan R. A., Brudney J. L., Pessi A. B., Yamauchi N. Social and Cultural Origins of Motivations to Volunteer: A Comparison of University Students in Six Countries. *International Sociology*, 2010: 25 (3): 349–382. DOI: 10.1177/0268580909360297
- Hustinx L., Lammertyn F. Collective and Reflexive Styles of Volunteering. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003: 14 (2): 167–87. DOI: 10.1023/A:1023948027200
- ILO (International Labor Organization). *Manual on the Measurement of Volunteer Work*. Geneva, ILO publ., 2011: 120.
- Istomina A., Oberemko O. Are volunteer and protest activities compatible? (based on self-descriptions of Russian volunteers). *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya = Public Opinion Monitor*, 2015: 2 (126): 72–82 (In Russ.).
- Janoski T., Musick M., Wilson J. Being Volunteered? The Impact of Social Participation and Pro-Social Attitudes on Volunteering. *Sociological Forum*, 1998: 13 (3): 495–519.
- Klepikova A. Volunteers of a charitable organization in a public institution for people with severe disabilities: constructs of volunteering and professionalism. *Zhurnal Issledovaniy Social'noy Politiki = Journal of Social Policy Research*, 2011: 9 (3): 391–416 (In Russ.).
- Klepikova A. Sanitary worker of a state neuropsychiatric institution: the “old” profession in the context of a new ideology of attitude towards people with disabilities. In: *Professii v social'nom gosudarstve = Professions in a Social State*. Ed. by P. V. Romanov, E. R. Yarskaya-Smirnova. Moscow, Variant, CSPGI, 2013: 137–58 (In Russ.).
- Kudrinskaya L. Volunteer labor: essence, functions, specificity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006: 5: 15–22 (In Russ.).
- Lichterhan P., Eliasoph N. Civic Action. *American Journal of Sociology*, 2014: 120 (3): 798–863. DOI: 10.1086/679189
- Lois J. Socialization to Heroism: Individualism and Collectivism in a Voluntary Search and Rescue Group. *Social Psychology Quarterly*, 1999: 62 (2): 117–135. DOI: 10.2307/2695853
- Musick M., Wilson J. *Volunteers: A Social Profile*. Indianapolis, Indiana University Press, 2008: 680.
- Nevskii A. Volunteer rescuers in the emergency response system in Russia: on the issue of interaction between civil organizations and government organizations. *Vlast' I Elity = Power and Elite*, 2018: 5: 562–589 (In Russ.).
- Olson M. Logics of collective actions. Public goods and the group theory. Moscow, FEI, 1995: 165 (In Russ.).
- Overgaard C. Rethinking Volunteering as a Form of Unpaid Work. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2019: 48 (1): 128–145.
- Pearce J. *Volunteers. The Organizational Behavior of Unpaid Workers*. London, Routledge, 1993: 223

- Pevnaya M. Volunteering as a Sociological Problem. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Studies*, 2013: 2: 110–119.
- Pudal R. Not-Quite-Workers and Paradoxical Unionization: What Can Be Learned from Volunteer Firefighters. *Sociétés Contemporaines*, 2012: 87 (3): 75–97. DOI: 10.3917/soco.087.0075
- Pudal R. Politics in the Fire Station. *Revue Française de Science Politique*, 2011: 61 (5): 917–944. DOI: 10.3917/rfsp.615.0917
- Putnam R.D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995: 6 (1): 65–78.
- Putnam R.D. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster, 2000: 747.
- Rochester C., Paine A. E., Howlett S. *Volunteering and Society in the 21st Century*. London, Palgrave, 2012: 289.
- Roose J. Social Movements and Neo-Institutionalism: A Fruitful Merger? In: *Social Theory and Social Movements*. Mutual Inspirations. Ed. by J. Roose, H. Dietz. Heidelberg, Springer, 2016: 113–135.
- Salamon L., Benevolenski V., Jacobson L. Penetrating the Dual Realities of Government-Nonprofit Relations in Russia. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2015: 26 (6): 2178–2214. DOI: 10.1007/s11266-015-9652-5
- Salamon L., Sokolowski W. *Volunteering in Cross-National Perspective: Evidence From 24 Countries*. Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project, 40. Baltimore, The Johns Hopkins Center for Civil Society Studies, 2001.
- Smith D. H. Determinants of Voluntary Association Participation and Volunteering: A Literature Review. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 1994: 23 (3): 243–263.
- Smith D. H. Voluntary action and voluntary groups. *Annual review of sociology 1975th*. Palo Alto, CA, Annual Reviews, 1975.
- Voluntary Action Research*. Ed. by D.H. Smith. Lexington: Lexington Books, 1973: 407.
- Snyder M., Omoto A.M., Crain A.L. Punished for their Good Deeds. *Stigmatization of AIDS Volunteers*. *American Behavioral Scientist*, 1999: 42 (7): 1175–1192. DOI: 10.1177/0002764299042007009
- Stebbins R. Volunteering: A Serious Leisure Perspective. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 1996: 25 (2): 211–224. DOI: 10.1177/0899764096252005
- Volunteering as Leisure / Leisure as Volunteering. An International Assessment*. Ed. by R. Stebbins, M. Graham. Wallingford (UK), CABI publ., 2004: 270.
- Tilly C., Tilly Ch. Capitalist Work and Labor Markets. In: *The Handbook of Economic Sociology*. Ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg. New York: Russell Sage Foundation, 1994: 283–312.
- Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 2000: 26: 215–40. DOI: 10.1146/annurev.soc.26.1.215
- Wilson J. Volunteerism Research: Review Essay. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2012: 41 (2): 176–212. DOI: 10.1177/0899764011434558
- Wilson J., Musick M. Who Cares? Toward an Integrated Theory of Volunteer Work. *American Sociological Review*, 1997: 62 (5): 694–713. DOI: 10.2307/2657355
- Wuthnow R. *Acts of Compassion. Caring for Others and Helping Ourselves*. Princeton, Princeton University Press, 1991: 342.

The article was submitted on: February 02.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei Vadimirovich Nevskii, Junior Research Fellow,
Sociological Institute of the RAS - Branch of the FCTAS RAS, Saint-Petersburg,
Russia; member of the research team FCTAS RAS for the implementation of RSF
grant № 19-78-10052

ТЕМА НОМЕРА

ВОЛОНТЁРЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ ПОЛЕ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625

Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки

Ссылка для цитирования: Башева О. А., Ермолаева П. О. Феномен цифрового волонтерства в чрезвычайных ситуациях: сущность, виды, теоретические рамки // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625

For citation: Basheva O. A., Ermolaeva P. O. The phenomenon of digital volunteering in emergency: nature, types, theoretical frameworks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 47–69. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625

Башева Ольга Александровна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

OlgaAUsacheva@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [670607](#)

Ермолаева Полина Олеговна

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
КФУ, Казань, Россия

polina.ermolaeva@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [570990](#)

Аннотация. В статье¹ предложены результаты метаанализа российских и зарубежных научных трудов о цифровом волонтерстве. В частности, показано, каким образом оно концептуализируется, какие формы принимает, чем отличается от традиционного офлайн-волонтерства, каким образом формальные структуры, сталкивающиеся с участием волонтеров, адаптируются под цифровизацию их деятельности, а также какие сложности связаны с данным процессом, каковы его преимущества и ограничения перед традиционными формами волонтерства в чрезвычайных ситуациях, какие методологические инструменты применяются при его осмыслении и какие пробелы в знаниях об этом явлении ещё существуют. Несмотря на отсутствие в литературе чёткого определения цифрового волонтерства, большинство авторов под ним понимают добровольную деятельность, в рамках которой

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №19-78-10052 «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России».

свободное время индивида тратится в пользу другого человека, группы или организации без получения прямого вознаграждения, но обязательно с использованием современных информационно-коммуникационных технологий из дома или из других мест вне офиса. К основным особенностям цифрового волонтерства, с одной стороны, относятся большая гибкость и открытость для вовлечения в добровольчество широких групп населения, с другой – необходимость в сформированности определенных технических навыков, анонимность и вероятность предоставления ошибочной информации. По функционалу цифровые волонтеры подразделяются на ответственных за сбор и анализ обширных потоков данных, разработчиков новых цифровых платформ и приложений, организаторов онлайн-сообщества. Проблемы цифрового волонтерства рассматриваются в таких областях знаний, как наука граждан, совместная компьютеризированная работа, кризисная информатика и кризисные коммуникации и т. д. Находясь на пересечении междисциплинарных границ, цифровое волонтерство осмысливается через разные теоретические рамки, в частности, через цифровую гуманитаристику, сетевые подходы и теорию Кастельса, теорию совместного производства, подход «цифровой экономики совместного пользования», концепцию опосредованной деятельности и цифрового активизма. Возможности и ограничения данных подходов для российского контекста создают инструменты для анализа данных эмпирических исследований.

Ключевые слова: цифровое волонтерство, информационно-коммуникационные технологии, цифровой гуманизм, социальные сети, краудсорсинг, маппинг, добровольная географическая информация, чрезвычайные ситуации

В современном обществе всеобщего риска всё ещё господствует «предиспозиция нормальности», в которой катастрофа рассматривается как непредвиденное событие [Яницкий 2013: 23]. В реальности же мы имеем дело с ситуацией перманентной неустойчивости, когда катастрофы и критические события, несущие риски для жизни общества, стали нормальным явлением [Perrow 1984]. Опыт недавних катастроф показал, что независимо от того, участвуют ли в спасении и реабилитации (восстановлении) пострадавших людей и объектов государство, бизнес и некоммерческий сектор, индивидуальные волонтеры могут внести значительный вклад в этот процесс. В отдельных странах мира, таких как США, Австралия, Япония, уже есть описанный в методических и исследовательских материалах опыт подготовки волонтеров к чрезвычайным ситуациям (ЧС) при участии государственных и некоммерческих организаций (НКО), а также рекомендации по вовлечению в реагирование на ЧС специальной, недавно возникшей группы онлайн-волонтеров (digital, или online-volunteers). Появление последних ученые уже называют побочным эффектом цифровизации [Ackermann, Manatschal 2018], однако эмпирических данных об этом феномене в мире довольно мало.

После ряда крупных катастроф в России общество также находится в стадии институционализации волонтерства как кадрового резерва государства, что имеет две стороны медали – во-первых, больший контроль за гражданскими независимыми инициати-

вами, во-вторых, – шансы на более эффективное разрешение кризисов с учётом взаимодействия социальных институтов, а также человека и современных технологий.

Несмотря на уже имеющийся опыт участия волонтеров в реагировании на ЧС в России и пристальное государственное внимание к самому явлению волонтерства, научно ещё недостаточно исследованы механизмы кризисной мобилизации гражданского общества, а также особая природа новых общественных объединений или сетей, действующих в ЧС, имеющих неопозиционный характер и взаимодействующих с государственными службами спасения и различными профессиональными группами. Осознавая наличие довольно большого пробела в знаниях о волонтерах в ЧС в целом, в данной работе авторы сосредоточили внимание на относительно новом феномене цифрового волонтерства, о котором в российском исследовательском поле практически нет упоминаний. Им известны лишь некоторые исследования цифрового активизма (digital activism) [Демакова и др. 2014; Гольбрайх 2018], понимаемого как «использование открытых данных, онлайн-пространства, социальных сетей и сетевых сообществ, базирующихся на платформах Facebook, Twitter, Вконтакте и др., подкастов видеохостингов, в первую очередь YouTube, для мгновенной коммуникации и представления локальной информации широкой общественности» [Рябченко, Гнедаш 2016: 49]; возможностей онлайн-приложений в качестве площадок для цифрового активизма, а также потенциал и масштаб сетевого сообщества разработчиков в качестве IT-волонтеров [Рябченко, Гнедаш 2016]; краудсорсинга в области кризисного реагирования [Asmolov 2015]; мобилизации граждан посредством блогов и социальных сетей [Усачева 2012; Башева 2018].

В связи с этим в данной статье предпринята попытка анализа зарубежной литературы об этом явлении в надежде понять, каким может быть реальный вклад цифровых волонтеров и перспективы их участия в процессе реагирования на ЧС, каковы характеристики представителей этой группы и какими теоретико-методологическими инструментами пользуются исследователи в мире для их анализа. В дальнейшем полученные в ходе обзора аналитические модели станут основой для исследования российских кейсов в рамках проекта «Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как ответ на природные и техногенные вызовы в России», выполняемого на базе Института социологии ФНИСЦ РАН в рамках гранта Российского научного фонда.

Для реализации поставленных задач основным методом исследования стал анализ современных научных статей, опубликованных в русскоязычных и англоязычных реферируемых журналах (Elibrary, Science direct, Taylor and Francis online, Google Scholar and Web of Science) по следующим ключевым словам: «цифровое волонтерство» (digital volunteering), «виртуальное волонтерство» (virtual volunteering), «цифровые волонтерские сообщества» (digital volunteering communities), «краудсорсинг в волонтерстве», «социальные сети» и т. д. Всего проанализировано более 50 статей. Метаанализ был проведён в ноябре 2019 г.

Теоретико-методологические подходы к анализу цифрового волонтерства в ЧС

О цифровом волонтерстве заговорили ещё в начале 2000-х гг. [Cravens 2000], но развилось оно несколько позже, вместе с технологиями Web 2.0 и Web 3.0, связанными с производством пользовательского контента в сети, на стыке двух явлений – технологических инноваций, которые открыли новые возможности для коммуникаций, и феномена, называемого в социологии катастроф «конвергентностью». Последнее понимается как «неформальное, спонтанное движение людей, сообщений и предметов снабжения (т. е. необходимых для реализации активности) в зону бедствия» [Fritz, Mathewson 1957].

Проблемы цифрового волонтерства рассматриваются в таких областях знаний, как наука граждан, или гражданская наука (citizen science), понимаемая как концепция проведения научных исследований с привлечением широкого круга общественности при взаимодействии или под руководством профессиональных учёных или научных институтов [Strasser et al. 2018]; совместная компьютеризированная работа (computer supported cooperative work), представляющая собой междисциплинарную деятельность, охватывающую искусственный интеллект, информатику, психологию, социологию, организационную теорию и антропологию [Mills 2003]; кризисная информатика (crisis informatics), занимающаяся проблемами изучения деятельности по сбору и распространению информации от граждан во время кризисов и ЧС [Palen et al. 2007]; кризисные коммуникации (crisis communication) [The Handbook... 2009]; взаимодействие человека с компьютером (human-computer interaction) [Karray et al. 2008], краудсорсинг (crowdsourcing) и добровольная географическая информация (volunteered geographic information) [Albuquerque et al. 2016] и т. д. Находясь на пересечении междисциплинарных границ, цифровое волонтерство анализируется посредством различных теоретических подходов.

Одними из них являются «Цифровой гуманитаризм» или «Цифровые гуманитарные науки» (Digital Humanities), связанные с исследованием новых форм накопления и трансляции знаний на основе использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), с созданием цифровых архивов и библиотек, с обработкой больших массивов данных. ИКТ открыли новые репертуары волонтерских практик. Произошло переосмысление агентности волонтеров и их взаимодействий с формальными структурами, поскольку они отныне могут сами создавать виртуальные площадки для координации оказания помощи жертвам ЧС. В практическом смысле действия цифровых волонтеров в ЧС, изучаемые в рамках цифровых гуманитарных наук, попадают под определение феномена «цифрового гуманизма». Он предполагает, что социальные и институциональные сети полагаются на ИКТ для (1) сбора и анализа обширных потоков данных с целью реагирования на гуманитарные кризисы, (2) мобилизации онлайн-сообществ для быстрого удовлетворения потребностей пострадавших людей, (3) разработки новых цифровых платформ, содействующих эффективному и прозрачному распределению помощи.

Исследователи описывают цифровое волонтерство в ЧС как цифровой активизм, используя объяснительную концепцию гражданской вовлеченности посредством цифровых инструментов [Rocha et al. 2017; Asmolov 2015]. Гражданская вовлеченность (citizen engagement) относится к действиям, направленным на выявление и решение проблем, вызывающих общественную обеспокоенность.

Практики волонтеров, являющихся субъектами цифрового активизма, в связи с сетевой структурой их взаимодействий анализируются посредством сетевого анализа и идеи М. Кастельса о пространстве автономной коммуникации и обществе сетевого индивидуализма [Castells 2007]. Согласно им, одной из особенностей современных форм цифровых практик является их зарождение в виртуальном мире и дальнейшее развитие в реальном. Эту особенность Кастельс называет новым пространством автономии, гибридом сферы цифровых потоков и сферы мест (реальных улиц городов). В этом пространстве индивиды независимы от социальных и политических институтов, конструируют связи по своему усмотрению, распространяют идеи и реализуют проекты. Здесь же зарождается общество сетевого индивидуализма, которое характеризуется мультимодальностью, вирусным распространением идей, горизонтальной иерархией, саморефлексией, глокальностью, делиберативным характером управления.

Последняя характеристика является сквозной в теории совместного производства как формы участия населения в социальной политике, в которую граждане напрямую вовлечены через совместный дизайн и создание продуктов и услуг. Вместе с тем новые ИКТ рассматриваются как мобилизационные инструменты вовлечения населения в политику ещё большей сегрегации и дифференциации через цифровые разрывы и неравный доступ различных слоёв и групп. Данная модель в сфере волонтерства предполагает ослабевание государственного регулирования, что критикуется учёными как уход государства от ответственности под «красивой этикеткой» [Alford 2009]. Совместное производство наиболее эффективно, когда волонтеры и государственные службы дополняют, а не заменяют друг друга.

Ценности и практики цифрового волонтерства анализируются посредством цифровой экономики совместного пользования (digital sharing economy). Практики совместного пользования стали возможными благодаря цифровизации и вовлечению в неё широких слоёв населения. Последние становятся «далёкими другими» (distant others) друг для друга при распределении задач, знаний, навыков и материальных ресурсов с целью совместной минимизации последствий ЧС. По формам организации совместное пользование можно отнести к таким практикам, как краудсорсинг (crowdsourcing), краудфидинг (crowdfeeding), краудфандинг (crowdfunding) и краудмаппинг (crowdmapping).

Значительный объём литературы посвящён вкладу ИКТ в мобилизацию добровольцев в ответ на ЧС, изменение практики сбора информации о бедствии и её распространении [Shklovski et al. 2010]. Согласно концепции совместного участия (citizen-empowered participation) [Goldman et al. 2009], граждане приобретают новые роли не только в качестве

потребителей, но и как производители информации о бедствии. ИКТ способствуют самоорганизации граждан при реагировании на ЧС благодаря новым способам сотрудничества между официальными учреждениями и неформальными организациями [Crowley 2013]. При этом большая часть исследований может быть описана как инструментальная и административная, так как связана с кризис-менеджментом.

Участие цифровых волонтеров в реагировании на ЧС выявляется также при применении концепции опосредованной деятельности. Краудсорсинговые платформы структурируют отношения между гражданами как потенциальными владельцами ресурсов и катастрофами как объектами, требующими мобилизации ресурсов [Asmolov 2015]. При этом краудсорсинг следует понимать как использование цифровых платформ мобилизации ресурсов индивидов для достижения конкретной цели, что расширяет это определение за пределы краудсорсинговых платформ и позволяет применять его к любому цифровому инструменту, включая мобильные приложения, блоги и социальные сети, которые обеспечивают мобилизацию цифровых пользователей вокруг конкретной цели. Г. Асмолов предположил, что благодаря этим технологиям происходит изменение соотношения сил между профессиональными спасателями и гражданами. Вслед за Выгодским, он называет активность через цифровые платформы опосредованной деятельностью, порождающей особый тип системы деятельности, поскольку любые отношения субъекта (индивида) с окружающей средой (миром объектов) адаптируются психологическими и материальными инструментами и затем интернализируются в человеческом сознании. Энгстрём расширил модель «субъект–инструмент–объект» до модели «системы совместной человеческой деятельности», включающей в себя также такие элементы, как правила, сообщество и разделение труда [Engeström 1987]. Это позволяет использовать интернет-платформы для вовлечения граждан в реагирование на катастрофы в качестве инструментов, обеспечивающих отношения между пользователями и катастрофами.

Кто такие цифровые волонтеры и чем они отличаются от волонтеров, действующих офлайн?

Цифровое волонтерство – это относительно новый специфический тип волонтерства, который противопоставляется традиционному офлайн-волонтерству, связанному с конкретной локальностью определёнными проектами и почти обязательной организацией. Эмпирических данных об этом феномене до сих пор немного, соответственно, и полноценные теоретические концепты, способные его объяснить, пока не разработаны.

Определения, существующие в научной литературе довольно пространны: например, это «тип гражданской активности, при которой волонтеры выполняют свои задачи, используя интернет из дома или из других мест вне офиса» [Mukherjee 2011: 253]. И всё же это волонтерство, и, по общепринятому определению Уилсона, исследователи относят его к «любой деятельности, в рамках которой свободное время

индивида тратится в пользу другого человека, группы или организации» без получения прямого вознаграждения [Wilson 2000: 215]. ООН разделил деятельность онлайн-волонтеров на 10 областей: искусство и дизайн; координация сообществ; лидерство и разработка стратегий; пропаганда идей; разработка и управление проектами; исследования; преподавание; разработка технологий; переводы; написание текстов и редакция [Making a difference... 2016]. Такая деятельность не обязательно должна быть интерактивной, она может также включать предоставление инфраструктуры (например, каучсёрфинг).

Чтобы понять, кто такие цифровые волонтеры, следует описать детерминанты волонтерства в целом. На индивидуальном уровне учёные выделяют такие детерминанты, как субъективные склонности, человеческие ресурсы, стиль жизни и социальный контекст [Wilson 2012]. Согласно комплексной модели политического и социального участия, его корреляты могут быть разделены на три направления: ресурсы, рекрутинг, вовлечение. Таким образом, традиционно понимаемое волонтерство зависит от человеческих ресурсов и индивидуальных социально-демографических факторов, которые связаны со временем, деньгами и навыками [Verba et al. 1995].

Но исследователи цифровых форм волонтерства считают, что их специфика мобилизует другие типы людей, нежели офлайн-волонтерство, и, соответственно, не все перечисленные детерминанты вовлечения будут иметь здесь значимый вес. Например, офлайн-волонтерство менее гибко, чем онлайн. Обычно оно происходит в определённый момент времени и ограничивается локальной деятельностью и кругом тем [Amichai-Hamburger 2008]. Эти ограничения легко преодолеваются в сети, где стираются географические и отчасти временные барьеры. Гибкость онлайн-волонтерства может особенно привлекать молодых людей, которые ещё учатся или находятся в начале своей профессиональной карьеры. На этом этапе жизни, характеризующемся мобильностью и быстрыми изменениями, гибкость во времени и месте становится ключевым фактором участия. Наконец, как «цифровые аборигены» (digital native) [Hargittai 2010] молодые люди, представляющие «поколение Y» (родившиеся после 1980 г.) и последующие, просто больше привыкли к интернету. Использование социальных медиа более распространено среди них, что может повысить их гражданскую и политическую вовлечённость [Xenos et al. 2014]. Вопрос о связи онлайн-волонтерства с половой принадлежностью ещё открыт. Недавние результаты свидетельствуют о гендерном разрыве в самооценке интернет-навыков (в пользу мужчин), в то время как фактические знания и результаты не отличаются у мужчин и женщин. Люди с низкой самооценкой не будут чувствовать себя хорошо подготовленными к онлайн-волонтерству [Ackermann, Manatschal 2018].

Онлайн-волонтерство подразумевает более высокую степень анонимности. По крайней мере, для некоторых видов деятельности в интернете не требуется ни личного общения с другими добровольцами, ни прямого контакта с адресатами. Таким образом, уровень обязательств и приверженности должен быть ниже. Это может означать более низкую актуальность сетей и психологической вовлечённости.

Также цифровое волонтерство является инклюзивным, вовлекая людей с ограниченными возможностями. Так, во время пожаров в Центральной России в 2010 г. администратором сообщества добровольцев чрезвычайного реагирования rozar_ru в «Живом журнале» была девушка, болеющая рассеянным склерозом. Из своего дома она координировала взаимодействия добровольцев, покупку пожарного оборудования, логистику его доставки в регионы.

Смысловые координаты цифрового волонтерства в ЧС

Именно в ЧС цифровое волонтерство приобретает наибольшую значимость и пользу, в том числе для кризис-менеджеров, координирующих реагирование на ЧС, не говоря уже о пострадавшем населении. Наравне с удовлетворением ключевых потребностей жертв ЧС в жилище, продовольствии, воде, психологической помощи, потребность в точной информации является одной из ключевых, поскольку от неё зависит оперативность спасательных операций. Социальные медиа, цифровые и мобильные технологии нивелируют коммуникационные и информационные барьеры, оптимизируют обмен информацией, открывают совершенно новые возможности для вовлечения граждан в процесс реагирования на ЧС.

Для осмысления данного феномена применяются такие термины, как «цифровое», «виртуальное», «цифровое спонтанное» волонтерство [Waldman, Kaminska 2015], «сообщество неформальной помощи» [Hughes, Tapia 2015]. Несмотря на разные названия, содержательно данное явление связано с добровольной децентрализованной группой неравнодушных субъектов со всего мира, которые взаимодействуют друг с другом для совместного ответа на ЧС при помощи современных ИКТ. Эти добровольцы применяют свои технические навыки в сборе, обработке и управлении данными, необходимыми в процессе реагирования на катастрофу [Liu 2014].

Парк и Джонстон [Park, Johnston 2017] добавили в это определение упоминание о спонтанных волонтерах, оказавшихся на месте происшествия, которые коллективно сами организуют спасательные операции на местах при помощи ИКТ [Rodriguez 2006]. Другие авторы подчёркивают, что цифровые волонтеры не обязательно должны находиться в зоне ЧС, быть его очевидцами и подвергаться рискам. Они могут оказывать помощь на расстоянии, но вместе с тем оперативно реагировать на ситуацию [Chernobrov 2018].

Частая роль цифровых волонтеров заключается в сборе, организации, проверке на подлинность, геолокации и визуализации информации с места ЧС в режиме реального времени [Meier 2015]. Зачастую субъектами цифрового волонтерства выступают разного рода профессионалы, у которых есть квалификация в геоинформационных системах, менеджменте данных, программировании, картографировании данных, социальных медиа и т. д. Поэтому российские исследователи считают, что стимулом для появления цифрового активизма является наличие сетевых структур разработчиков

гражданских приложений и степень их включённости в сети гражданских активистов [Рябченко, Гнедаш 2016: 49]. По их мнению, развитие современных социальных платформ послужило толчком к формированию сетевого сообщества и появлению нового типа гражданских онлайн-приложений, основанных на самостоятельном решении гражданским обществом целого ряда проблем (отслеживание качества воздуха в городах или образования стихийных свалок, ликвидация последствий стихийных бедствий и проч.). Примерами таких приложений служат бесплатные краудсорсинговые платформы для сбора больших объёмов информации, визуализации данных и создания интерактивных карт: ushahidi.com (2008 г.) для сбора данных об очагах насилия в Кении после выборов президента; standbytaskforce.org (2010 г.) для реагирования на гуманитарные кризисы. В России на базе платформы Ушахиди были созданы «Карта помощи» пострадавшим от пожаров, существовавшая до 2013 г., и проект «Виртуальная рында: Атлас помощи в чрезвычайных ситуациях».

Впервые феномен цифрового волонтерства в ЧС попал в фокус исследователей после землетрясения на Гаити в 2010 г. [Zook et al. 2010]. С этого времени особую важность приобрёл анализ проблем адаптации официальных служб спасения к цифровизации волонтерства, а также сложностей, связанных с этим процессом, поскольку данные службы привыкли к взаимодействию с бюрократическими организациями, т. е. с вертикальной иерархией. Группы же цифровых волонтеров представляют собой децентрализованные виртуальные сообщества с горизонтальной иерархией [Norris 2016; Roberts 2011].

Горизонтальная структура этих сообществ позволяет применять к их исследованию подход сетевого анализа [Baldassarri, Diani 2007]. Гражданские виртуальные сети имеют несколько основных характеристик: независимость членов, множественность лидеров, наличие объединяющей цели, добровольность связей, множественность уровней взаимодействия [Чучкевич 1999]. В рамках данного подхода исследователи выделяют разные роли цифровых волонтеров во время спасательных операций: «информационных брокеров», собирающих информацию из разных источников [Hughes, Palen 2009]; «удалённых операторов», которые не ограничиваются только ретвиттами и пересылкой информации, но также проверяют информацию о пострадавших на подлинность [Starbird, Palen 2011]; модераторов взаимодействий цифровых волонтеров с жертвами ЧС [Kaufhold, Reuter 2014].

Обзор литературы показал, что большинство исследований по данной проблематике носят описательный характер; в редких случаях можно встретить авторские аналитические модели, посредством которых анализируется феномен. В частности, стоит обратить внимание на интегральную концептуальную модель процесса добровольного реагирования, объясняющую, как сети цифровых волонтеров предпринимают коллективные действия по реагированию на бедствия и кризисы, предложенную Парком и Джонстоном [Park, Johnston 2017]. Она включает в себя четыре уровня факторов: индивидуальные, организационные, технологические и связанные с задачами.

Индивидуальные факторы описывают разные группы цифровых волонтеров и их мотивации. К цифровым волонтерам авторы относят как группы субъектов, которые непосредственно находятся в месте происшествия, так и всех остальных виртуальных добровольцев, готовых оказывать помощь. Они типологизируются на тех, кто вносит либо основной, либо незначительный вклад [Howe 2009]. Первые используют возможности социальных сетей для транслирования информации и обычно являются лидерами мобилизации широких групп волонтеров, которые выступают как исполнители конкретных локальных задач для них.

Мотивации цифровых волонтеров сформированы под влиянием внутренних и внешних факторов. С точки зрения теории самоопределения [Ryan, Deci 2000] внутренняя мотивация продиктована ценностями и принципами, нормами и убеждениями субъекта, которые составляют ядро его идентичности, а внешняя направлена на достижение результата. Шесть внешних и внутренних факторов мотивируют индивидов на участие: ценности (альтруизм, эмпатия, этические обязательства), получение удовольствий, знаний, социализация, карьерно-ориентированные и репутационные выгоды, признание. В контексте цифровой гуманитарной помощи следует учитывать очень важный фактор: желание применять и усовершенствовать свои технические знания, ведь множество цифровых волонтеров являются программистами [Capelo et al. 2012]. Ценности и удовольствия составляют каркас внутренних мотивов, а карьерные возможности и репутационные выгоды – внешних. Для мотивов в получении знания и социализации внешние и внутренние стимулы совпадают.

Также учёные обращают внимание на фактор эмоций и интерес к деятельности самой по себе. Например, разработчикам гражданских приложений нравится устранять ошибки и получать новые знания во время такой деятельности. А другим волонтерам важны открывающиеся возможности для новых дружеских отношений посредством оказания помощи «далёким другим» [Ridings, Gefen 2004].

К *структурным факторам* относят способы организации и координации волонтерских сетей и их деятельности. Им приписываются такие характеристики, как открытость, разнообразие, децентрализация, гибкость и адаптивность, специфика платформ, на которых осуществляется добровольческая деятельность.

Во-первых, цифровое волонтерство открыто для всех желающих, оно предполагает динамичный обмен информацией и другими ресурсами как между виртуальными сетями, так и офлайн-сообществами [Roche et al. 2011]. Во-вторых, внутри этих сетей наблюдается плюрализм и гетерогенность идей, знаний, навыков и ресурсов [Howe 2009], что предполагает и разнообразие социально-демографических характеристик самих волонтеров. Всё это позволяет использовать максимально широкий набор навыков в решении коллективных задач в рамках помощи жертвам ЧС. В-третьих, в основном эти сети имеют децентрализованную организационную структуру [Capelo et al. 2012; Roche et al. 2011]. В-четвёртых, они гибкие, самоорганизующиеся и адаптивные. В-пятых, платформы, на которых действуют цифровые волонтеры, предполагают совместное производство, то есть использование технологий Web 2.0 и Web 3.0 (блоги, форумы, социальные медиа, краудсорсинговые платформы).

Технические факторы представляют собой виртуальную инфраструктуру, которая включает sms-оповещения, email-рассылки, использование социальных сетей, мобильных приложений, открытых уличных карт и т. д. Появляющиеся в кризисных ситуациях огромные массивы данных из зоны ЧС спасательные службы не в состоянии обработать в одиночку, а иногда даже не знают, что это можно сделать для повышения эффективности реагирования на ЧС. На помощь им приходят автоматизированные системы и искусственный интеллект [Yuan et al. 2013].

Последний вид факторов описывает большой *пул задач*, к которым относится настройка систем оповещения, картографирование, краудсорсинг, мобилизация ресурсов.

Типы цифровой добровольческой деятельности во время ЧС

Деятельность цифровых волонтеров в ЧС можно разделить на три крупных области: (1) сбор и анализ обширных потоков данных; (2) разработка новых цифровых платформ и приложений, содействующих эффективному и прозрачному распределению помощи, быстрому реагированию; (3) мобилизация онлайн-сообществ для быстрого удовлетворения потребностей пострадавших людей, восстановления разрушенной инфраструктуры, тушения пожаров и проч. Два пункта являются исключительно онлайн-практиками, тогда как третий подразумевает переход из онлайн в офлайн.

Эти практики реализуются посредством таких процессов, как краудфандинг (*софинансирование*), краудсорсинг, краудфиндинг, краучсёрфинг.

Краудсорсинг (*crowd – толпа, sourcing – использование ресурсов*) представляет собой передачу некоторых функций большому кругу лиц, либо разрешение силами добровольцев общественно значимых проблем, которые координируются при помощи использования современных ИКТ [Howe 2009]. В основе идеи краудсорсинга лежит концепция коллективного интеллекта: кажущиеся совершенно независимыми индивиды способны сотрудничать друг с другом так тесно, что становятся единым организмом [Bloom 2000]. Эта практика основана на принципах эгалитаризма: члены общества имеют равные возможности управления и доступ к материальным благам, при этом каждый человек обладает знаниями и талантами, которые могут понадобиться другим людям.

Краудсорсинг во время ЧС часто связан с краудмаппингом – созданием кризисных карт катастроф [Haworth, Bruce 2015]. Подобные карты с определением геолокации жертв и привлечением добровольцев были созданы на Гаити после землетрясения 2010 г. на платформе Ушахиди [Meier 2013]. После этих событий краудсорсинговые платформы стали использоваться не только НКО и учёными, но и официальными спаса-

тельными организациями, например, FEMA. Многие учёные заявляют, что такого рода информация более точна, чем та, которую предлагают официальные государственные структуры [Goodchild, Glennon 2010].

В противовес краудфандингу, краудфидинг предполагает обратную связь – передачу волонтерами информации жертвам ЧС.

Примером краучсёрфинга служит Airbnb Disaster – популярная онлайн-площадка для размещения, поиска и краткосрочной аренды частного жилья. После урагана Санди более 350 её участников стали предлагать своё жильё жертвам бедствия. В настоящее время руководство площадки расширяет данные инициативы, связываясь с хозяевами квартир в тех местах, где происходят ЧС, для софинансирования практик по совместному пользованию жилья [Chernobrov 2018].

Наиболее распространённое волонтерское действие в сети во время ЧС называют распространением добровольной географической информации (volunteered geographic information – ДГИ), которая подразумевает использование инструментов для создания, сбора и распространения географических данных, добровольно предоставляемых отдельными лицами [Goodchild 2007; Rocha et al. 2017]. ДГИ также называется краудсорсинговой географической информацией и представляет собой пространственно связанную информацию, которая производится и предоставляется добровольно и доступна обычным гражданам при применении соответствующих инструментов, таких как интерактивные мобильные устройства и Web-порталы [Goodchild 2007; Albuquerque et al. 2016].

Эффективное использование ДГИ связано с качеством данных, которое разнится в зависимости от (1) способа сбора данных на разных платформах (источники ДГИ), (2) типа ДГИ и (3) контекста её использования.

Источниками ДГИ являются: социальные медиа, краудсенсинг (зондирование или распознавание толпы) и совместная картографическая деятельность (онлайн-мэппинг). Социальные сети позволяют осуществлять обмен информацией неструктурированным способом, делиться контентом собственного производства через сети личных контактов или для широкой публики [Albuquerque et al. 2016]. Краудсенсинг возможен при употреблении программных приложений и платформ вроде Ушахиди. К третьей категории относятся платформы для совместной работы, в частности создания интерактивных карт. Этот тип ДГИ особенно важен в рамках посткатастрофного менеджмента, так как связан со сбором данных о соответствующих объектах инфраструктуры (улицы, дороги, здания) и отображает эту информацию на картах.

Среди типов ДГИ выделяют: (1) текстовые данные, (2) изображения и (3) карты. Тексты обычно распространяются в таких социальных сетях, как Facebook, Twitter и проч., изображения – во Flickr и Instagram, а карты загружаются на Wikimapia, Google Map Maker, Map Insight, OpenStreetMap и проч. Типы ДГИ требуют разного уровня интерпретации. Например, изображение затопленной области более эффективно для менеджеров катастроф, чем короткое текстовое сообщение, описывающее ту же область.

Вызовы и сложности цифрового волонтерства в ЧС

Большая доля западных работ посвящена именно кризис-менеджменту и описывает добровольцев в каком-то смысле как вспомогательный ресурс спасательных служб. Поэтому много внимания в них уделено таким практическим вопросам, как (1) мотивирование и стратегии вовлечения граждан в реагирование на ЧС в качестве цифровых волонтеров в зависимости от категории предоставляемой географической информации, или просто побуждение предоставлять ценную информацию; (2) проверка, эффективное использование предоставляемой информации официальными службами реагирования на ЧС, а также интеграция её с другими источниками данных [Albuquerque et al. 2016; Horita et al., 2015]; (3) способы унификации предоставляемой волонтерами информации.

Во-первых, конкретные категории ДГИ требуют разных стратегий вовлечения граждан. Во-вторых, во время ЧС важнейшими вызовами являются как недостаток информации, так и её избыток. Типичные сложности касаются проверки подлинности данных (отсеивание слухов и дезинформации), низкое качество их модерации, ошибочная информация [Malizia et al. 2011].

Что касается последнего пункта, здесь важен подход Управления по координации гуманитарных вопросов ООН (УКГВ), разработавшего рекомендации по работе в социальных сетях во время ЧС (ОСНА 2014). УКГВ (1) предложило стандарты формирования хештегов, касающихся ранней стандартизации названия бедствия, оповещения о неэкстренных потребностях и запроса об экстренной помощи; (2) призвало официальные службы стимулировать граждан к использованию глобальной системы определения местоположения (GPS) при публикации твитов/постов во время ЧС; (3) а также призвало НКО, государственные службы и международные организации к обсуждению потенциальной ценности мониторинга социальных сетей во время ЧС, согласованию решений акторов, устанавливающих стандарты для конкретной страны или события, распространяющих информацию, собирающих и проверяющих поступающие краудсорсинговые данные. Всё это необходимо встроить в операции реагирования на ЧС и логистику.

К отдельному кругу проблем относятся технические сложности и цифровое неравенство. Среди технических сложностей отмечены, например, сбои на электростанциях во время ЧС, отсутствие возможностей подзарядки смартфона для передачи данных и т. д. [Roberts 2011]. А цифровое неравенство, или цифровой разрыв, во время ЧС представляет собой неравный доступ экономически уязвимых слоёв населения к ИКТ и осмысливается в терминах «катастрофы второго порядка» [Madianou 2015], т. е. усугубления социального неравенства. Жертвы катастроф, которые используют ИКТ для общения со спасателями, представляют собой довольно узкие группы населения, и зачастую те, которым помощь нужна менее всего. К примеру, анализ социальных

платформ во время наводнения в Пакистане в 2010 г. выявил, что большинство твитов были от пользователей, которые там не проживают, соответственно, не являются жертвами ЧС [Murthy, Longwell 2013]. Подобные факты могут спровоцировать появление «технодискурсивных дистанций» между цифровыми волонтерами и жертвами ЧС, затруднив оказание индивидуальной помощи.

Заключение

На основе метаанализа научных трудов авторы показали, как западные и российские учёные исследуют природу цифрового волонтерства в эру стремительного развития цифровых технологий: каким образом цифровое волонтерство отличается от традиционных его форм, в чём заключаются его специфика, типы и вызовы в условиях ЧС, а также какие теоретические подходы уже используются в мире для его осмысления.

Анализ показал, что на данный момент не найдено точного определения цифрового волонтерства, но есть консенсус в том, что это добровольная деятельность, в рамках которой свободное время индивида тратится в пользу другого человека, группы или организации без получения прямого вознаграждения, но обязательно с использованием современных информационно-коммуникационных технологий из дома или из других мест вне офиса.

Как выяснили авторы, ещё нет конкретных данных о социально-демографическом портрете цифрового волонтера, рекрутинге, хотя уже есть понимание того, что разные типы цифровой деятельности подразумевают разные модели вовлечения её исполнителей и несут разные типы вызовов как для самих волонтеров и населения, так и для официальных служб спасения; исследования мотиваций цифровых волонтеров носят пилотный характер.

Междисциплинарная и мультипарадигмальная природа цифрового волонтерства объясняет то, что среди исследователей данного явления также не сложилось единой теоретической модели для его объяснения; ими используются разные теоретические рамки и методические инструменты с точки зрения разных дисциплин, включая сетевые подходы, методы кризисной информатики и коммуникаций, экономики совместного пользования, опосредованной деятельности, цифрового активизма и т. д. С одной стороны, такое методологическое разнообразие обогащает предметное поле исследования волонтерства, предоставляя учёным новые «линзы» для его осмысления; с другой, – обзор литературы показывает, что *de facto* теоретического насыщения исследования данного феномена не происходит. В целом наблюдается сильный уклон в практическую сторону и эмпирические кейсы, что порождает «эпистемологические дыры» в осмыслении данного феномена. Западные исследования в основном описывают кризисный менеджмент и встраи-

вание в эту концепцию цифрового волонтерства, в отечественной науке такие работы единичны и сфокусированы на конкретных кейсах без должного теоретического осмысления. Это, с одной стороны, является научным вызовом для отечественных исследователей, а с другой, открывает большие перспективы для изучения и внесения нового знания в поле исследований гражданского общества, волонтерства и чрезвычайности.

Библиографический список

Башева О. А. 2018. Специфика городской катастрофы на примере пожара в ИНИОН РАН // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11. Социология: РЖ ИНИОН РАН. № 2. С. 99–116.

Гольбрайх В. Б. 2018. Члены экологических групп в социальных медиа: цифровое участие и интересы // Петербургская социология сегодня. Вып. 9. С. 91–119.

Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. 2014. Неполитический активизм в России // Pro et Contra. Май-август. С. 148–163.

Рябченко Н. А., Гнедаш Н. А. 2016. Цифровой активизм: новые медиа, гражданские приложения и технологические сообщества как основания для социально-политических изменений // Сборник научных статей XIX Объединённой конференции «Интернет и современное общество». СПб.: Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики. С. 48–55.

Усачева О. А. 2012. Интернет как новая площадка для гражданской самоорганизации / Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / ИНИОН РАН. Центр социал. науч.-информ. исслед., Институт системного анализа. Лаборатория «Информатика сообществ». С. 264–280.

Чучкевич М. М. 1999. Что такое сетевая организация? // М.: Институт социологии РАН. 54 с.

Яницкий О. Н. 2013. Экологические катастрофы: структурно-функциональный анализ // Официальный сайт ИС РАН. 258 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794> (Дата посещения: 29.01.2020).

Ackermann K., Manatschal A. 2018. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared // New media and society. Vol. 20 (12). P. 4453–4472. DOI: doi.org/10.1177/1461444818775698

Albuquerque J. P., Eckle M., Herfort B., Zipf A. 2016. Crowdsourcing geographic information for disaster risk management and improving urban resilience: an overview of the lessons learned // Capineri, C. et al. (eds). European Handbook of Crowdsourced Geographic Information, Ubiquity Press. P. 309–321. DOI: [10.5334/bax.w](https://doi.org/10.5334/bax.w)

Alford J. 2009. Engaging public sector clients: from service-delivery to co-production. Palgrave Macmillan, Basingstoke. 272 p.

Amichai-Hamburger Y. 2008. Potential and promise of online volunteering // *Computers in Human Behavior*. № 24. P. 544–562.

Asmolov G. 2015. Crowdsourcing and the folksonomy of emergency response: The construction of a mediated subject // *Interactions: Studies in Communication & Culture*. № 6 (2). P. 155–178. DOI: 10.1386/isc.6.2.155_1

Baldassarri D., Diani M. 2007. The integrative power of civic networks // *American journal of sociology*. Vol. 113 (3). P. 735–780.

Bloom H. 2000. *Global Brain: The Evolution of Mass Mind from the Big Bang to the 21st Century*. 681 p.

Capelo L., Chang N., Verity A. 2012. Guidance for collaborating with volunteer and technical communities // *Digital Humanitarian Network*. 32 p.

Castells M. 2007. Communication, Power and Counter-Power in the Network Society // *International Journal of Communication*. № 1. Pp. 238–266.

Chernobrov D. 2018. Digital Volunteer Networks and Humanitarian Crisis Reporting // *Digital Journalism*. Vol. 6 (7). P. 928–944.

Cravens J. 2000. Virtual volunteering: online volunteers providing assistance to human service agencies // *Journal of Technology in Human Services*. № 17 (2–3). P. 119–136.

Crowley J. 2013. *Connecting Grassroots and Government for Disaster Response*, Washington, DC: Commons Lab, Wilson Center. 69 p.

Engeström Y. 1987. *Learning by Expanding: An Activity-Theoretical Approach to Developmental Research*. Helsinki: Orienta-Konsultit Oy. 269 p.

Fritz C., Mathewson J. 1957. Convergence behavior in disasters. *Disaster Study № 9*. Washington, DC: National Research Council, National Academy Press. 101 p.

Goldman J., Shilton K., Burke J. et al. 2009. *Participatory sensing: A citizen powered approach to illuminating the patterns that shape our world*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center for International Scholars. 20 p.

Goodchild M. F., Glennon J. A. 2010. Crowdsourcing geographic information for disaster response: a research frontier // *International Journal of Digital Earth*. Vol. 3 (3). P. 231–241.

Goodchild M. F. 2007. Citizens as sensors: the world of volunteered geography // *GeoJournal*. N 69 (4). P. 211–221.

Hargittai E. 2010. Digital na(t)ives? Variation in Internet skills and uses among members of the “Net Generation” // *Sociological Inquiry*. Vol. 80 (1). P. 92–113.

Haworth B., Bruce E. 2015. A review of volunteered geographic information for disaster management // *Geography Compass*. Vol. 9 (5). P. 237–250.

Horita F. E. A., de Albuquerque J. P., Degrossi L. C., Mendiondo E. M., Ueyama J. 2015. Development of a spatial decision support system for flood risk management in Brazil that combines volunteered geographic information with wireless sensor networks // *Computers & Geosciences*. Vol. 80. P. 84–94.

Howe J. 2009. Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. New York: Three Rivers Press. 320 p.

Hughes A. L., Palen L. 2009. Twitter Adoption and Use in Mass Convergence and Emergency Events // Proceedings of the Information Systems for Crisis Response and Management (ISCRAM). Gothenburg, Sweden: ISCRAM. 10 p.

Hughes A. L., Tapia A. H. 2015. Social Media in Crisis: When Professional Responders Meet Digital Volunteers // Journal of Homeland Security and Emergency Management. Vol. 12 (3). P. 679–706.

Karray F., Alemzadeh M., Saleh J. A., Arab M. N. 2008. Human-Computer Interaction: Overview on State of the Art. International Journal on Smart Sensing and Intelligent Systems. Vol. 1 (1). P. 137–159.

Kaufhold M.-A., Reuter C. 2014. The Self-Organization of Digital Volunteers across Social Media: The Case of the 2013 European Floods in Germany // Journal of Homeland Security and Emergency Management. Vol. 13 (1). P. 137–166. DOI: <https://doi.org/10.1515/jhsem-2015-0063>

Liu S. 2014. Crisis crowdsourcing framework: designing strategic configurations of crowdsourcing for the emergency management domain // Computer Supported Cooperative Work. Vol. 23 (4). P. 389–443.

Madianou M. 2015. Digital Inequality and Second-Order Disasters: Social Media in the Typhoon Haiyan Recovery // Social Media + Society. Vol. 1 (2). P. 1–11. DOI: 10.1177/2056305115603386.

Making a Difference: Virtual Volunteer Opportunities. Posted August 25, 2016 // Southeastern University. URL: <https://online.seu.edu/articles/virtual-volunteer-opportunities/> (Дата посещения: 05.01.2020).

Malizia A., Bellucci A., Diaz P. P. et al. 2011. eStorys: a visual storyboard system supporting backchannel communication for emergencies // Journal of Visual Languages and Computing Vol. 22 (2). P. 150–169.

Meier P. 2015. Digital Humanitarians: How Big Data Is Changing the Face of Humanitarian Response. New York: CRC Press. 259 p.

Meier P. 2013. Human computation for disaster response / Michelucci (Ed.). Handbook of Human Computation. New York: Springer. P. 95–104.

Mills K. L. 2003. Computer-supported cooperative work challenges / Encyclopedia of Library and Information Science. P. 678–684.

Mukherjee D. 2011. Participation of older adults in virtual volunteering: a qualitative analysis // Ageing International. Vol. 36 (2). P. 253–266.

Murthy D., Longwell S. 2013. Twitter and disasters: The uses of Twitter in the 2010 Pakistan floods // Information, Communication & Society. № 16. P. 837–855.

Norris W. 2016. Digital humanitarians: citizen journalists on the virtual front line of natural and human-caused disasters // Journalism Practice. Vol. 11 (2–3). P. 213–228.

OCHA. 2014. Hashtag Standards for Emergencies. OCHA Policy and Studies Series. 16 p.

Palen L., S. Vieweg J., Sutton S. B. et al. 2007. Crisis Informatics: Studying Crisis in a Networked World. Third International Conference on e-Social Science, Ann Arbor, Michigan, October 7–9. 10 p.

Park C. H., Johnston E. W. 2017. A framework for analyzing digital volunteer contributions in emergent crisis response efforts // *New media & society*. Vol. 19 (8). P. 1308–1327.

Perrow Ch. 1984. *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. N.Y.: Basic Books. 386 p.

Ridings C. M., Gefen D. 2004. Virtual community attraction: why people hang out online // *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 10 (1). P. 1–10. DOI/10.1111/j.1083-6101.2004.tb00229.x/full

Roberts N. C. 2011. Beyond smokestacks and silos: open-source, web-enabled coordination in organizations and networks // *Public Administration Review*. Vol. 71 (5). P. 677–693.

Rocha R., Widera A., van den Berg R. P., de Albuquerque J. P., Helingrath B. 2017. Improving the Involvement of Digital Volunteers in Disaster Management // Murayama Y., Velev D., Zlateva P. P., Gonzalez J. (eds) *Information Technology in Disaster Risk Reduction. ITDRR 2016. IFIP Advances in Information and Communication Technology*. Vol 501. Springer, Cham. P. 214–224.

Roche S., Propeck-Zimmermann E., Mericskay B. 2011. GeoWeb and crisis management: issues and perspectives of volunteered geographic information // *GeoJournal*. Vol. 78 (1). P. 21–40.

Rodriguez H. 2006. Rising to the challenges of a catastrophe: the emergent and prosocial behavior following Hurricane Katrina // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 604 (1). P. 82–101.

Ryan R. M., Deci E. L. 2000. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions // *Contemporary Educational Psychology*. Vol. 25 (1). P. 54–67.

Shklovski I., Burke M., Kraut R., Kiesler S. 2010. Technology adoption and use in the aftermath of hurricane Katrina in New Orleans, *American Behavioral Scientist*. Vol. 53. P. 1228–1246.

Starbird K., Palen L. 2011. Voluntweeters: Self-Organizing by Digital Volunteers in Times of Crisis // *Proceedings of the Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI)*. Vancouver, Canada: ACM-Press. P. 1071–1080.

Strasser B., Baudry J., Sanchez G., Tancoigne E. 2018. «Citizen Science»? Rethinking Science and Public Participation // *Science and Technology Studies*. Vol. 32 (2). P. 52–76.

The Handbook of Crisis Communication. 2009. Ed. By W. Timothy Coombs and S. J. Holladay. Wiley-Blackwell. 737 p.

Verba S., Schlozman K. L, Brady H. 1995. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 640 p.

Waldman S., Kaminska K. 2015. Connecting emergency management organizations with digitally enabled emergent volunteering: literature review and best practices. Defense Research and Development Canada. 50 p.

Wilson J. 2000. Volunteering // *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 215–240.

Wilson J. 2012. Volunteerism research: a review essay // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. Vol. 41 (2). P. 176–212.

Xenos M., Vromen A., Loader B. D. 2014. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies // *Information, Communication & Society*. Vol. 17 (2). P. 151–167.

Yuan W, Guan D, Huh E. et al. 2013. Harness human sensor networks for situational awareness in disaster reliefs: a survey // *IETE Technical Review* Vol. 30 (3). P. 240–247.

Zook M., Graham M., Shelton T., Gorman S. 2010. Volunteered geographic information and crowdsourcing disaster relief: a case study of the Haitian earthquake // *World Med Health Policy*. Vol 2 (7). 33 p.

Статья поступила: 03.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Башева Ольга Александровна, кандидат социологических наук,
научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
Ермолаева Полина Олеговна, кандидат социологических наук,
научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
доцент кафедры социологии КФУ, Казань, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.625

The Phenomenon of Digital Volunteering in Emergency: Nature, Types, Theoretical Frameworks

Olga A. Basheva

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: OlgaAUsacheva@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0003-1459-0091

Polina O. Ermolaeva

Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia; Kazan Federal University, Kazan, Russia

E-mail: polina.ermolaeva@gmail.com

ORCID Id: 0000-0001-7522-9537

For citation: Basheva O. A., Ermolaeva P. O. The phenomenon of digital volunteering in emergency: nature, types, theoretical frameworks. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 47–69. DOI:10.19181/vis.2020.11.1.625

Abstract. The article presents the results of meta-analysis of Russian and foreign scientific research on digital volunteerism. In particular, it shows how it is conceptualized, in which forms it manifests, what distinguishes it from traditional offline volunteerism, how formal structures that deal with volunteer participation adapt to the digitization of their activity, as well as what sort of difficulties are associated with these processes, what are the advantages and restrictions compared to traditional forms of volunteerism in emergency situations, what sort of methodological tools

are used to comprehend it, and what sort of gaps are still present in the understanding of this phenomenon. Despite literature lacking a clear definition of digital volunteerism, most authors consider it as voluntary activity which involves an individual spending their spare time helping other people, groups or organizations, all without receiving any direct rewards, but while inevitably using modern information-communication technologies while sitting at home or in any other place beyond the office. On one hand, digital volunteerism's main features include increased flexibility and the opportunity for large groups of the population to engage in volunteer activity, while on the other hand we have the need for certain well-established technical skills, anonymity, as well as the possibility of providing false information. In terms of functionality, volunteers are divided into those responsible for collecting and analyzing massive streams of data, developers of new digital platforms and applications, and online community administrators. Digital volunteerism issues are examined within such areas of knowledge as citizen science, cooperative computerized work activity, crisis information science, crisis communications etc. Digital volunteerism, which is located on an interdisciplinary divide, is interpreted through various theoretical frameworks, in particular through digital humanistics, network approaches and Castells' theory, the collective production theory, the "common use digital economy" approach, the concept of indirect activity and digital activism. The possibilities and restrictions of these approaches in regards to the Russian context create an opportunity to analyze empirical research data.

Keywords: digital volunteering, information and communication technologies, digital humanism, social networks, crowdsourcing, mapping, voluntary geographical information, emergency

References

Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. *New media and society*, 2018: 20 (12): 4453–4472. DOI: 10.1177/1461444818775698

Albuquerque J., Eckle M., Herfort B., Zipf A. Crowdsourcing geographic information for disaster risk management and improving urban resilience: an overview of the lessons learned. In: *European Handbook of Crowdsourced Geographic Information*. Ed. by C. Capineri. London, Ubiquity Press, 2016: 309–321. DOI: 10.5334/bax.w

Alford J. *Engaging public sector clients: from service-delivery to co-production*. London, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2009: 272.

Amichai-Hamburger Y. Potential and promise of online volunteering. *Computers in Human Behavior*, 2008: 24: 544–562.

Asmolov G. Crowdsourcing and the folksonomy of emergency response: The construction of a mediated subject. *Interactions: Studies in Communication & Culture*, 2015: 6 (2): 155–178. DOI: 10.1386/iscc.6.2.155_1

Basheva O.A. Specificity of urban catastrophe as an example of a fire at the INION RAS. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologija = Social Sciences and Humanities. National and Foreign Literature. Ser. 11: Sociology.*, 2018: 2: 99–116 (In Russ.).

Baldassarri D., Diani M. The integrative power of civic networks. *American journal of sociology*. Chicago (IL), 2007: 113 (3): 735–780.

Bloom H. *Global Brain: The Evolution of Mass Mind from the Big Bang to the 21st Century*. London, Wiley, 2000: 681.

Capelo L, Chang N., Verity A. Guidance for collaborating with volunteer and technical communities. *Digital Humanitarian Network*, 2012: 32.

Castells M. Communication, Power and Counter-Power in the Network Society. *International Journal of Communication*, 2007: 1: 238–266.

Chernobrov D. Digital Volunteer Networks and Humanitarian Crisis Reporting. *Digital Journalism*, 2018: 6 (7): 928–944.

Chuchkevich M.M. What is a network organization? Moscow: IS RAS publ., 1999: 54 (In Russ.).

Cravens J. Virtual volunteering: online volunteers providing assistance to human service agencies. *Journal of Technology in Human Services*, 2000: 17 (2–3):119–136.

Crowley J. *Connecting Grassroots and Government for Disaster Response*. Washington (DC), Commons Lab, Wilson Center, 2013: 69.

Demakova K., Makoveckaja S., Skrjakova E. Digital activism: new media, civic applications and technology communities as the basis for socio-political changes. *Pro et Contra*, 2014: May – August rel.: 148–163 (In Russ.).

Engeström Y. Learning by Expanding: An Activity-Theoretical Approach to Developmental Research. Helsinki, Orienta-Konsultit Oy, 1987: 269.

Fritz C., Mathewson J. Convergence behavior in disasters. National Research Council Disaster Study (no 9). Washington (DC), National Academy of Science, 1957: 101.

Golbreikh V.B. Members of environmental groups in social media: digital participation and interests. *Peterburgskaja sociologija segodnia = Petersburg Sociology Today*, 2018: 9: 91–119 (In Russ.).

Goldman J., Shilton K., Burke J., Estrin D., Hansen M., Ramanathan N. et al. Participatory sensing: A citizen powered approach to illuminating the patterns that shape our world. Washington (DC), Woodrow Wilson Center for International Scholars, 2009: 20.

Goodchild M.F., Glennon J.A. Crowdsourcing geographic information for disaster response: a research frontier. *International Journal of Digital Earth*, 2010: 3(3): 231–241.

Goodchild M.F. Citizens as sensors: the world of volunteered geography. *GeoJournal*, 2007: 69 (4): 211–221.

Hargittai E. Digital natives? Variation in Internet skills and uses among members of the “Net Generation”. *Sociological Inquiry*, 2010: 80 (1): 92–113.

Haworth B., Bruce E. A review of volunteered geographic information for disaster management. *Geog Compass*, 2015: 9 (5): 237–250.

Horita F. E. A., de Albuquerque J. P., Degrossi L. C., Mendiondo E. M., Ueyama J. Development of a spatial decision support system for flood risk management in Brazil that combines volunteered geographic information with wireless sensor networks. *Computers & Geosciences*, 2015: 80: 84–94.

Howe J. *Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business*. New York, Three Rivers Press, 2009: 320.

Hughes A.L., Palen L. Twitter Adoption and Use in Mass Convergence and Emergency Events. *Proceedings of the Information Systems for Crisis Response and Management (ISCRAM)*. Gothenburg (Sweden), ISCRAM, 2009: 10.

Hughes A. L., Tapia A. H. Social Media in Crisis: When Professional Responders Meet Digital Volunteers. *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 2015: 12 (3): 679–706.

Karray F., Alemzadeh M., Saleh J. A., Arab M. N. Human-Computer Interaction: Overview on State of the Art. *International Journal on Smart Sensing and Intelligent Systems*, 2008: 1 (1): 137–159.

Kaufhold M.-A., Reuter C. The Self-Organization of Digital Volunteers across Social Media: The Case of the 2013 European Floods in Germany. *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 2014: 13 (1): 137–166. DOI: [10.1515/jhsem-2015-0063](https://doi.org/10.1515/jhsem-2015-0063)

Liu S. Crisis crowdsourcing framework: designing strategic configurations of crowdsourcing for the emergency management domain. *Comput. Support. Computer Supported Cooperative Work*, 2014: 23 (4): 389–443.

Madianou M. Digital Inequality and Second-Order Disasters: Social Media in the Typhoon Haiyan Recovery, *Social Media+Society*, 2015: 1 (2): 1–11. DOI: [10.1177/2056305115603386](https://doi.org/10.1177/2056305115603386)

Making a Difference: Virtual Volunteer Opportunities. Southeastern University Official website, 2016. Available at: <https://online.seu.edu/articles/virtual-volunteer-opportunities> [accessed 05.01.20].

Malizia A., Bellucci A., Diaz P.P. et al. eStorys: a visual storyboard system supporting backchannel communication for emergencies. *Journal of Visual Languages and Computing*, 2011: 22 (2): 150–169.

Meier P. *Digital Humanitarians: How Big Data Is Changing the Face of Humanitarian Response*. New York, CRC Press, 2015: 259.

Meier P. Human computation for disaster response. In: *Handbook of Human Computation*, New York, Springer, 2013: 95–104.

Mills K.L. Computer-supported cooperative work challenges. *Encyclopedia of Library and Information Science*, 2003: 678–684.

Mukherjee D. Participation of older adults in virtual volunteering: a qualitative analysis. *Ageing International*, 2011; 36 (2): 253–266.

Murthy D., Longwell S. Twitter and disasters: The uses of Twitter in the 2010 Pakistan floods. *Information, Communication & Society*, 2013: 16: 837–855.

Norris W. Digital humanitarians: citizen journalists on the virtual front line of natural and human-caused disasters. *Journalism Practice*, 2016: 11 (2–3): 213–228.

OCHA. Hashtag Standards for Emergencies. OCHA Policy and Studies Series, 2014: 16.

Palen L., Vieweg S., Sutton J., Liu S. B., Hughes A. Crisis Informatics: Studying Crisis in a Networked World. Third International Conference on e-Social Science, Ann Arbor, Michigan, 2007 Oct. 7–9: 10.

Park C. H., Johnston E. W. A framework for analyzing digital volunteer contributions in emergent crisis response efforts. *New media and society*, 2017: 19 (8): 1308–1327.

Perrow Ch. *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. New York, Basic Books, 1984: 386.

Ridings C. M., Gefen D. Virtual community attraction: why people hang out online. *Journal of Computer-Mediated Communication* 2004: 10 (1): 1–10. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2004.tb00229.x/full

Riabchenko N. A., Gnedash N. A. Digital activism: new media, civic applications and technology communities as the basis for socio-political change. In: *Sbornik nauchnyh statey XIX Obedinennoy konferencii «Internet i sovremennoe obshchestvo» = Conference working papers «Internet and Modern Society»*. Saint-Petersburg: SPb NRU ITMO publ., 2016: 48–55 (In Russ.)

Roberts N. C. Beyond smokestacks and silos: open-source, web-enabled coordination in organizations and networks. *Public Administration Review*, 2011: 71 (5): 677–693.

Rocha R., Widera A., van den Berg R. P., de Albuquerque J. P., Helingrath B. Improving the Involvement of Digital Volunteers in Disaster Management. In: *Information Technology in Disaster Risk Reduction. IFIP Advances in Information and Communication Technology*. Heidelberg, Springer, Cham, 2017: 501: 214–224.

Roche S., Propeck-Zimmermann E., Mericskay B. GeoWeb and crisis management: issues and perspectives of volunteered geographic information. *GeoJournal*, 2011: 78 (1): 21–40.

Rodriguez H. Rising to the challenges of a catastrophe: the emergent and prosocial behavior following Hurricane Katrina. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2006: 604 (1): 82–101.

Ryan R. M., Deci E. L. Intrinsic and extrinsic motivations: classic definitions and new directions. *Contemporary Educational Psychology*, 2000: 25 (1): 54–67.

Shklovski I., Burke M., Kraut R., Kiesler S. Technology adoption and use in the aftermath of hurricane Katrina in New Orleans. *American Behavioral Scientist*, 2010: 53: 1228–1246.

Starbird K., Palen L. Voluntweeters: Self-Organizing by Digital Volunteers in Times of Crisis. *Proceedings of the Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI)*. Vancouver (Canada), ACM-Press, 2011: 1071–1080.

Strasser B., Baudry J., Sanchez G., Tancoigne E. «Citizen Science»? Rethinking Science and Public Participation. *Science and Technology Studies*, 2018: 32 (2): 52–76.

The Handbook of Crisis Communication. Ed. by W. T. Coombs, S. J. Holladay. Hoboken (NJ), Wiley-Blackwell, 2009: 737.

Usacheva O. A. The Internet as a new platform for civic self-organization. In: *Sotsial'nye seti i virtual'nye setevye soobshchestva = Social Networks and Virtual Network Communities*. Moscow: ISS RAS publ., 2012: 264–280 (In Russ.).

Verba S., Schlozman K. L., Brady H. *Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1995: 640.

Waldman S., Kaminska K. Connecting emergency management organizations with digitally enabled emergent volunteering: literature review and best practices. *Defence Research and Development Canada*, 2015: 50.

Wilson J. Volunteerism research: a review essay. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2012: 41 (2): 176–212.

Xenos M., Vromen A., Loader B.D. The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies. *Information, Communication and Society*, 2014: 17 (2): 151–167.

Yanitsky O. N. Environmental catastrophes: structural and functional analysis. IS RAS Official website, 2013. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2794> [accessed 29.01.20] (In Russ.).

Yuan W., Guan D., Huh E. et al. Harness human sensor networks for situational awareness in disaster reliefs: a survey. IETE Technical Review, 2013: 30 (3): 240–247.

Zook M., Graham M., Shelton T., Gorman S. Volunteered geographic information and crowdsourcing disaster relief: a case study of the Haitian earthquake. World Med Health Policy, 2010: 2 (7): 33.

The article was submitted on: February 03.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Basheva Olga Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Ermolaeva Polina Olegovna, Candidate of Sociological Sciences, Research fellow, Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia;

Associate Professor, Department of Sociology, Kazan Federal University, Kazan, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона

Ссылка для цитирования: Костина Е. Ю., Орлова Н. А., Панфилова А. О. Социальное благополучие в оценках жителей Дальневосточного региона (на материалах социологического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

For citation: Kostina, E. Yu., Orlova, N. A., Panfilova, A. O. Social well-being in the estimates of the Far Eastern region (on materials of sociological research). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

**Костина
Елена Юрьевна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

kostina.eyu@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [353409](#)

**Орлова
Надежда Александровна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

orlova.na@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [169897](#)

**Панфилова
Анна Олеговна**

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия

panfilova.ao@dvfu.ru

AuthorID ПИНЦ: [835694](#)

Аннотация. Характер и скорость социальных изменений, глобальные вызовы и угрозы, постоянное воспроизводство социальных рисков свидетельствуют о проблемности современной социальной картины мира. Это позволяет указать на то, что сегодня, несмотря на все достижения цивилизации, нерешёнными остаются проблемы, связанные с социальным благополучием человека и общества в целом. Социальное благополучие – это многофакторный конструкт, представляющий результат синтеза причин и следствий, единства объективных

и субъективных факторов; это системный феномен, имеющий в своей категоризации различные грани и составляющие, которые выявляют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные смыслы. В совокупности эти параметры определяют и выводят социальное благополучие человека на первый план исследовательской и политической повестки. Авторами статьи подчёркивается, что исследование влияния на социальное благополучие объективных процессов, происходящих в обществе, должно идти параллельно с исследованием его субъективной составляющей, а именно – субъективных оценок человеком различных аспектов этого конструкта. Кроме этого, особую практическую значимость приобретают вопросы, связанные с изучением проблематики социального благополучия в различных социальных группах и когортах, а также в региональном контексте. Приморский край как субъект ДФО обладает выраженной географической, социально-экономической, демографической спецификой и является объектом стратегических интересов и целей государства; территорией, где запущен и реализуется ряд инновационных решений по стимулированию социально-экономического развития региона. Тем не менее, несмотря на прикладываемые государством усилия, социальная эффективность этих мер проявляется не столь заметно, как того требует реально сложившаяся ситуация. Регион до сих пор демонстрирует демографическую депрессию, имеет специфические отраслевые социально-экономические и управленческие сложности. В статье¹ приводятся данные, полученные авторами в ходе изучения субъективных оценок социального благополучия населения Приморского края. Количественное исследование регионального уровня было реализовано в мае 2019 г. в форме анкетного опроса (n=780). В целом результаты настоящего исследования удовлетворённости населения различными аспектами жизнедеятельности имеют положительный характер, зафиксированы некоторые различия по возрастному и гендерному признакам.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, субъективная оценка, удовлетворённость жизнью

Социальное благополучие: краткий обзор исследований

Состояние общественного сознания в нынешних социокультурных условиях особенно явно отличается от социальной реальности. Характер и скорость социальных инноваций, фактически неразрешённые и неразрешаемые на данный момент конфликты и вызовы, постоянно актуализирующиеся противоречия и риски свидетельствуют о серьёзном дисбалансе направляющих общественных сил, о проблемности современной социальной картины мира. Несмотря на все достижения цивилизации, нерешёнными и неснижаемыми остаются проблемы суицидального и криминального поведения, вопросы личной и социальной безопасности, все аспекты, связанные с социальным самочувствием и благополучием людей.

Социальное благополучие – это стратегическая социальная и государственная ориентация (состояние), на достижение которой направлены усилия общественно-политических организаций и институтов. Это предмет исследования психологов, социологов, политологов, экономи-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00768 «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье».

стов в рамках анализа, с помощью которого они с различных методологических и методических позиций пытаются оценить и уровень счастья, и социальное самочувствие, и меру реализации целей государственной социальной политики. Благополучие человека является основной предпосылкой и неременным условием успешного развития и процветания здорового общества. Несчастливые люди не могут создать общество, характеризующееся высоким уровнем благополучия, но и общество высокого благополучия не может обеспечить условия для создания и достижения благополучия всех его членов [Alatartseva et al. 2015].

Социальное благополучие и смежные с ним категории анализа имеют определённые социально-экономические и политические основания. Благополучие – это пространство существования человека, которое в большей степени обусловлено вполне реальными показателями экономического и социального общественного развития [Попов 2010: 17]. В качестве объективных оценок социального благополучия человек обычно использует внешние блага, которые позволяют ему в должной мере удовлетворить свои потребности и обеспечить безопасность [Костина, Орлова 2016: 63]. К основным объективным индикаторам относят социально-экономические показатели (уровень бедности, безработицы и т. п.), количество убийств и самоубийств, количество зарегистрированных браков, разводов и рождений детей. Благополучие в трактовке сторонников объективных индикаторов предполагает, что критерии могут быть выведены без привязки к собственным предпочтениям, интересам, идеалам, ценностям и отношениям индивидов, в то время как субъективные определения требуют, чтобы ценности и отношения индивидов имели значение.

Большинство обычных людей скорее всего отметят, что благополучие зависит от денег и материального обеспечения. К примеру, результаты опроса, проведённого Фондом общественного мнения, показали, что благополучие у россиян ассоциируется прежде всего с материальной составляющей («благополучная жизнь – это материальный достаток и отсутствие нужды») [Инициатива ФОМ... 2018]. Вместе с тем имеются данные, показывающие, что связь тут не такая явная. Да, существует определённая корреляция роста оценки личного благополучия и дохода, но она не постоянная, и не всякий рост дохода будет оказывать положительное влияние на субъективное ощущение благополучия. Так, исследователи отмечают наличие зависимости оценки своего благосостояния от сравнения с окружающими людьми. Соответственно, дополнительный доход увеличит благополучие человека только тогда, когда такой же рост дохода не демонстрируют окружающие [Dorn et al. 2007; Ferrer-i-Carbonell 2005].

Благополучие растёт, если люди могут реализовать больше своих личных предпочтений, а это происходит, когда они могут позволить себе более широкий выбор возможного удовлетворения потребностей [Dolan et al. 2008; Hausman et al. 2009]. Следовательно, можно предположить, что благополучие населения возрастает, если реализуемая государственная политика позволяет ему удовлетворять свои потребности

приемлемым для него способом, а ограничения на возможности достижения желаемого снижаются. Однако однозначно утверждать это нельзя. Так, в докладе Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (авторы: лауреаты Нобелевской премии Дж. Стиглиц, А. Сен и Ж. П. Фитусси), подчёркивается мысль, что экономическое измерение благосостояния недостаточно, его динамика может противоречить восприятию реалий жизни населением и подрывать доверие к государству и его политике [Стиглиц и др. 2016].

Действительно, в современных определениях благополучия подчёркивается, что его критериями являются желаемые человеком состояния счастья, здоровья, экономического процветания и безопасности. То есть человеческое благополучие состоит как из субъективных переживаний и ощущений (например, удовлетворённостью жизнью), так и из объективных (статистических) показателей условий и качества жизни. Зачастую авторы под социальным благополучием понимают субъективную оценку индивидами и общностями степени удовлетворения их материальных и духовных потребностей, а также возможности реализации социальных ожиданий и претензий [Голиков и др. 2015]. Здесь уже конкретно выделяется и актуализируется именно субъективная (выражающаяся в оценке) составляющая социального благополучия, которая основывается на самостоятельном человеческом восприятии собственной жизни и её характера. Комиссия Стиглица, Сена и Фитусси также указала, что способ, посредством которого человек воспринимает, насколько хорошо и успешно идёт его жизнь, должен рассматриваться наряду с другими наблюдаемыми объективными показателями экономического и социального благополучия.

Кроме того, субъективное ощущение благополучия является не только «внутренне», но и «инструментально» важным для отдельных людей. Повышение уровня субъективного благополучия приводит к ряду положительных изменений в жизни, таких как улучшение здоровья, более удовлетворительные социальные отношения, повышение производительности труда и уровня образования [Alkire 2015; De Neve et al. 2013].

Существенным ценностным параметром благополучия выступает социальный порядок, который «... во все времена является ценностью как для отдельного человека, так и для социальной системы общества, поскольку обеспечивает стабильность – условие благополучного существования общества. В каком смысле стабильность – условие благополучия? Любой человек желает и для себя, и для своих детей определённости и порядка в обыденной жизни и в обществе в целом. Ощущение стабильности и упорядоченности окружающих вещей, уверенность в завтрашнем дне являются для человека условиями “онтологической безопасности”» [Владимирова 2012: 131].

Растущий интерес к измерению субъективного благополучия на национальном уровне и к политике, нацеленной на достижение счастья граждан, подразумевает, что для обеспечения надлежащего распределения ресурсов на эти цели важно уметь оценивать общие выгоды от повышения счастья в денежном выражении. Перспектива измерения субъективных оценок благополучия заключается не только в том, что они

могут позволить политикам отслеживать изменения на общем уровне, но и исследовать, как рефлексировается благополучие в различных социальных группах и когортах, а также в региональном контексте [Hicks 2013].

Исследовательский проект

Приморский край как субъект ДВФО обладает выраженной географической, социально-экономической, демографической и иной спецификой. Сегодня регион является объектом стратегических интересов и целей государства; территорией, где запущен и реализуется ряд инновационных решений по стимулированию социально-экономического развития. Тем не менее, несмотря на прикладываемые государством усилия, социальная эффективность этих мер проявляется не столь заметно, как хотелось бы. Так, регион до сих пор демонстрирует демографическую депрессию, имеет специфические отраслевые социально-экономические и управленческие сложности. В этой связи исследование субъективных оценок социального благополучия жителями дальневосточного региона представляется своевременным и тематически актуальным.

Количественное исследование регионального уровня было реализовано в мае 2019 г. в форме анкетного опроса (n=780). Репрезентативность данных обеспечивалась типом выборки – территориальная квотная – с соблюдением параметра регионального охвата на первой ступени и применением принципа квотного отбора исследуемых единиц на второй ступени. Квотный отбор реализован по критериям возраста и пола, репрезентирует по ним структуру генеральной совокупности. Необходимость квотных критериев обусловлена дополнительной исследовательской задачей установить и описать различия ответов в возрастных когортах опрашиваемых, а также выявить возможную гендерную разницу в ощущении благополучия у отвечающих. В структурном плане при разработке инструментария и процедуры операционализации авторы опирались на группировку различных аспектов жизнедеятельности человека, выделенных Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В ходе пилотажа не было выявлено сложностей в восприятии и заполнении респондентами опросного бланка.

Социальное благополучие дальневосточников в цифрах: результаты исследования

В качестве важнейших показателей физических условий и качества жизни применялся Индекс лучшей жизни¹, разработанный на основе доклада Комиссии ОЭСР и включает такие параметры, как жилищные

¹ Ваш индекс лучшей жизни // Организация экономического сотрудничества и развития. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/safety-ru/> (Дата посещения: 05.10.2019).

условия, здоровье, доходы и работа, образование и среда проживания, личная безопасность и общая удовлетворённость жизнью [Стиглиц и др. 2016].

Теоретической основой анализа является тезис-утверждение Э. Алларта. Согласно ему, в основе благополучия лежит удовлетворение таких актуальных нужд, как потребность в образовании, занятости, здоровье, жилище, материальных благах (группа потребностей «иметь»); потребность в любви, дружбе, принадлежности к социуму, близком общении, поддержке и т. д. (группа потребностей «любить»); потребность в социальной интеграции, общественной и политической активности и т. д. (группа потребностей «быть»). При условии роста уровня удовлетворения всех потребностей формируется ощущение благополучия [Allardt 1993: 89–91].

Результаты эмпирической работы показали, что реализация естественной для человека потребности в жилище способна качественно улучшить его жизнедеятельность и социальное самочувствие. Полученные оценки удовлетворённости жителей Приморского края своими жилищными условиями свидетельствует о том, что последние в той или иной степени устраивают 63,9% приморцев; отрицательно оценили свои жилищные условия 23,6%, а 12,6% затруднились дать ответ.

Экономическое благополучие является составной частью общего субъективного благополучия. Так, субъективные оценки населением своего актуального материального положения свидетельствуют, что 52,9% устраивает уровень их материального благосостояния, 32,1% не удовлетворены им. Беспокоит будущее материальное положение 63,8%, менее всего испытывают тревогу по данному поводу люди старшего возраста (от 50 лет и выше). Относительно уровня дохода цифры выглядят следующим образом: 1,8% респондентов ввиду низкого дохода «едва сводят концы с концами»; вариант «денег сейчас хватает только на приобретение продуктов питания» выбрали 11,5% респондентов; «денег хватает на питание и одежду» – 40,6%; 31,2% опрошенных «могут покупать вещи длительного пользования, но покупка дорогих вещей для них затруднительна»; 10,5% «могут ни в чём себе не отказывать»; доля затруднившихся ответить – 4,4%.

Объективно одной из важных предпосылок социального благополучия является образование в таких его параметрах, как уровень и качество, поскольку они определяют и градуируют потенциальные возможности добиться успеха и самореализации в той или иной области. Данные опроса показали, что более половины ответивших (58,9%) в большей степени удовлетворены уровнем и качеством их образования, в то время как 22,4% не довольны этими параметрами. Половина респондентов высказали ощущение необходимости в повышении уровня образования, отметив, что это – важная возможность/ступень повышения личного и социального благополучия. Особенно распространена эта позиция среди представителей молодёжной подгруппы респондентов. Однако около трети респондентов не видят в этом необходимости и не считают нужным проявлять здесь активность. Стоит также отме-

тить, что большинство опрошенных не озвучивают особых ограничений, мешающих им получить новые знания и профессиональные навыки, если они обнаружат в этом потребность.

Большое значение в субъективном ощущении благополучия имеет профессиональная деятельность и самореализация в ней. В целом большинство респондентов удовлетворены этой сферой своей жизни, однако было отмечено гендерное различие в удовлетворённости профессиональной самореализацией. Так, женщины более позитивно оценивают достигнутые ими результаты в трудовой сфере, но более склонны сомневаться в правильности выбора профессии. Более половины респондентов (55,9%) оценили свою трудовую ситуацию оптимистично; 26,1% участников в той или иной степени испытывают страх потерять работу. Наиболее выражен этот страх в возрастной когорте 30–39 лет.

Анализ субъективных оценок состояния здоровья показал, что: 18,6% опрошенных не имеют проблем со здоровьем; 34,2% отчасти согласны с тем, что состояние их здоровья не вызывает опасений и в целом устраивает их; 30,2% оценили состояние здоровья довольно пессимистично, 17% не смогли определить свою позицию по данному вопросу. Женщины оценивают состояние своего здоровья в целом хуже, чем мужчины; с возрастом респонденты склонны более критично его оценивать. Е. Динер и М. Чан на основе анализа большого количества вторичных данных зафиксировали парадоксальную обратную связь ощущения благополучия с состоянием здоровья и продолжительностью жизни: счастливые люди живут дольше, а нездоровые счастливее [Diener et al. 2011]. То есть не здоровье влияет на ощущение себя благополучным, а скорее наоборот.

Общеизвестно, что значимым фактором удовлетворённости различными аспектами жизни является уровень проявления доверия. Доверие/недоверие как определённая установка человека на мироощущение определяется, в частности, мерой открытости миру, новым контактам и взаимодействиям, уверенностью/неуверенностью в социальных ожиданиях. Полученные авторами эмпирические данные показали достаточно высокий субъективный уровень доверия, высказанный участниками. Так, для большинства респондентов (58,5%) характерно проявление доверия к окружающим, готовность к новым контактам, открытость и доброжелательность. Одновременно не склонен доверять (или вообще не доверяет) другим каждый пятый, не обозначили свою позицию по данному вопросу 20,3%.

Оказалось труднее сделать определённые выводы относительно социального доверия как меры благожелательного, положительного и оптимистичного отношения к социуму и государству. Не ставя себе задачей сформулировать эту меру, тем не менее отметим, что структурно элементы социального доверия охарактеризованы ниже. Общее качество и мера социального доверия зависят во многом от социальных связей человека (в частности, наличия семьи, друзей) и их качества. 57,2% респондентов удовлетворены отношениями с близкими, друзьями, знакомыми (женщины по сравнению с мужчинами реже выбирали положи-

тельный ответ), 28% не удовлетворены существующими отношениями. Семья и дружба в системе ценностных ориентаций респондентов преобладают над материальной составляющей у подавляющего большинства – 78,6%, 11,2% не согласились с данным утверждением.

Уровень активности в обществе определяет образ жизни человека и способствует укреплению его социального благополучия. Можно указать и на обратную зависимость: от того, насколько социально благополучен субъект, зависит и степень его вовлечённости в общественные взаимодействия и социальные коммуникации [Aknin et al. 2012]. 40% наших респондентов ведут активную общественную жизнь, при этом женщины более активны, чем мужчины; респонденты 60 лет и старше менее активны по сравнению с представителями других возрастных групп; 43,1% отрицают свою активность.

Субъективное ощущение благополучия реализуется в чувстве удовлетворённости человека собственной жизнью. Здесь нами выделены следующие цифры. Семь из десяти жителей Приморского края в целом удовлетворены своей жизнью, в том числе 30,5% удовлетворены ею в полной мере (схожие результаты были получены и при ответе на вопрос об оценке полноценности жизни). Противоположное мнение высказали 11,8% респондентов, при этом только 2,7% выбрали крайний отрицательный ответ. Гендерной разницы не зафиксировано: удовлетворённость жизнью в целом у мужчин и женщин находится на одинаковом уровне, а также не зависит от возраста; исключение составляют лишь люди старше 60 лет, чьи оценки несколько ниже, чем у представителей других возрастов.

Необходимым компонентом в оценке благополучия населения выступают личные прогнозы относительно своего будущего, а также мнения о способности справиться с возникающими препятствиями и проблемами. Соответственно, в опросный бланк были включены такие вопросы. По ним можно выделить следующие данные.

Осознание возможности влиять на ситуацию придаёт человеку ощущение уверенности в себе, своих силах, ощущение контроля над происходящим. Так, 26,7% считают, что не могут влиять на происходящие вокруг события; по мнению 51,5% они могут это делать; 21,8% затруднились ответить. Чувствуют себя уверенными в завтрашнем дне 56,6% респондентов (из них абсолютно в этом уверены 16,7%), 22,7% не испытывают такой уверенности (в большей степени это характерно для лиц 60 лет и старше), 20,8% не смогли определиться с ответом на данный вопрос.

Состояние окружающей среды оказывает влияние на качество жизни населения, а, следовательно, и на его благополучие. Так, 60% респондентов всерьёз обеспокоены состоянием окружающей среды в своём регионе, лишь у 20,2% этот вопрос не вызывает тревоги. Более половины опрошенных признали, что возможное ухудшение экологической ситуации является наиболее серьёзным негативным фактором в оценке дальнейших жизненных перспектив в регионе.

Структура ответов респондентов относительно соблюдения их прав в текущих общественных условиях показала, что оценивают ситуацию как преимущественно положительную 43%, из них 11,9% абсолютно уверены в том, что права граждан реализуются в достаточной степени. Отметим, что в современном российском обществе «права человека не соблюдаются» 24% опрошенных, «соблюдаются лишь отчасти» – 28%.

Наконец, личная безопасность – ещё один значимый параметр как социального, так и субъективно ощущаемого благополучия. Так, имеются данные о том, что страх стать жертвой преступления, влияет на жизненную активность и социальное благополучие [Lorenc et al. 2012]. Содержательно этот параметр включает в себя переживание определённых рисков (стать жертвой физического насилия или других видов преступлений), тяжесть которых существенно понижает социально позитивные установки и состояния.

Согласно авторским данным, более половины респондентов (56,2%) не испытывают страха стать жертвой преступления, уверены в своей способности избегать таких ситуаций. При этом заметно менее уверены в своей защищённости женщины и лица старше 60 лет. В целом же цифры по этому основанию положительные: редко испытывают чувство опасности и угрозы более половины опрошенных, часто ощущает это чувство каждый пятый респондент.

Как отмечают Р. Инглерхарт и П. Норрис, вопросы личной безопасности нуждаются в изучении, т. к. субъективное благополучие строится также на ощущениях людей по шкале «безопасно/небезопасно». В свою очередь, это оказывает влияние на сознание и поведение людей [Inglehart et al. 2012]; фактически можно утверждать, что невозможно чувствовать себя благополучным, испытывая чувство незащищённости.

Заключение

Субъективно оцениваемое благополучие в представленной исследовательской репрезентации имеет положительный характер. Структура программы опроса строилась на традиционных «точках измерения» благополучия – удовлетворённости жизнью, уровне тревожности, экономическом благосостоянии, мере личного доверия как основы уверенного мироощущения. В подавляющем большинстве этих точек результаты оценки положительны, более того – они эмоционально конструктивны в том смысле, что основываются на жизненном оптимизме, любви к близким, доверии к миру. Некоторые зафиксированные (порой весьма выраженные) расхождения в возрастных группах опрошенных, к примеру, в оценке личной безопасности и защищённости, уверенности в завтрашнем дне, видятся логическими и естественно более затруднительными в преклонном возрасте, а также с позиции гендерного статуса.

При оценке представленных данных с точки зрения Э. Алларта, заявленной в качестве теоретической основы работы, благополучие может быть охарактеризовано как субъективно сформированное, комплексное

ощущение-состояние. Его источником является преимущественно определённая мера удовлетворения жизненно важных потребностей, в контексте которых выше были представлены опросные результаты. Несмотря на некоторую разницу в их выражении, можно отметить удовлетворительную оценку текущего положения. Соответственно, объективные и устойчивые социально-экономические трудности в регионе напрямую не влияют на субъективные оценки нашего объекта. Значительно более выраженную корреляцию с благополучием в его субъективно сформированном виде имеют духовно-личностные потребности (по Э. Алларту – «любить») и обладательные – «иметь». Их отдельная значимость и реализованность определены как ключевые в субъективно положительной оценке благополучной жизни.

Таким образом, социальное благополучие предстаёт системным феноменом, имеющим в своей категоризации различные грани и составляющие. Интегрально они определяют и социальное самочувствие человека, и меру общественной безопасности, и современные ценностно-нормативные онтологические смыслы. С предельной актуальностью эти тезисы выводят социальное благополучие человека на первый план исследовательской и политической повестки.

Анализ современных исследований по общей теме и проблематике социального благополучия позволяет сделать вывод о значимости использования как объективных критериальных показателей, основывающихся главным образом на формализованных статистических данных (динамики ВВП, индекса/количества отклонений и т. д.), так и субъективных оснований его понимания. В представлениях людей в текущий момент времени репрезентируется оценочное восприятие окружающей социальной среды, мера удовлетворённости ею, ощущение общественной безопасности и т. д., в целом имеющие положительные репрезентации. В более общем смысле они показывают и характер социальной рефлексии. Значимость такого анализа высока: «...измерение субъективного благополучия становится всё более важным, т. к. общество отходит от показателей ВВП как цели роста в направлении увеличения блага для общества в целом». [Massagnan et al. 2019]. При этом очевидно, что на сегодняшний день аналитический интерес представляет использование комплексного подхода к исследованию, попытки интеграции его объективного и субъективного уровней.

Библиографический список

Владимирова Т. В. 2012. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // Журнал социологии и социальной антропологии. № 2. С. 129–146.

Голиков А. А., Гордеев С. С., Даванков А. Ю., Козлов В. Н. 2015. Концептуальные основы динамики благополучия населения в регионе // Голиковские чтения. Челябинск. С. 6–10.

Инициатива ФОМ: изучение благополучия россиян. 2018. // Фонд общественного мнения URL: <https://fom.ru/TSennosti/14244> (Дата посещения: 05.12.2019).

Костина Е. Ю., Орлова Н. А. 2016. Социальное благополучие жителей Дальневосточного региона России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 2. С. 61–71.

Попов Е. А. 2010. Социальное благополучие человека в научном дискурсе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. № 2. С. 16–23.

Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж. П. 2016. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара. 216 с.

Aknin, L. B., Dunn, E. W., Norton, M. I. 2012. Happiness runs in a circular motion: Evidence for a positive feedback loop between prosocial spending and happiness // *Journal of Happiness Studies*. Vol. 13. P. 347–355. DOI: 10.1007/s10902-011-9267-5

Alatartseva E., Barysheva G. 2015. Well-being: subjective and objective aspects // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. Vol. 166. P. 36–42. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.479

Alkire S. 2015. Global multidimensional poverty index // *Pakistan Development Review*. Vol. 54 (4). P. 287–299.

Allardt E. 1993. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. *Quality of Life*. Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. New York: Oxford: University Press. P. 88–94.

De Neve J.-E., Diener E., Tay L., Xuereb C. 2013. The objective benefits of subjective well-being. *World happiness report 2013*. Ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York: UN Sustainable Development Solutions Network. P. 54–79.

Diener E., Chan M. Y. 2011. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity // *Applied psychology: health and well-being*. Vol. 3 (1). P. 1–43. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x

Dolan P., Peasgood T. 2008. Measuring Well-being for Public Policy: Preferences or Experiences? // *Journal of Legal Studies*. Vol. 37 (S2). P. 5–31. DOI: 10.1086/595676

Dorn D., Fischer J. A., Kirchgassner G., Sousa-Poza A. 2007. Is it culture of democracy? The impact of democracy, and culture on happiness // *Social Indicators Research*. Vol. 82 (3). P. 505–526. DOI: 10.1007 / s11205-006-9048-4

Ferrer-i-Carbonell A. 2005. Income and well-being: An empirical analysis of the comparison income effect // *Journal of Public Economics*. Vol. 89. P. 997–1019. DOI:10.1016/j.jpubeco.2004.06.003

Hausman D., McPherson M. 2009. Preference Satisfaction and Welfare Economics // *Economics and Philosophy*. Vol. 25 (1). P. 1–25. DOI: 10.1017/S0266267108002253

Hicks S., Tinkler L., Allin P. 2013. Measuring Subjective Well-Being and its Potential Role in Policy: Perspectives from the UK Office for National Statistics // Social Indicators Research. Vol. 114. P. 73–86. DOI: 10.1007/s11205-013-0384-

Inglehart R. F., Norris P. 2012. The Four Horsemen of the Apocalypse: Understanding Human Security // Scandinavian Political Studies. Vol. 35. No. 1. P. 71–94. DOI: 10.2139/ssrn.197131

Lorenc T., Clayton S., Neary D., Whitehead M., Petticrew M., Thomson H., Cummins S., Sowden A., Renton A. 2012. Crime, fear of crime, environment, and mental health and wellbeing: Mapping review of theories and causal pathways // Health & Place. No. 18. P. 757–765. DOI: 10.1186 / 1471-2458-13-496

Maccagnan A., Lewis S., Brown H., Taylor T. 2019. Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing // Social Indicators Research. Vol. 141. P. 217–243. DOI: 10.1007/s11205-017-1826-7

Статья поступила: 20.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Костина Елена Юрьевна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

Орлова Надежда Александровна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

Панфилова Анна Олеговна, кандидат социологических наук,
доцент Департамента социальных наук Школы искусств и гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Social Well-Being as Evaluated by the Population of the Far East Region

Elena Yu. Kostina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: kostina.eyu@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0003-4482-9497

Nadezhda A. Orlova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: orlova.na@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0002-1892-0097

Anna O. Panfilova

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: panfilova.ao@dvfu.ru

ORCID Id: 0000-0001-6156-828X

For citation: Kostina, E. Yu., Orlova, N. A., Panfilova, A. O. Social well-being as evaluated by the population of the Far Eastern region. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 70–83. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Abstract. The nature and pace of social changes, global challenges and threats, the constant reproduction of social risks – all of these things speak to the problematic nature of the world’s current social portrait. This allows us to point out that today, despite all of civilization’s achievements, certain problems associated with the social well-being of a person, and society as a whole, remain unresolved. Social well-being is a multifactor construct, which itself is the result of a synthesis of causes and effects, a joining of objective and subjective factors; we are dealing with a systemic phenomenon, the categorization of which is distinguished by various facets and components which determine a person’s social well-being, the degree of public safety and modern value-normative implications. In conjunction these parameters define and bring a person’s social well-being to the forefront of the research and political agenda. The authors of this article insist that the study of the effect which objective processes occurring in society have on social well-being must be conducted in parallel with studying its subjective component, namely – a person’s subjective evaluation of this construct’s various aspects. Aside from that, special practical relevance is attributed to matters concerning the study of issues of social well-being in various social groups and cohorts, as well as within the regional context. Primorsky Krai, being part of the Far Eastern Federal District, possesses a distinct geographical, socio-economic and demographical specificity, while being an object of government strategic interests and goals; this is a territory where a plethora of innovative solutions aimed at stimulating the region’s socio-economic development are being initiated and implemented. Nonetheless, despite the government’s best efforts, the social effectiveness of these measures is not as pronounced as the current situation calls for them to be. The region is still in a state of demographic depression, with there being distinct sector-specific socio-economic and management issues. The article cites data collected by its authors while studying the subjective evaluation of the social well-being of Primorsky Krai’s population. A regional-scale quantitative study was conducted in May of 2019 by means of questionnaire survey (n=780). The results of this study of the population’s satisfaction with various aspects of life are generally favorable, with certain disparities having been recorded based on age and gender.

Keywords: social well-being, subjective well-being, subjective assessment, satisfaction with life

References

Aknin L. B., Dunn E. W., Norton M. I. Happiness runs in a circular motion: Evidence for a positive feedback loop between prosocial spending and happiness. *Journal of Happiness Studies*, 2012: 13: 347–355. DOI: 10.1007/s10902-011-9267-5

Alatartseva E., Barysheva G. Well-being: subjective and objective aspects. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015: 166: 36–42. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.479

Alkire S. Global multidimensional poverty index. *Pakistan Development Review*, 2015: 54 (4): 287–299.

Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. In: *Quality of Life*. Ed. by M. Nussbaum, A. Sen. New York, Oxford University Press, 1993: 88–94.

Better Life Index. OECD Official Web portal. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/safety-ru> [accessed: 05.10.19] (in Russ.).

De Neve J.-E., Diener E., Tay L., Xuereb C. The objective benefits of subjective well-being. *World happiness report 2013*. Ed. by J. Helliwell, R. Layard, J. Sachs. New York, UN Sustainable Development Solutions Network, 2013: 54–79.

Diener E., Chan M. Y. Happy People Live Longer: Subjective Well-Being Contributes to Health and Longevity. *Applied psychology: health and well-being*, 2011: 3 (1): 1–43. DOI: 10.1111/j.1758-0854.2010.01045.x

Dolan P., Peasgood T. Measuring Well-being for Public Policy: Preferences or Experiences? *Journal of Legal Studies*, 2008; 37 (2): 5–31. DOI: 10.1086/595676

Dorn D., Fischer J. A., Kirchgassner G., Sousa-Poza A. Is it culture of democracy? The impact of democracy and culture on happiness. *Social Indicators Research*, 2007: 82 (3): 505–526. DOI: 10.1007 / s11205-006-9048-4

Ferrer-i-Carbonell A. Income and well-being: An empirical analysis of the comparison income effect. *Journal of Public Economics*, 2005: 89: 997–1019. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2004.06.003

FOM initiative: studying the well-being of Russians. FOM Official website, 2018. Available at: <https://fom.ru/TSennosti/14244> [accessed: 05.12.19] (in Russ.).

Golikov A. A., Gordeev S. S., Davankov A. Yu., Kozlov V. N. Conceptual foundations of the dynamics of well-being of the population in the region. *Golikovskie Chteniya = Golikov readings working papers*. Chelyabinsk, 2015: 6–10 (In Russ.).

Hausman D., McPherson M. Preference Satisfaction and Welfare Economics. *Economics and Philosophy*, 2009: 25 (1): 1–25. DOI: 10.1017/S0266267108002253

Hicks S., Tinkler L., Allin P. Measuring Subjective Well-Being and its Potential Role in Policy: Perspectives from the UK Office for National Statistics. *Social Indicators Research*, 2013: 114: 73–86. DOI: 10.1007/s11205-013-0384

Inglehart R. F., Norris P. The Four Horsemen of the Apocalypse: Understanding Human Security. *Scandinavian Political Studies*, 2012: 35, 1: 71–94. DOI: 10.2139/ssrn.197131

Kostina E. Y., Orlova N. A. The social well-being of the population of the Russian Far East. *Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya = Oikumena. Regionalistic Studies*, 2016; 2: 61–71 (In Russ.).

Lorenc T., Clayton S., Neary D., Whitehead M., Petticrew M., Thomson H., Cummins S., Sowden A., Renton A. Crime, fear of crime, environment, and mental health and wellbeing: Mapping review of theories and causal pathways. *Health and Place*, 2012: 18: 757–765. DOI: 10.1186/1471-2458-13-496

Maccagnan A., Lewis S., Brown H., Taylor T. Wellbeing and Society: Towards Quantification of the Co-benefits of Wellbeing. *Social Indicators Research*, 2019: 141: 217–243. DOI: 10.1007/s11205-017-1826-7

Popov E. A. Human social well-being in scientific discourse. *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo = Sociology in the modern world: science, education, creativity*, 2010: 2: 16–23 (In Russ.).

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. Mis-measuring Our Lives Why GDP Doesn't Add Up. The report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Moscow, Gaidar Institute publ., 2016: 216 (In Russ.).

Vladimirova T. V. The Development of Accumulation and Acceleration Structures of Deviation as a Condition of Public Safety. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2012: 2: 129–146 (In Russ.).

The article was submitted on: December 20.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kostina Elena Yurevna, Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Nadezhda Aleksandrovna Orlova, Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Anna O. Panfilova Candidate of Sociological Sciences, docent, School of Humanities, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.628

Роль социальных институтов в формировании самосохранительного поведения населения

Ссылка для цитирования: Шаповалова И. С. Роль социальных институтов в формировании самосохранительного поведения населения // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 84–110. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.628

For citation: Shapovalova, I. S. The value of social institutions in the formation of self-preserving behavior of the population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 84–110. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.628

Шаповалова Инна Сергеевна

Белгородский государственный
национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ),
Белгород, Россия

inna-shapov@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [477716](#)

Аннотация. Самосохранительное поведение населения является важным звеном определения демографической конфигурации, прогнозной модели социального развития государства. Самосохранение и его результаты становятся откликом на последствия социальной политики и итоги динамики показателей качества жизни, а также формируют генерационные типы хронотопа. Самосохранительные траектории и стратегии эволюционируют в результате социализации при участии основных социальных институтов. В статье¹ приведены результаты исследований самосохранительных моделей поведения населения и институциональных факторов, влияющих на их формирование, подчёркивается роль социальных институтов в создании установок населения в отношении собственного здоровья. Анализируется воздействие на самосохранительные установки человека основных социальных институтов – института семьи и брака, экономических и политических институтов, института внешней социализации и института здравоохранения. Проанализировано институциональное влияние с позиции состояния здоровья и общей продолжительности жизни, значение институтов в установлении самосохранительных габитусов и стратегий, весомость институциональных барьеров и стрессирующее воздействие институтов на население. Эмпирические модели построены на основе исследований, проведённых Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в Центральном округе РФ в 2019 г. Результаты исследований позволили определить роль социальных институтов в каждом показателе «весовой модели». Установлено, что для состояния здоровья населения и решений по изменению отношения к нему институциональное влияние является минимальным, общую продолжительность жизни прежде всего определяют экономические институты. Габитусы самосохранитель-

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект №28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

ного поведения формируются посредством института семьи и брака. Отрицательное влияние на самосохранительное поведение было выявлено через институциональные барьеры институтов внешней социализации. Наибольший стрессующий потенциал несёт институт здравоохранения. Суммарным итогом исследования стал вывод о готовности населения Центрального округа брать личную ответственность за состояние своего здоровья, отсутствие масштабной институциональной зависимости – наряду с институтом семьи и брака, роль внеинституциональной личности главенствует в весах ролей всех социальных субъектов в рефлексии населения по поводу своих самосохранительных стратегий.

Ключевые слова: социальные институты, самосохранительное поведение, здоровье, самосохранительные установки, личность, продолжительность жизни

Индивидуальное здоровье и образ жизни, определяющий его состояние, по сути является сложным сплавом воздействия факторов различного уровня, где бóльшую и часто неуправляемую часть занимает наследственность человека. Несмотря на это, каждая индивидуальная жизненная траектория содержит информацию и историю преодоления исходных данных при помощи социального капитала и личностных ресурсов, сформированных под его влиянием. Понимание важности изучения зон влияния социальных факторов на здоровье населения и управление таким влиянием обусловили выбор темы нашего исследования в пользу изучения институциональной среды формирования самосохранительного поведения. Институциональная среда, воздействие институтов, их переменная референтность в жизни и социализационной траектории индивида позволяют нам говорить о симбиотическом воздействии их деятельности на формируемые модели самосохранительного поведения населения. Целью нашей статьи будет определить зоны влияния социальных институтов и его ранговое распределение в результирующей самосохранительной модели жителей Центрального округа РФ.

Аналитический обзор публикаций по теме

Вопросы по изучению влияния социальных институтов на самосохранительные модели жителей поднимаются учёными и исследователями как на фундаментальном, так и на прикладном уровне. Роль конкретных институтов в сфере сохранения здоровья населения освещена в работах ряда российских авторов, при этом зачастую исследование взаимосвязи конкретного института и самосохранительных компонент является объектом монографического, а иногда и мониторингового исследования. Так, роль института семьи и брака в самосохранительном поведении исследована С. А. Вангородской [Вангородская 2019], Н. А. Вороновым [Воронов 2018], Б. С. Павловым [Павлов 2008], З. И. Тюмасевой и И. Л. Ореховой [Тюмасева, Орехова 2019], В. Е. Цибулькиновой и С. Н. Верейкиной [Цибулькинова, Верейкина 2016], Г. Р. Шангараевой [Шангараева 2016], И. А. Яковлевой [Яковлева 2014].

Политические институты и их роль в формировании самосохранительных моделей, обусловленных государственной стратегией и кластером реформ определённого хронотопа, нашли своё отражение в концептуализации и эмпирической верификации исследований Г. В. Антонова [Антонов 2013], С. М. Варламовой [Варламова 2009], И. В. Гамовой и Д. И. Присяжнюк [Гамова, Присяжнюк 2015], Е. А. Гольмана [Гольман 2014], П. М. Козыревой и И. А. Смирнова [Козырева, Смирнов 2016], Ю. А. Потаниной [Потанина 2014], В. Я. Шклярук [Шклярук 2013] и др.

Разноаспектные влияния и взаимоотношение самосохранительных практик и установок россиян и институтов здравоохранения затронуты в работах Е. А. Андрияновой и Ю. А. Поздновой [Андриянова, Позднова 2013], Е. А. Петровой [Петрова 2014], Л. В. Стояновой [Стоянова 2008], Л. С. Шиловой [Шилова 2012] – и это лишь немногие из работ, специфика которых заключается в их междисциплинарном аспекте – пересечением с медицинской социологией и статистикой. Мы не берём здесь работы, в которых предпринята попытка установить взаимосвязь между состоянием системы здравоохранения, её реформами и демографическими показателями здоровья и смертности населения – таких работ великое множество.

Экономические институты, их влияние на возможность и альтернативность самосохранительного выбора, очерчивание круга экономических факторов, типологизирующих наше общество относительно самосохранительных стратегий, обозначено в работах И. М. Игошева [Игошев 2013], О. С. Кузьмича [Кузьмич 2008], Д. Ю. Моисеевой и И. А. Троицкой [Моисеева, Троицкая 2019], И. Б. Назаровой [Назарова 2007], Т. А. Терешонок [Терешонок 2017].

Институты внешней социализации и их влияние на самосохранительные детерминанты населения – пожалуй, самая обширная тема исследования и самая неравномерно представленная в исследовательском поле России. В наиболее масштабном научном дискурсе здесь выступает вузовское научное сообщество, регулярно продуцирующее локальную тематику (как правило, это внутрикорпоративные или региональные исследования) по обеспечению этого направления и одновременно предлагающее методологические (как правило, узкие) подходы и методические (как правило, социально-педагогические) разработки по использованию потенциала и ресурса образовательного пространства как обязательной социализационной лакуны для формирования определённых заданных габитусов самосохранительного поведения молодёжи (или детей дошкольного и школьного возраста). С позиции институционального участия хотелось бы отметить исследования и теоретические изыскания в работах А. В. Алимпиевой [Алимпиева 2010; 2013] и её соавторов Е. А. Прасовой [Алимпиева, Прасова 2011] и И. Н. Симаевой [Симаева, Алимпиева 2019], а также труды А. М. Козина [Козин 2009], О. В. Коротковой и Н. Б. Пугачевой [Короткова, Пугачева 2011], А. Г. Маджуга и И. А. Сенициной [Маджуга, Сеницина 2014], В. Я. Шклярук [Шклярук 2013]. Значительно меньшее внимание уделено роли внешнего окружения, внешней среды, которая лишь косвенно

обозначена в социологических работах – основное внимание ей уделяют психологи и педагоги. Несмотря на это, хотелось бы отметить работы С. В. Бородулиной [Бородулина 2018], С. С. Кашуркиной [Кашуркина 2009], Н. А. Лебедевой-Несевря [Лебедева-Несевря 2010; 2018].

Отдельного внимания заслуживают работы, в которых предпринята попытка установить колаборативные институциональные отношения в вопросах формирования самосохранительных моделей населения. К сожалению, как правило, в них делается акцент на бинарные кооперации, редко используется ресурс статистических трендов, позволяющих увидеть общий рисунок в динамике и взаимные (касающиеся нескольких институтов) тенденции (например, в статьях Л. М. Борлаковой [Борлакова 2017], Н. А. Вялых [Вялых 2016], Л. Л. Липановой, Г. М. Насыбуллиной и М. О. Коротковой [Липанова и др. 2013], И. Г. Синьковской [Синьковская 2018], М. С. Сюповой и С. С. Халиковой [Сюпова, Халикова 2014], Е. Ю. Хорошиловой [Хорошилова 2017]). Наиболее монументальные из таких исследований предпринимают попытку (успешную) системного анализа, объективной гносеологии монографической социологической стратегии исследования, среди них: А. В. Верещагина, Н. Х. Гафиатулин и С. И. Самыгин [Верещагина и др. 2015], С. А. Ефименко [Ефименко 2007], А. Е. Иванова [Иванова 2013], Е. Е. Мосейко [Мосейко 2013], А. С. Скоробогатов [Скоробогатов 2010]. Но несмотря на это они стараются установить коэволюцию в институциональных полях, найти точки содействия и рассогласования действия социализационных институтов в контексте формирования самосохранительных моделей поведения.

Метод исследования

Исследуя роль социальных институтов в вопросах формирования самосохранительного поведения населения, в 2019 г. Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета провёл массовый опрос жителей Центрального федерального округа (N=1000, доверительный интервал 95%, ошибка выборки 3%). Исследование стало продолжением проведённых ранее (2018 г.) опросов, в результате которых были построены модели самосохранительного поведения населения Центрального региона [Вангородская и др. 2019]. Выборочное исследование было построено по типу двухступенчатой квотной выборки. Первой ступенью выбора стали регионы, выделенные на основе проведённого поискового исследования оценки показателей здоровьесбережения (инфраструктура здоровьесбережения, программные и проектные региональные решения, связанные с сохранением и укреплением здоровья граждан) и определения его региональных трендов, связанных с показателями социальных заболеваний и динамикой смертности в регионах. На данной ступени отбора были использованы и ограничения, связанные с повышенным показателем миграции, – в выборку не вошли центральные регионы ЦФО (Москва и Московская область).

Таким образом были определены по два региона с наименьшим показателем смертности и благоприятной ситуацией обеспечения здоровьесбережения граждан (Белгородская и Калужская области), с наибольшим показателем смертности (Тверская и Тульская области), наибольшей динамикой коэффициента смертности и невысокой активностью в преодолении наметившихся тенденций (Ивановская и Тульская области); наименьшей динамикой смертности и проводящих активную политику здоровьесбережения (Липецкая и Орловская области), а также два региона, имеющих средние показатели активности по здоровьесбережению, смертности и её динамики (Воронежская и Курская области). В опросе участвовали 9 регионов (с учётом того, что Тульская область проходит по двум «номинациям») из 18 субъектов ЦФО, что составило 50% от их общей совокупности и дало возможность показать полную картину, характерную для Центрального федерального округа.

Второй ступенью стало определение квот, отражённых в проекте выборки. Целевыми квотами исследования стали место жительства, пол и возраст респондентов (от 18 лет включительно). В основе построения проекта выборки были использованы данные официальной статистики.

Рефлективная оценка населением роли социальных институтов в вопросах самосохранения и здоровьесбережения

Говоря об институциональном воздействии на самосохранительные модели поведения населения и результирующие итог политики здоровьесбережения, мы хотели бы обозначить круг вопросов, поднимаемых в статье. Конкретизируя институциональные группы факторов, мы прежде всего затрагиваем роль института государства (власти, реформы, политики), обозначая его буквой (П)¹, институтов экономического обеспечения и окружения (производство, профессиональная деятельность, экологическое состояние среды как результат хозяйственной деятельности человека, собственность, частное хозяйство, деньги (в широком категориальном плане) – буквой (Э), брачно-семейного института (семья, дети) – (С), института внешней социализации (образования, культуры, традиций, религии, социального капитала и коммуникаций и т. д.) – (В) и института здравоохранения – (З).

Для уточнения реальной диспозиции социальных институтов в вопросах трансформации моделей самосохранительного поведения мы будем соотносить полученные данные с внеинституциональной личностью (Л) – индивидом, чья роль в регулировании и контроле собственного здоровья безусловно велика.

В опросе участвовало население отобранных нами ранее субъектов РФ (N=1000 при разделении на городское и сельское население), выборка квотная по полу, месту проживания и возрасту на общем массиве.

¹ Для удобства мы промаркировали каждый интересующий нас институт соответствующей заглавной буквой.

В рамках проведённого исследования мы смогли осуществить взвешивание роли каждого института в формировании моделей самосохранительного поведения. Модель весов представлена на рисунке 1 и включает в себя следующие весовые «плечи»¹:

- вес институциональных факторов в аспекте влияния на здоровье человека;
- вес стрессового потенциала каждого института (продуцирование причин стресса посредством своей деятельности или бездействия в плане обеспечения здоровья населения также показывает значимость социальных институтов в формировании как результатов, так и моделей самосохранительного поведения);
- вес института в определении и формировании габитуса самосохранительного поведения (установок по отношению к своему здоровью, принципов и ограничений, связанных с самосохранительным поведением);
- вес социальных институтов в самосохранительных изменениях (изменение поведения с ориентиром на здоровьесбережение, здоровьесохранение и здоровьеприобретение);
- вес институциональных барьеров в формировании оптимальных самосохранительных моделей населения;
- вес институтов в обеспечении продолжительности жизни.

Рис. 1. Показатели весов социальных институтов, для определения их роли в формировании моделей самосохранительного поведения индивидов (схема анализа и интерпретации результатов исследования)

Figure 1. Social institution weight indexes, in order to define their role in shaping individuals' self-preservation behavior models (chart for analyzing and interpreting research results)

¹ Системное восприятие этой деятельности отражается в неких ключевых показателях, которые были определены нами в виде «весовых плечей».

Определяя институциональный факторный вес, респонденты показали, что наиболее значимым факторами, влияющими на здоровье, являются усилия самого человека (44,8%) и качество получаемых медицинских услуг (36,2%), образование и воспитание человека (31,2%), семья (36,2%), очертив таким образом вес факторного влияния соответствующих институтов в первичном приближении на состояние здоровья (см. таблицу 1 и рис. 2).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, какие из перечисленных факторов оказывают наибольшее влияние на состояние здоровья человека?»
Distribution of answers to the question "In your opinion, which of the listed factors have the greatest impact on a person's health condition?"

Значения	Институты	Частота	%
Образование и воспитание человека	О	312	31,2
Государственный строй, реформы	П	212	21,2
Качество получаемых медицинских услуг	З	362	36,2
Материальные и бытовые условия	Э	228	22,8
Усилия самого человека	Л	448	44,8
Семья, её традиции и нормы	С	244	24,4

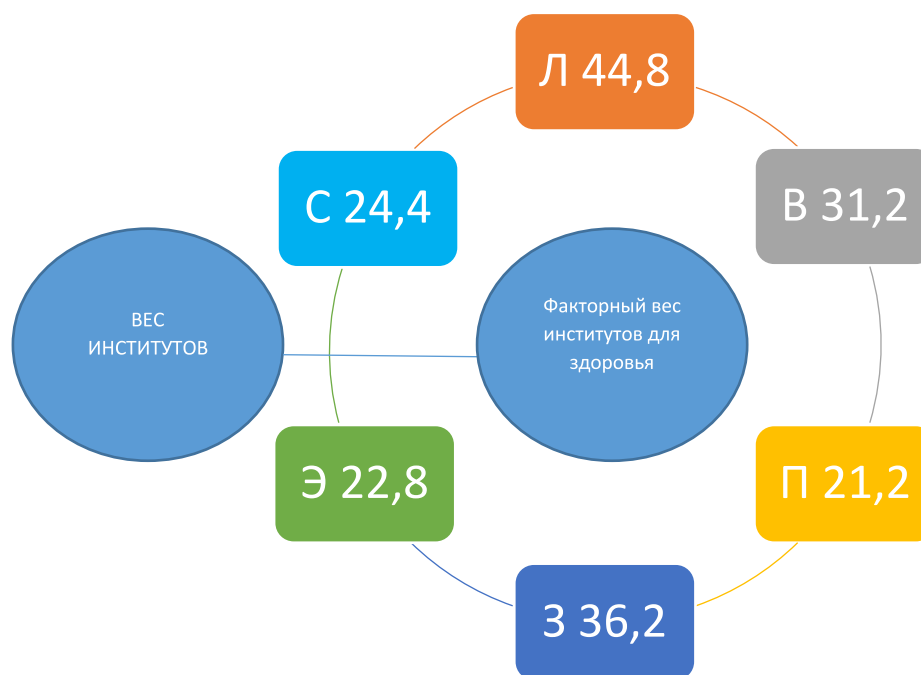

Рис. 2. Факторный вес социальных институтов для здоровья человека

Figure 2. Factor impact of social institutions on a person's health

В более ранних исследованиях нами была установлена роль стресса в жизни людей и его влияние на здоровье населения Центрального региона. Нам удалось составить «карту стресса» для Центрального региона России и сделать вывод о риске, в котором находится население данной территории. Сегодня мы можем распределить стрессовые факторы по социальным институтам, их продуцирующим.

Так, мы определили в более ранних исследованиях [Вангородская и др. 2019], что если распределить все стрессы по 5-ти уровням представленности в массах, согласно статистическим периодам, то финансовый стресс (50,2%) и стресс, связанный с ближайшим окружением (47,9%), состоянием здоровья близких (47,3%), работой (47,0%) и с потерей близких (43,0%) попадает на третий уровень; стрессы, связанные с семейными отношениями (38,6%) и состоянием собственного здоровья (38,1%) – на второй. Помимо представленности (частоты встречаемости стресса), были определены и наиболее значимые виды стрессов для здоровья населения. Так, наибольшее влияние на здоровье респонденты отводят стрессу от потери имущества, от бытовых проблем и потери близких людей.

После расчёта «стрессового веса» влияния на здоровье населения продуцируемых социальными институтами угроз, мы получили следующую картину распределения таких весов на 2019 г. (см. таблицу 2). Следует отметить, что несколько стрессов получили у нас бинарную индикаторику, т. к. находятся в зоне «ответственности» как минимум двух институтов.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы какой-либо из перечисленных стрессов, и влияют ли они на ваше здоровье?»

Distribution of answers to the question “Are you subject to any of the listed stress factors, and are they affecting your health?”

Подвопросы	Институт	Испытываю сейчас, %	Влияет на здоровье, %	Стрессовый вес, max 100 баллов* (2019 г.)
Финансовый стресс	Э	15,2	38,0	20,9
Стрессы, связанные с отношениями в семье	Л/С	13,0	52,5	20,1
Стрессы, связанные с кругом вашего общения, с ситуациями общения	Л/В	9,4	44,6	13,6
Стрессы, связанные с состоянием своего здоровьем	Л/З	23,2	42,8	33,1
Стрессы, связанные с политической ситуацией в нашей стране	П	8,6	9,2	9,4
Стрессы, связанные с состоянием здоровья друзей, коллег, знакомых	В/З	9,4	21,4	11,4
Стрессы, связанные с состоянием здоровья членов семьи и близких	С/З	19,3	36,2	26,2
Стрессы, связанные с работой	Л/Э	10,0	45,9	14,6
Стрессы, связанные с международной политической обстановкой	П	10,2	9,3	11,1
Стрессы, связанные с бытовыми проблемами	Э/С	13,9	62,7	22,6

Продолжение таблицы 2

Подвопросы	Институт	Испытываю сейчас, %	Влияет на здоровье, %	Стрессовый вес, max 100 баллов* (2019 г.)
Стрессы, связанные с потерей имущества, денег	Э	11,1	72,7	19,1
Стрессы, связанные с потерей близких людей	С	6,8	54,0	10,5
Стрессы, связанные с нашей системой образования	В	18,6	20,8	22,5
Стрессы, связанные с реформами и законодательством нашего государства	П	14,5	31,8	19,1
Стрессы, связанные с ситуацией в вашем регионе, районе	П	13,7	23,7	16,9
Стрессы, связанные с системой нашего здравоохранения, от взаимодействия с ней	З	10,9	33,2	14,5
Стрессы, связанные с культурными изменениями на территории вашего проживания	В	12,4	11,2	13,7

*Стрессовый вес рассчитывается как произведение от статистического указателя наличия стресса на данный момент, умноженный на коэффициент его значимости – приращение значимости, определяемое его влиянием на здоровье сверх единицы (например, коэффициент финансового стресса будет равен 1,355).

Суммировав стрессовые диспозиции институтов, мы получили их стрессовый потенциал на 2019 г. – актуальное состояние стрессового веса, в том числе и косвенную оценку состояния по отношению к результирующим характеристикам здоровья населения (см. рис. 3).

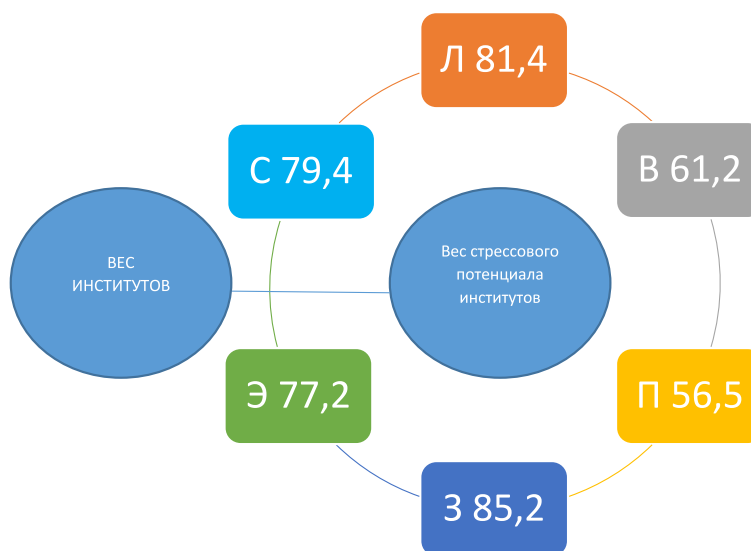

Рис. 3. Стрессовый вес социальных институтов для здоровья человека

Figure 3. Stressful impact of social institutions on a person's health

Согласно полученным рангам, самым большим стрессовым весом и влиянием обладает институт здравоохранения (85,2) – мы отнесли сюда и состояние здоровья субъектов, их близких и друзей, т. к. этот показатель неразрывно связан с системой здравоохранения. Следующим по значимости выступает собственно личность – её тревоги и переживания (81,4). В тройку лидеров входит институт семьи и брака – его влияние на здоровье с позиции продуцирования угроз составило 79,4. Наименьшее влияние мы видим со стороны политических институтов – менее всего население волнуют ситуации, связанные с политическими войнами, международными конфликтами и государственными реформами.

Определяя вес социальных институтов в установлении самосохранительных габитусов и ранги такого воздействия, следует отметить следующие факторы, занимающие ведущее место в рефлексии населения: традиции и уклад семьи родителей (54,7%), собственной семьи (39,7%), собственные решения и выбор (54,4%), ближний круг (34,6%) (см. таблицу 3). Таким образом, позитивное влияние обусловлено факторами первичной социализации и близкой коммуникации, собственными потенциями и ресурсами личности.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного и в какой мере повлияло на Ваше поведение и отношение к своему здоровью?»*

Distribution of answers to the question “which of the items listed and to what degree affected your behavior and attitude in regards to your own health?”

Варианты ответов	1	2	3	4	Индекс влияния	И
Менталитет и исторически сложившийся образ жизни моей нации	55,5	32,5	5,9	6,0	11,9	В
Государственная политика в области здравоохранения	41,7	40,0	6,8	11,4	18,2	З
Состояние системы и инфраструктуры здравоохранения на территории моего проживания	44,8	21,6	32,1	21,5	53,6	З
Уровень экономического развития и ресурсы моего региона (места моего проживания)	52,7	28,1	14,4	4,7	19,1	Э
Политика нашего государства	53,6	35,4	5,2	5,8	11,0	П
Государственная и муниципальная политика моей территории	55,1	24,7	13,4	6,7	20,1	П
Традиции и уклад семьи моих родителей	10,9	27,2	54,7	7,3	62,0	С
Традиции и уклад моей собственной семьи	19,8	33,9	39,7	6,6	56,3	С
Моя работа	20,9	49,4	21,0	8,8	29,8	Э
Моё окружение, друзья, знакомые (пример ценностей референтной группы – прим. авт.)	26,4	31,7	34,6	7,3	41,9	В
Конкретные, уважаемые мной личности	38,4	34,1	22,6	4,9	27,5	Л
Только я сам, мой выбор, мои решения	9,1	27,9	54,4	8,7	63,1	Л

*1 – абсолютно не повлияло; 2 – повлияло в средней степени (в ту или другую сторону); 3 – имело большое положительное влияние; 4 – имело большое отрицательное влияние

Отрицательное влияние этих факторов мало представлено в выборах и редко превышает 10% – наибольшее значение отмечено у внешних факторов состояния системы и инфраструктуры здравоохранения, а также государственной политики в области здравоохранения. Оба фактора относятся к социальному институту здравоохранения и формируют его преимущественно отрицательный вектор влияния на установки самосохранительного поведения, что обуславливает актуализацию личностных ресурсов для достижения результата в здоровьесбережении. Таким образом, мы имеем дело с ситуацией, когда большая часть работы по формированию самосохранительных установок должна быть проделана непосредственно самим человеком и его семьёй – значение внеинституциональной личности и института семьи в формировании периметра (под периметром понимаются границы действия, системы, структуры и т. д. – прим. авт.) габитусов самохранительного поведения подчёркивается нашими респондентами.

В суммированном варианте безвекторного максимального воздействия (сила и положительного, и отрицательного воздействия институтов без учёта знака такого воздействия) мы говорим об индексе влияния социальных институтов на габитус самосохранительного поведения (см. рис. 4). Как видим, «пальма первенства» в оформлении самосохранительных габитусов принадлежит однозначно семье и ближайшему окружению. В тройку лидеров такого влияния также входят внеинституциональная личность (90,6) и институт здравоохранения (71,8). Наименьший вес имеет политический институт (31,1).

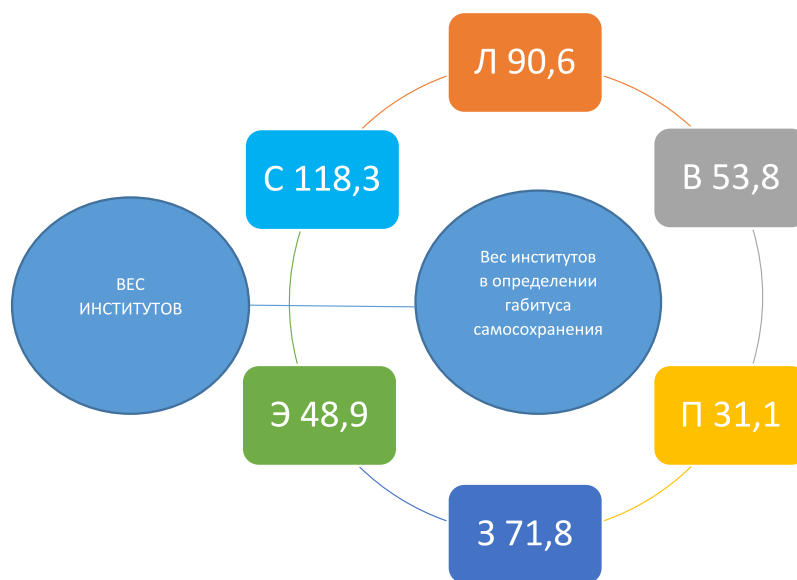

Рис. 4. Вес социальных институтов в определении габитусов самосохранительного поведения человека
Figure 4. The influence of social institutions on determining a person's self-preservation behavior habitus

Адресность прогнозируемых¹ изменений самосохранительных стратегий, т. е. зона (протяжённость) перспективы ближайшего действия, показывает, какой социальный институт может получить наибольшую или

¹ Прогноз осуществляется исследовательским коллективом и привязывается к конкретному институту – прим. авт.).

наименьшую нагрузку по реализации предполагаемых тактик и стратегий населения в поддержании собственного здоровья. Намерения по оздоровлению своего образа жизни респонденты из субъектов Центрального федерального округа сосредоточили преимущественно на соблюдении режима труда и отдыха (41,0%), своевременном обращении за медицинской помощью (37,4%) – институты здравоохранения и институты экономической сферы, и, конечно, отношение к своему здоровью и ответственность по отношению к нему населения; а также на консультациях у высококвалифицированного специалиста (39,5%) – институт здравоохранения и личное доверие к их квалификации (см. таблицу 4).

Примерно 1/3 опрошенных включили в свою «карту будущего» занятия физкультурой (32,3%) – институт внешней социализации (конечно, при участии личности) – (В); избегание переутомления (33,4%) – (Л), спокойную реакцию на стресс (30,3%) – (Л), повышение экологического состояния места проживания и гигиены труда (31,5–31,2%) – экономический институт (Э).

Таблица 4 (Table 4)

Распределение ответов на вопрос:
«Оцените Ваши намерения по оздоровлению своего образа жизни», %
Distribution of answers to the question
“evaluate your intent on leading a healthier lifestyle”, %

Подвопросы	Уже делаю	Буду делать	Не буду делать	Ещё не решил	Вес участия в изменении	И
Правильно питаться	42,0	27,7	17,5	12,7	69,7	Л/С
Больше двигаться	67,6	21,0	6,8	4,6	88,6	Л/С
Заниматься физическими упражнениями не менее 3 раз в неделю	43,5	32,3	15,5	8,7	75,8	Л/С
Соблюдать режим труда и отдыха	40,4	41,0	11,7	6,9	81,4	Л/Э
Не переутомляться	44,0	33,4	13,4	9,3	77,4	Л
Соблюдать правила личной гигиены	83,4	10,9	5,0	0,7	94,2	Л
Своевременно обращаться за медицинской помощью	42,8	37,4	11,0	8,8	80,2	Л/З
Сохранять спокойствие в трудных ситуациях	40,6	30,3	15,1	14,1	70,9	Л/С
Налаживать хорошие отношения с людьми	57,4	24,4	7,5	10,7	81,4	В
Сделать экологические условия своей жизни более благоприятными	44,5	31,5	7,0	17,0	76,0	В/Э
Избегать вредных условий труда	49,0	31,2	12,9	6,8	80,2	Э
Постараться стать более оптимистичным	63,1	19,4	6,2	11,3	82,5	Л/С
Не курить	70,0	12,7	12,4	4,9	82,7	Л
Ограничить потребление алкоголя	66,7	18,9	8,2	6,1	85,6	Л
Не употреблять алкоголь совсем	56,3	12,5	15,3	15,9	68,8	Л
Регулярно проходить диагностику состояния организма	35,2	30,4	15,4	19,0	65,6	З

Продолжение таблицы 4

Проконсультироваться о здоровье у квалифицированного специалиста	36,6	39,5	12,7	11,3	76,1	З
Сократить время просмотра телепередач	44,2	26,6	17,5	11,6	70,8	Л/С
Следить за своим весом	63,7	15,6	12,8	7,9	79,3	Л

Многое из перечисленного респонденты делают уже сейчас. Лидерами самосохранительных практик можно считать: соблюдение правил личной гигиены (83,4%), отказ от курения (70,0%), двигательную активность (67,3%) и ограничения по употреблению алкоголя (66,4%). Мы видим, что и предполагаемые, и реальные действия не укладываются в рамки политического института, а, как правило, разворачиваются в пределах микроуровня (работа с микрофакторами). Здесь наибольшую нагрузку получает сам субъект – от его усилий зависит получение или неполучение самосохранительного результата и эффекта. Но одновременно, опираясь на психологические основы изучения данного вопроса, можно утверждать, что такие личностные изменения связаны прежде всего с активным участием в них ближнего окружения, семьи. Если рассмотреть ранги участия в будущих и настоящих самосохранительных изменениях институтов на микроуровне, мы увидим, что первым здесь будет считаться институт семьи (совместно с личностным участием), вторыми по значимости становятся экономические институты (локализованные в области трудовых функций индивида), третьими обозначены институты здравоохранения (см. рис. 5). Такая иерархия предполагает в том числе и трансляцию данных результатов через проектные и программные формы: например, семейного оздоровительного досуга (институт семьи), программ оздоровления трудового коллектива (экономические институты), проектов и программ превентивного и перспективного здоровьесбережения со стороны институтов здравоохранения.

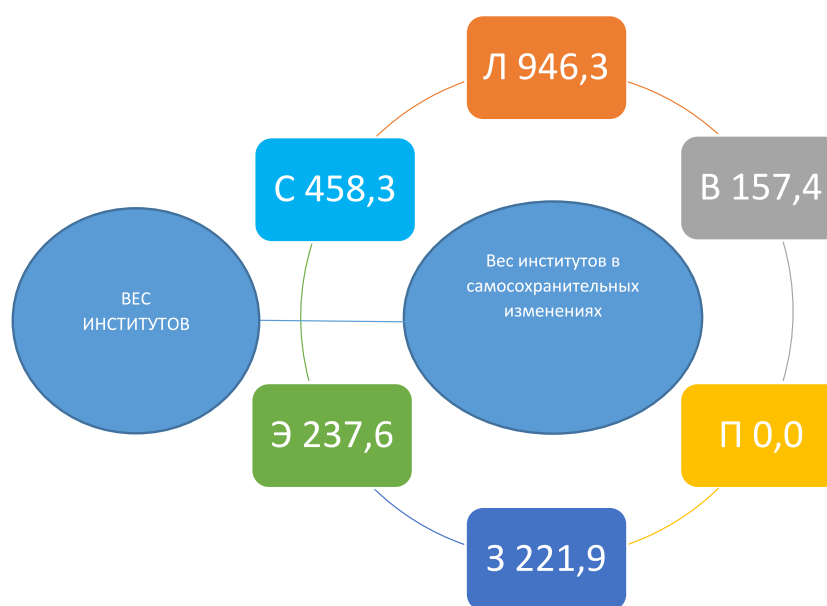

Рис. 5. Вес социальных институтов в самосохранительных изменениях поведения человека

Figure 5. The influence of social institutions on self-preservation shifts in a person's behavior

Барьерная функция институтов определяется институциональными причинами, мешающими вести здоровый образ жизни нашим гражданам. Так, наиболее весомыми причинами, по мнению опрошенных респондентов, стали загруженность работой и учёбой (61,4%), собственная лень и неорганизованность (59,1%), нежелание менять свой образ жизни (52,8%), что обусловлено личной ответственностью и проактивностью в отношении собственного здоровья (Л); отсутствие свободного времени (50,1%) и материальных возможностей (41,7%) – (Э) (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Распределение ответов на вопрос:
«Что мешает Вам вести более здоровый образ жизни?», %
Distribution of answers to the question
“what stops you from leading a healthier lifestyle?” %

Подвопросы	Мешает	Не мешает	И
Отсутствие свободного времени	50,1	6,6	Э
Возраст	31,6	74,4	Л
Отсутствие материальных возможностей	41,7	63,4	Э
Плохие жилищные условия	22,4	84,3	Э
Занятость семьёй и детьми	31,9	73,4	С
Загруженность работой / учёбой	61,4	45,3	В/Э
Отсутствие необходимой информации по вопросам ЗОЖ	14,8	91,9	З
Нежелание / неготовность менять привычный образ жизни	52,8	53,9	Л
Общая обстановка в стране	17,3	89,4	П
Общая обстановка в городе / районе, где я живу	25,2	81,5	П
Отсутствие связей	17,5	89,2	В
Отсутствие необходимого образования / умений и навыков	19,7	85,4	В
Отсутствие единомышленников	30,2	74,9	В
Отсутствие поддержки со стороны окружающих	29,9	75,2	В
Собственная лень, неорганизованность	59,1	46,0	Л
Я не верю, что могу своими силами что-то изменить	35,4	69,7	Л/С

Взвешивание институциональных барьеров показало, что наряду с личностными факторами большое значение имеет внешняя среда социализации – социальный капитал индивида, наличие соответствующего образования, информации, свободного времени. В тройку институциональных барьеров также отнесены продуцируемые экономическими институтами и институтом семьи. Преодоление барьеров, связанных с социальным и экономическим ресурсом, мог бы взять на себя и институт здравоохранения (см. рис. 6).

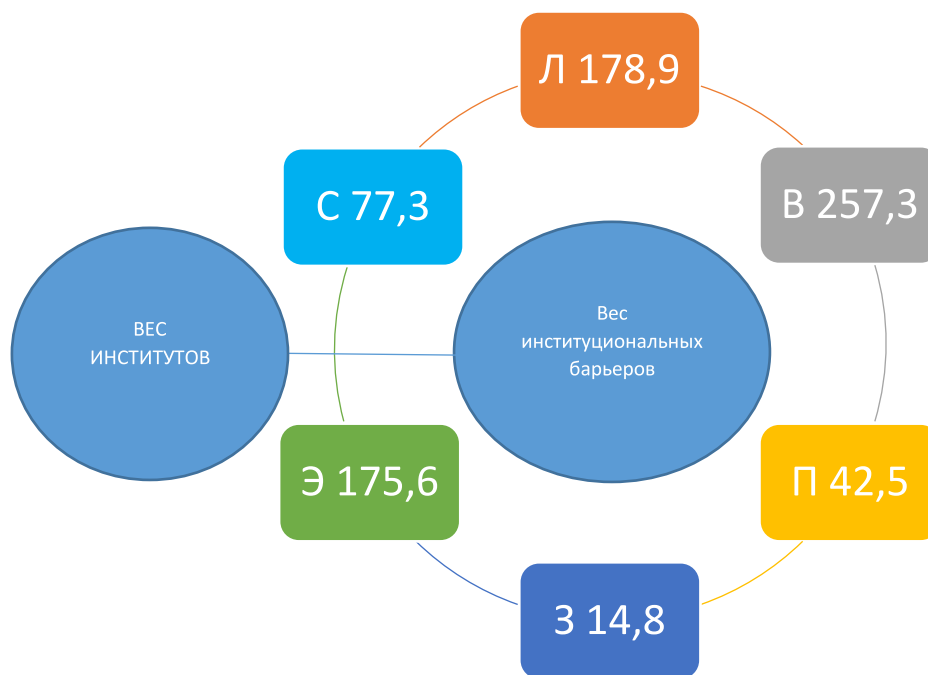

Рис. 6. Вес институциональных барьеров для формирования оптимальных моделей самоохрнительного поведения человека

Figure 6. The influence of institutional barriers on developing optimal models of self-preservation behavior

Участие социальных институтов в пропаганде здорового образа жизни, по мнению россиян, в основном представлено через институт семьи и брака (97,0%). Значимы, по их мнению, и внешнее окружение (53,4%), и школа (55,9%). Отдельно стоит подчеркнуть значение современных СМИ – их роль осознают как значительную 50,4% респондентов (СМИ также относятся к институтам внешней социализации). Наименьшая роль принадлежит учреждениям здравоохранения и государству, которые представляют социальные институты здравоохранения и политики (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Распределение ответов на вопрос: «Какова, на Ваш взгляд, роль перечисленных ниже институтов в пропаганде здорового образа жизни?», %
Distribution of answers to the question “in your opinion, what role in propagating a healthy lifestyle is played by the institutions listed below?”

Подвопросы	Значительная	Незначительная	Затрудняюсь ответить
Семья	97,0	3,6	5,3
Внешнее окружение (референтные группы)	53,4	39,4	13,1
Школа	55,9	28,3	21,7
Высшие учебные заведения	42,7	37,8	25,4
Учреждения системы здравоохранения	38,5	43,9	23,5
Государство	39,4	40,3	26,2
СМИ	50,4	37,2	12,4

Институциональные факторы, преимущественно способствующие увеличению продолжительности жизни, были распределены следующим образом: здоровый образ жизни (95,7%), хорошее здоровье (95,5%), отказ от вредных привычек (94,2%), отсутствие стрессов (93,0%), доступная медицина (92,7%), качественное питание (92,2%), активный образ жизни (92,2%), полноценный отдых (89,3%), экологическое состояние среды проживания (88,6%), высокий уровень жизни (84,3%), обстановка в семье (83,5%) (см. таблицу 7). Как видим, в пятёрку лидеров россияне определили факторы, продуцируемые самим человеком – т. е. осознание собственной ответственности и собственных потенций по сохранению и продлению жизни может и должно стать верным средством по увеличению её продолжительности. Но одновременно с этим каждый социальный институт получил свой вес в обеспечении продолжительности жизни.

Таблица 7 (Table 7)

Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, в принципе способствует увеличению продолжительности жизни людей?», %
*Distribution of answers to the question
 “in your opinion, what generally stimulates an increase in life expectancy?”*

Подвопросы	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	И
Высокий уровень жизни людей	84,3	5,0	14,4	Э
Спокойная жизнь, отсутствие стрессов	93,0	6,4	7,3	С
Здоровый образ жизни	95,7	2,8	6,6	С/Л
Правильное качественное питание	92,2	7,0	5,2	С/Л
Доступная медицина и лекарства	92,7	8,1	5,9	З
Благоприятная экологическая обстановка	88,6	9,2	7,3	Э
Социальная политика, забота государства	70,0	17,8	17,3	П
Хорошее здоровье, забота о своём здоровье	95,5	2,8	6,8	Л
Активный образ жизни, занятия спортом	92,2	6,3	6,6	С/Л
Отказ от вредных привычек	94,2	4,3	6,6	С/Л
Наличие работы	53,3	33,7	18,1	Э
Оптимизм, душевное равновесие	80,9	11,2	13,0	Л
Хорошие условия труда	78,8	13,8	12,5	Э
Развитие экономики страны	51,8	28,8	24,5	Э
Хороший, полноценный отдых	89,3	8,5	7,3	Э
Стабильность в стране	56,4	25,3	23,4	П
Культура населения	48,6	29,5	26,3	В
Отсутствие жилищных и бытовых проблем	77,4	9,9	17,8	Э
Хорошая обстановка в семье	83,5	7,0	13,8	С

Суммирование весов институциональных факторов в обеспечении продолжительности жизни показывает приоритет личности, влияние экономических институтов и института семьи. В меньшинстве здесь остаются институты здоровья и внешней социализации индивида (см. рис. 7).

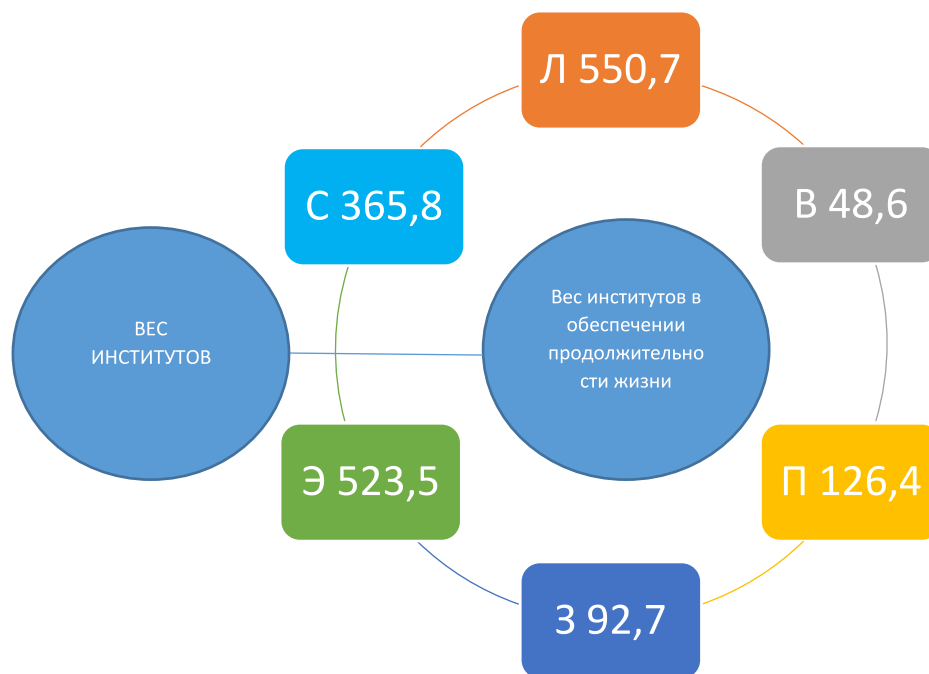

Рис. 7. Вес институтов в обеспечении продолжительности жизни человека

Figure 7. The impact of institutions on ensuring a person's longevity

Причиной низкой продолжительности жизни населения страны 31,5% респондентов называют низкий уровень жизни (Э и П), 30,4% видят её в неправильном образе жизни и вредных привычках (Л). Немаловажными считают также некачественное медицинское обслуживание (27,3% – З), экологическое состояние (25,8% – Э), безответственность людей (25,6% – Л) (см. таблицу 8).

Таблица 8 (Table 8)

Распределение ответов на вопрос: «Каковы, на Ваш взгляд, основные причины низкой продолжительности жизни людей в России?»
Distribution of answers to the question "in your opinion, what are the main reasons for low life expectancy among Russian people?"

Значения	%
Неблагоприятная экологическая обстановка	25,8
Плохая социальная политика, отсутствие заботы государства о людях	12,5
Постоянный стресс, вызванный условиями жизни в России	15,8
Нестабильная обстановка в стране, отсутствие законности и порядка	13,8
Низкий уровень жизни населения, низкие зарплаты, пенсии	31,5
Некачественное медицинское обслуживание, платная медицина	27,3
Некачественные, дорогие лекарства	13,4

Продолжение таблицы 8

Безалаберное, безответственное отношение людей к своему здоровью	25,6
Отсутствие пропаганды здорового образа жизни в средствах массовой информации	0,7
Плохое качество продуктов питания	15,8
Бытовая неустроенность, жилищные проблемы	11,2
Тяжёлые условия труда, вредное производство	13,8
Отсутствие у россиян традиции заботиться о своём здоровье	8,9
Неправильный образ жизни населения, наличие вредных привычек	30,4
Затрудняюсь ответить	4,1

По итогу построенных весовых схем воздействия социальных институтов на формирование моделей самосохранительного поведения приведём все весовые значения к одной системе, отражая их доленое участие по каждому «плечу» весов (сумма институциональных факторов и значений по каждому «плечу» берётся как сумма всех выборов: например, сумма всех выборов составила 457 единиц, она и принимается за единицу веса, доленое участие каждого института рассчитывается в соответствующей пропорциональности) (см. таблицу 9).

Таблица 9 (Table 9)

Вес социальных институтов в составляющих формирования самосохранительных моделей населения

The impact of social institutions on the components which shape the population's self-preservation models

Институт	Факторный вес институтов для здоровья	Вес стрессового потенциала институтов	Вес институтов в определении габитуса самосохранения	Вес институтов в самосохранительных изменениях	Вес институциональных барьеров	Вес институтов в обеспечении продолжительности жизни	Суммарный вес институтов	Весовая доля институтов
Внеинституциональная личность	0,25	0,18	0,22	0,47	0,24	0,32	1,68	0,28
Институт семьи и брака	0,14	0,18	0,29	0,23	0,1	0,21	1,15	0,19
Экономические институты	0,12	0,18	0,12	0,12	0,24	0,31	1,09	0,18
Институты внешней социализации	0,17	0,14	0,13	0,07	0,35	0,04	0,9	0,15
Институт здравоохранения	0,2	0,19	0,17	0,11	0,02	0,05	0,74	0,12
Политические институты	0,12	0,13	0,07	0	0,05	0,07	0,44	0,07

Рассчитав весовую долю каждого института в формировании моделей самосохранительного поведения, мы видим, что, если исключить внеинституциональную личность, наибольший вес получает институт семьи и брака (см. рис. 8).

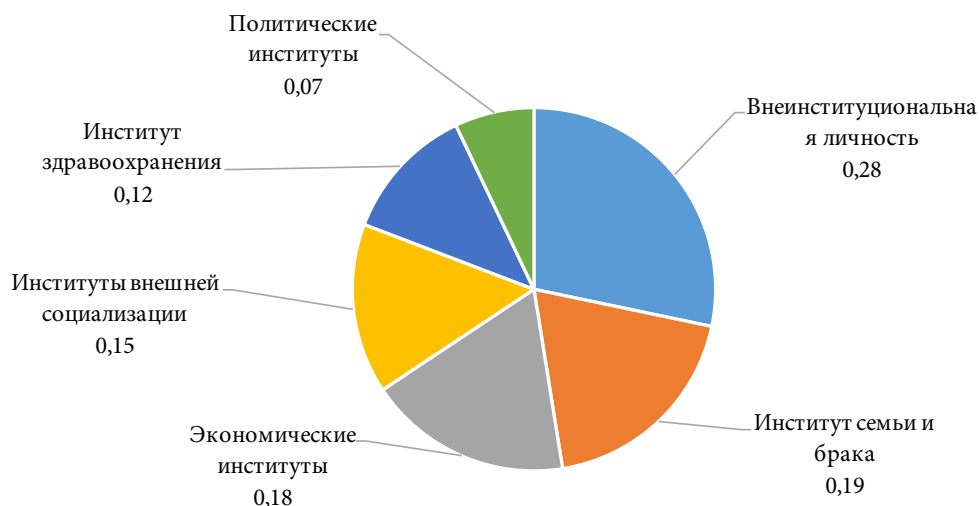

Рис. 8. Вес социальных институтов в формировании самосохранительных моделей поведения населения

Figure 8. The impact of social institutions on shaping the population's self-preservation behavior models

Наряду с ним с разницей в 0,01 идут экономические институты. Институты внешней социализации, имея значительный вес, замыкают тройку институциональных лидеров влияния. Наименее значим политический институт, несмотря на существующее мнение о важности распределения приоритетов именно в политических манёврах и стратегиях.

Заключение

Подводя итог сводному анализу деятельности социальных институтов по формированию существующих в настоящее время моделей самосохранительного поведения, мы прежде всего говорим о том, что системное восприятие этой деятельности отражается в неких ключевых показателях, которые были определены нами в виде «весовых плечей». Такая диагностическая модель позволила подобрать соответствующие индикаторы, использовать формат открытых и полузакрытых вопросов для получения максимального спектра факторного воздействия социальных институтов на здоровье и самосохранительное поведение населения Центрального округа.

Для установления системности в восприятии заданных вопросов были введены индикаторы и внеинституциональной личности, позволившие увидеть и «взвесить» личностный фактор, роль индивида, его внутренних ресурсов и потенциалов в формировании самосохранительных моделей. В рамках исследования была подтверждена рабочая гипотеза – личность имеет суммарное преимущество в формировании таких моделей перед любым социальным институтом.

Несмотря на подтверждение гипотезы, каждое «весовое плечо» дало нетривиальные конфигурации распределения значимости воздействующих групп институциональных факторов. Так, в факторном весе институтов для здоровья населения респонденты подчеркнули приоритет личности, а в оценке стрессового потенциала ведущим стал институт здравоохранения.

На наш взгляд, очень значимы показатели, полученные при замере веса институтов в определении габитусов самосохранения населения. Символично, что в этой позиции наиболее значим институт семьи и брака как «депо» формирования первичных установок, нормативного кодекса и периметра принятия решений.

Роль в будущих и настоящих изменениях самосохранительного поведения отведена в значительной степени личности – большой разрыв долевого участия институтов в этом показателе, на наш взгляд, даёт оптимистичный прогноз: в ментальных моделях населения Центрального федерального округа начинает явственно превалировать внутренний локус контроля (личная ответственность индивида, выход на проактивную, самоорганизующуюся позицию поведения, на «самосохранительное» мышление).

Наибольший институциональный барьер, скрытый в деятельности институтов внешней социализации, даёт векторно-отрицательное значение внешнего окружения, институтов образования и воспитания в аспекте формирования самосохранительных моделей поведения.

И, наконец, вес социальных институтов в определении продолжительности жизни и влиянии на её качество определил приоритет в области экономических институтов (не считая самой личности), подтвердив важность работы в направлении обеспечения достойного уровня жизни, равных возможностей, динамики в преодолении социальных угроз, нейтрализации рисков и т. д., что особенно важно в соединении с усилиями самой личности, её проактивностью и ответственностью в вопросе поддержания и сохранения своего здоровья.

Таким образом, в суммарном весе основными факторами, определяющими будущие самосохранительные стратегии, становятся личность и институт семьи, но все диагностические этапы выявили каузальную значимость в вопросах самосохранения каждого институционального субъекта. Исследование показало фактическую неразрывность ряда факторов, их взаимосвязь и «институциональное взаимопроникновение», что позволяет сделать вывод о необходимости сконцентрировать усилия на создании условий для институциональных коллабораций, а также поддержки личности и института семьи в вопросе формирования самосохранительных моделей поведения населения.

Библиографический список

Алимшиева А. В. 2010. О роли института образования в охране здоровья и формировании самосохранительного поведения детей и молодежи // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 5. С. 39–44.

Алимпиева А. В. 2013. Проблемы самосохранительной социализации детей в дошкольных образовательных учреждениях // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 5. С. 70–76.

Алимпиева А. В., Прасова Е. А. 2011. Самосохранительное поведение подрастающего поколения: динамика в процессе образования // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. Т. 6. № 1. С. 328–336.

Андриянова Е. А., Позднова Ю. А. 2013. Стратегии взаимодействия населения с учреждениями амбулаторно-поликлинической помощи // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ»: реабилитация, врач и здоровье. № 1 (9). С. 44–48.

Антонов Г. В. 2013. Демографические установки населения как объект государственной демографической политики // Власть. № 9. С. 149–153.

Борлакова Л. М. 2017. Роль совместной деятельности семьи и школы в развитии культуры здоровья школьников // Современный ученый. Т. 1. № 1. С. 176–178.

Бородулина С. В. 2018. Ценность здоровья в структуре социальной идентичности молодежи // Интеграция науки и практики в современных условиях: Сборник научных трудов; / Науч. ред. А. Х. Цечоева. М.: Перо. С. 75–79.

Вангородская С. А. 2019. Семья как детерминанта самосохранительного поведения россиян // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. М.: Экон-Информ. С. 41–44.

Вангородская С. А., Шаповалова И. С., Кисиленко А. В. 2019. Риски и тренды самосохранительного поведения: монография. Белгород: ООО «ЭПИЦЕНТР». 194 с.

Варламова С. Н. 2009. Воздействие мер государственной политики на репродуктивные установки и самосохранительное поведение россиян // Социальная политика и социология. № 11–2 (53). С. 98–109.

Верещагина А. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. 2015. Проблемы формирования здоровья российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности: социологический дискурс // Национальное здоровье. № 1. С. 53–61.

Воронов Н. А. 2018. Роль института семьи при первичной социализации в сфере здоровья // Центральный научный вестник. Т. 3. № 13 (54). С. 28–29.

Вялых Н. А. 2016. Модели социального поведения в российском обществе в сфере здравоохранения // Социально-гуманитарные знания. № 7. С. 83–91.

Гамова И. В., Присяжнюк Д. И. 2015. Практики самосохранительного поведения как приоритет государственной политики здравоохранения // Вестник Поволжского института управления. № 6 (51). С. 136–143.

Гольман Е. А. 2014. Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4. С. 509–522.

Ефименко С. А. 2007. Социология пациента: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Волгоградский государственный медицинский университет. М. 49 с.

Иванова А. Е. 2013. Потребность населения в долголетию и степень ее реализации // Социологические исследования. № 2 (346). С. 120–129.

Игошев М. В. 2013. Самосохранительное поведение, риски здоровья и трудовая активность населения // Экономика и предпринимательство. № 9 (38). С. 670–673.

Кашуркина С. С. 2009. Жизненные ресурсы среды и стратегии самосохранительного поведения молодежи в условиях общества риска // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 4. С. 2.

Козин А. М. 2009. Интерпретация системообразующих детерминант в здоровьесберегающем образовательном пространстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. № 38 (171). С. 58–65.

Козырева П. М., Смирнов А. И. 2016. Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся. № 14. С. 133–171.

Короткова О. В., Пугачёва Н. Б. 2011. Здоровьеформирующее образование: опыт, проблемы, прогнозы // Сборники конференций НИЦ Социосфера. № 18. С. 109–125.

Кузьмич О. С. 2008. Влияние здоровья работника на заработки и занятость на российском рынке труда: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М.: ГУ ВШЭ. 25 с.

Лебедева-Несевря Н. А. 2010. Социальные факторы риска здоровью как объект управления // Вестник Пермского университета. Серия: Биология. № 3. С. 36–41.

Лебедева-Несевря Н. А., Елисеева С. Ю. 2018. Социальный капитал как фактор формирования здоровья населения: аналитический обзор // Анализ риска здоровью. № 3. С. 156–164.

Липанова Л. Л., Насыбуллина Г. М., Короткова М. О. 2013. Роль семьи и общеобразовательных учреждений в укреплении здоровья и формировании образа жизни детей и подростков // Бюллетень Восточно-Сибирского научного центра СО РАМН. № 3–1 (91). С. 85–90.

Маджуга А. Г., Сеницина И. А. 2014. Здоровьесозидающая педагогика: теория, методология, опыт, перспективы развития: монография. М.: Логос. 507 с.

Моисеева Д. Ю., Троицкая И. А. 2019. Социально-экономические детерминанты здоровья // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 5. № 3 (19). С. 42–59.

Мосейко Е. Е. 2013. Формирование институциональной структуры воспроизводства капитала здоровья в современной России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. Волгогр. гос. ун-т. Волгоград. 27 с.

Назарова И. Б. 2007. Здоровье и самосохранительное поведение занятого населения России: автореф. дис. ... д-ра эконом. наук. М.: ИСЭПН РАН. 37 с.

Павлов Б. С. 2008. Семья и самосохранительное поведение молодежи // Экономика региона. № 52. С. 109–122.

Петрова Е. А. 2014. Трансформация российского здравоохранения: взаимосвязь макро- и микроуровней: дис. ... канд. социол. наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону. 36 с.

Потанина Ю. А. 2014. Самосохранительное поведение пожилых людей: методические принципы для разработки государственной политики // Актуальные вопросы современной науки. № 4. С. 64–66.

Симаева И. Н., Алимбиева А. В. 2019. Охрана здоровья и образование: институциональный подход. 2-е изд. Калининград: Балтийский федеральный университета. 298 с.

Синьковская И. Г. 2018. Самосохранительное поведение малоимущих неполных семей относительно социальных рисков // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: коллективная монография. Ульяновск: Зебра. С. 308–332.

Скоробогатов А. С. 2010. Зависимость между человеческим капиталом и самосохранительным поведением // Terra Economicus. Т. 8. № 4. С. 20–36.

Стоянова Л. В. 2008. Институт здравоохранения в новой системе координат и стратегии индивидуального здоровья // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. Т. 13. № 3. С. 97–105.

Сюпова М. С., Халикова С. С. 2014. Влияние институциональной среды региона на формирование ценности здоровья студентов // Ученые заметки ТОГУ. Т. 5. № 4. С. 135–139.

Терешонок Т. А. 2017. Самосохранительное поведение россиян как социальный ресурс экономики общества // Современное состояние российской экономики: задачи и перспективы: сборник материалов Всероссийской студенческой конференции, Москва, 19–21 мая 2017 г. М.: Финансовый университет при Правительстве РФ. С. 748–752.

Тюмасева З. И., Орехова И. Л. 2019. Семейная среда как средство сохранения, укрепления здоровья обучающихся и формирования самосохранительного поведения // Вестник Мининского университета. Т. 7. № 3 (28). С. 5.

Хорошилова Е. Ю. 2017. Роль социально-экономического статуса и дохода семьи в формировании здоровья // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 23 апр. 2017 г. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». С. 63–67.

Цибульникова В. Е., Верейкина С. Н. 2016. Роль семьи и школы в формировании ценности социального здоровья личности // Перспективы развития отечественного образования: приоритеты и решения: сборник статей восьмых Всероссийских Шамовских педагогических чтений научной школы Управления образовательными системами. Москва, 22 января 2016 г. / Отв. ред. С. Г. Воровщиков, О. А. Шклярова. М.: Изд. «5 за знания» С. 205–208.

Шангараева Г. Р. 2016. Роль семьи в охране и укреплении здоровья населения // NovaInfo.Ru. Т. 1. № 44. С. 310–313.

Шилова Л. С. 2012. Российские пациенты в условиях модернизации здравоохранения. Стратегии поведения. Saarbrücken: LAMBERT Academic Publishing. 143 с.

Шклярчук В. Я. 2013. Формирование самосохранительного поведения в условиях перехода России к расширенному воспроизводству населения: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов: СГСЭУ. 36 с.

Яковлева И. А. 2014. Роль семьи в формировании культуры здоровья // Управление социально-экономическим развитием регионов: проблемы и пути их решения: сборник научных статей IV-й Международной научно-практической конференции, 30 июня 2014 г. / Отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Юго-Западный гос. ун-т. С. 272–274.

Статья поступила: 28.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодёжью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ БелГУ), Белгород, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.628

The Role of Social Institutions in Developing Self-Preservation Behavior Among the Population

Inna S. Shapovalova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: inna-shapov@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-2855-8968

For citation: Shapovalova, I. S. The role of social institutions in developing self-preservation behavior among the population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 84–110. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.628

Abstract. This article analyzes the population's self-preservation behavior based on the example of residents of Russia's Central Federal District. It is shown that self-preservation is a critical component when it comes to defining a country's demographical configuration and social development forecast model. Self-preservation and its effects turn out to be a response to consequences of social policy and the overall dynamics of life quality indexes, while shaping generational varieties of chronotopes. Self-preservation trajectories and strategies evolve as a result of socialization assisted by primary social institutions. This article presents the results of studying the population's self-preservation behavior models and the institutional factors which affect their development, while emphasizing the role of social institutions in shaping the people's attitudes in regards to their own health. The influence of primary social institutions

such as family and marriage, economic and political institutions, external socialization and the healthcare system on a person's self-preservation attitudes is subject to analysis. Institutional influence is evaluated from a health condition and total life expectancy standpoint, while examining the effect institutions have on establishing self-preservation habitus and strategies, the significance of institutional barriers and the stressful impact that institutions have on the population. The empirical models used were based on studies conducted by the International Sociological Research Center at the Belgorod State National Research University in the Central Federal District in 2019. The results of those studies allowed for defining the role of social institutions within each index of the "importance model". It was found that institutional impact plays a minimal role in terms of the people's health status and solutions for modifying their attitudes towards the matter, while total life expectancy is determined primarily by economic institutions. Self-preservation behavior habitus is shaped through the institution of family and marriage. The study revealed a negative influence on self-preservation behavior through the institutional barriers of external socialization institutions. The healthcare system bore the greatest stress potential. The study can be concluded by saying that the population of the Central Federal District is prepared to assume personal responsibility for their health, and by pointing out a lack of any substantial dependence on institutions: when it comes to the people's evaluation of their own self-preservation strategies, the role of an individual not bound by institutions, together with the institution of family and marriage, dominates in terms of the intrinsic impact of the roles of all social subjects.

Keywords: digital career capital, digital means of labor, digital competencies, workers, employers, labor market, vacancies serving behavior, health, self-preserving attitudes, personality, life expectancy

References

Alimpieva A. V. Problems of self-preserving socialization of children in preschool educational institutions. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni Immanuila Kanta = Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2013: (5): 70–76 (In Russ.).

Alimpieva A. V. On the role of the institute of education in protecting health and shaping the self-preservation behavior of children and youth. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni Immanuila Kanta = Bulletin of the I. Kant Baltic Federal University. Series: Philology, pedagogy, psychology*, 2010: 5: 39–44 (In Russ.).

Alimpieva A. V., Prasova E. A. Self-preserving behavior of the younger generation: dynamics in the process of education. *Zdorov'e – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya = Health – the basis of human potential: problems and solutions*, 2011: 6 (1): 328–336 (In Russ.).

Andriyanova E. A., Pozdnova Y. A. Strategies for the interaction of the population with outpatient care institutions. *Vestnik meditsinskogo instituta «REAVIZ»: rehabilitatsiya, vrach i zdorov'e = Bulletin of the REAVIZ Medical Institute: rehabilitation, doctor and health*, 2013: 1 (9): 44–48 (In Russ.).

Antonov G. V. Demographic attitudes of the population as an object of state demographic policy. *Vlast' = Power*, 2013: 9: 149–153 (In Russ.).

Borlakova L. M. The role of family and school joint activities in the development of a schoolchildren's health culture. *Sovremennyyi uchenyi = Modern Scientist*, 2017: 1 (1): 176–178 (In Russ.).

Borodulina S. V. Health value in the structure of youth social identity. In: *Integratsiya nauki i praktiki v sovremennykh usloviyakh = Integration of science and practice in modern conditions*. Ed. by A. Kh. Tsechoeva. Moscow, Pero, 2018: 75–79 (In Russ.).

Efimenko S.A. *Sociology of the patient: author. dis. ... dr. soc. sciences*. Volgograd, Volgograd State Medical University, 2007: 49 (In Russ.).

Gamova I. V., Prisiazhnyuk D. I. The practice of self-preserving behavior as a priority of public health policy. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Institute of Management*, 2015: 6: 136–143 (In Russ.).

Golman E. A. A new understanding of health in politics and everyday life: the origins, current directions of problematization. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = Journal of Social Policy Studies*, 2014: 12 (4): 509–522 (In Russ.).

Igoshev M. V. Self-preserving behavior, health risks and labor activity of the population. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and Entrepreneurship*, 2013: 9: 670–673 (In Russ.).

Ivanova A.E. The need of the population for longevity and the degree of its implementation. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*, 2013: 2: 120–129 (In Russ.).

Kashurkina S. S. Vital resources of the environment and strategies for youth self-preservation behavior in a risk society. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts, 2009: 4: 2 (In Russ.).

Khoroshilova E. Y. The role of socio-economic status and family income in shaping health. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: perspektivy razvitiya* = The working papers. Cheboksary: Interactive Plus, 2017: 63–67 (In Russ.).

Korotkova O. V., Pugacheva N. B. Health-forming education: experience, problems, forecasts. *Sbornik konferentsii SRC Sotsiosfera* = Conference SRC Sociosphere working papers, 2011: 18: 109–25 (In Russ.).

Kozin A. M. Interpretation of system-forming determinants in a health-saving educational space. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences, 2009: 38: 58–65 (In Russ.).

Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Features and trends in the adaptation of Russians to changing conditions in the post-Soviet period. *Rossiya reformiruyushchayasya* = Russia Reforming. Vol. 14. Moscow, IS RAS publ., 2016: 133–171 (In Russ.).

Kuzmich O. S. The influence of employee health on earnings and employment in the Russian labor market: abstract. dis. ... cand. economy sciences. Moscow, SU HSE publ., 2008: 25 (In Russ.).

Lebedeva-Nessevrya N. A. Social factors of health risk as an object of management. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Biologiya* = Bulletin of Perm University. Series: Biology, 2010: 3: 36–41 (In Russ.).

Lebedeva-Nessevrya N. A., Eliseeva S. Y. Social capital as a factor in the formation of public health: an analytical review. *Analiz riska zdorov'yu* = Health risk analysis, 2018: 3: 156–164 (In Russ.).

Lipanova L. L., Nasybulina G. M., Korotkova M. O. The role of family and educational institutions in promoting health and shaping the lifestyle of children and adolescents. *Biulleten' Vostochno-Sibirskogo nauchnogo tsentra SO RAMN* = Bulletin of the East Siberian Scientific Center SB RAMS, 2013: 3–1: 85–90 (In Russ.).

Madzhuga A. G., Sinitsina I. A. Health-building pedagogy: theory, methodology, experience, development prospects. Moscow, Logos, 2014: 507 (In Russ.).

Moiseeva D. Y., Troitskaya I. A. Socio-economic determinants of health. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* = Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies, 2019: 5 (3): 42–59 (In Russ.).

Moseiko E. E. Formation of the institutional structure of the reproduction of health capital in modern Russia: author. dis. cand. economy sciences. Volgograd, Volgograd state univ. publ., 2013: 27 (In Russ.).

Nazarova I. B. Health and self-preserving behavior of the employed population of Russia: author. dis. dr. econom. sciences. Moscow, ISESP RAS publ., 2007: 37 (In Russ.).

Pavlov B. S. Family and self-preserving behavior of youth. *Ekonomika regiona* = Economy of the region, 2008: 52: 109–122 (In Russ.).

Petrova E. A. Transformation of Russian healthcare: the relationship of macro and micro levels: dis. cand. sociol. sciences. Rostov-on-Don, Southern Federal University publ., 2014: 36 (In Russ.).

Potanina Y. A. Self-preserving behavior of older people: methodological principles for the development of public policy. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* = Actual problems of modern science, 2014: 4: 64–66 (In Russ.).

Shangaraeva G. R. The role of the family in protecting and strengthening public health. *NovaInfo.Ru*, 2016: 1 (44): 310–313 (In Russ.).

Shilova L. S. Russian patients in the context of healthcare modernization. Behavioral strategies. Saarbrücken, LAP publ., 2012: 143 (In Russ.).

Shklyaruk V. Y. The formation of self-preserving behavior in the context of Russia's transition to expanded reproduction of the population: author. dis. dr. sociol. sciences. Saratov, SSESU publ., 2013: 36 (In Russ.).

Simaeva I. N., Alimpieva A. V. Health and education: an institutional approach. Kaliningrad, Baltic Federal University publ., 2019: 298 (In Russ.).

Sinkovskaya I. G. Self-preserving behavior of poor single-parent families regarding social risks. *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie, filosofskie, ekonomicheskie i yuridicheskie problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva* = Actual psychological, pedagogical, philosophical, economic and legal problems of modern Russian society. Ulianovsk: Zebra, 2018: 308–332 (In Russ.).

Skorobogatov A. S. The relationship between human capital and self-preserving behavior. *Terra Economicus*, 2010: 8 (4): 20–36 (In Russ.).

Stoyanova L. V. The Institute of Health in the new coordinate system and individual health strategy. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya ta politichni nauki = Bulletin of Odessa National University. Sociology and political science*, 2008: 13 (3): 97–105 (In Russ.).

Syupova M. S., Halikova S. S. The influence of the institutional environment of the region on the formation of the value of students' health. *Uchenye zametki TOGU = Scientific notes of the Pacific National University*, 2014: 5 (4): 135–139 (In Russ.).

Tereshonok T. A. Self-preserving behavior of Russians as a social resource of the economy of society. *Sovremennoe sostoyanie rossiiskoi ekonomiki: zadachi i perspektivy = Current state of the Russian economy: tasks and prospects. The working papers. Moscow, Russian State Financial University publ.*, 2017: 748–752 (In Russ.).

Tsibulnikova V. E., Vereykina S. N. The role of the family and the school in shaping the value of the individual's social health. *Perspektivy razvitiya otechestvennogo obrazovaniya: priority i resheniya = Prospects for the development of national education: priorities and solutions: Shamov readings working papers. Ed. by S. G. Vorovshchikov, O. A. Shklyarova. Moscow, 5 za znaniya*, 2016: 205–208 (In Russ.).

Tyumaseva Z. I., Orekhova I. L. The family environment as a means of preserving, strengthening the health of students and the formation of self-preserving behavior. *Vestnik Mininskogo universiteta = Bulletin of the K. Minin*, 2019: 7 (3): 5 (In Russ.).

Vangorodskaya S. A. Family as a determinant of self-preserving behavior of Russians. *Natsional'nye demograficheskie priority: novye podkhody, tendentsii. Ser. «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika» = National demographic priorities: new approaches, trends. Ser. “Demography. Sociology. Economics”. Ed. by S. V. Riazantsev, T. K. Rostov. Moscow, Econ-Inform*, 2019: 41–44 (In Russ.).

Vangorodskaya S. A., Shapovalova I. S., Kisilenko A. V. Riski i trendy samosokhranitel'nogo povedeniya = Risks and trends of self-preserving behavior. *Belgorod: Epicenter*, 2019: 194 (In Russ.).

Varlamova S. N. The impact of public policy measures on reproductive attitudes and self-preserving behavior of Russians. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social Policy and Sociology*, 2009: 11–12 (53): 98–109 (In Russ.).

Vereshchagina A. V., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Problems of the formation of the health of Russian youth in the context of ensuring national security: sociological discourse. *Natsional'noe zdorov'e = National Health*, 2015: 1: 53–61 (In Russ.).

Voronov N. A. The role of the family institution in primary socialization in the field of health. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik = Central Scientific Herald*, 2018: 3 (13): 28–29 (In Russ.).

Vyalykh N. A. Models of social behavior in Russian society in the field of healthcare. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledges*, 2016: 7: 83–91 (In Russ.).

Yakovleva I. A. The role of the family in the formation of a health culture. *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem regionov: problemy i puti ikh resheniya = Management of socio-economic development of regions: problems and solutions: working papers of the IVth International Conference June 2014. Ed. by A. A. Gorokhov. Kursk, Southwest Federal university publ.*, 2014: 272–274 (In Russ.).

The article was submitted on: December 28.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shapovalova Inna Sergeevna, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Sociology and Organization of the Work with Youth, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.627

Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения (пример Санкт-Петербурга)

Ссылка для цитирования: *Карапетян Р. В., Сизова И. Л., Бакаев М. А.* Текущие и ожидаемые параметры прироста цифровых компетенций у занятого населения // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629

For citation: Karapetyan, R., Sizova, I., Bakayev, M. Current and expected parameters of the growth of digital competencies in the employed population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629

Карапетян Рубен Вартанович

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

r.karapetyan@spbu.ru

AuthorID РИНЦ: [618098](#)

Сизова Ирина Леонидовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Росси

sizovai@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [185382](#)

Бакаев Максим Александрович

Новосибирский государственный технический университет,
Санкт-Петербург, Россия

maxis81@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [620657](#)

Аннотация. Статья посвящена вопросам развития цифровой экономики в Российской Федерации в контексте внедрения цифровых технологий в трудовые процессы. В современных дискуссиях о цифровизации всё более подчёркивается безальтернативность овладения данными технологиями. Как условие занятости, использование разнообразных цифровых

продуктов требует от работников погружения в цифровую среду, которая, в свою очередь, задаёт вектор развития их цифровых компетенций. Вначале на основе авторских исследований выборки вакансий выявляются требуемые на рынке труда цифровые компетенции работников, которые должны соответствовать уровню и степени оснащения рабочих мест. Все устройства и технологии, применяемые на российских предприятиях и в организациях, представлены в виде цифровых средств труда, разделённых на классы и группы. В совокупности они представляют собой параметры, на основе которых авторами изучались цифровые компетенции работающих лиц или их цифровой карьерный капитал. Затем анализировались данные телефонного опроса работающих жителей Санкт-Петербурга с целью определения их мотивированности и приоритетов в развитии цифровых компетенций. Полученные в ходе исследования результаты позволяют заключить, что наращивание цифрового капитала востребовано на рынке труда и может (и должно) ориентироваться на потребности российской экономики. Пока же цифровые компетенции занятого населения в большей степени зависят от уровня профессиональной квалификации трудящегося, его возраста и распространения цифровых технологий в повседневной жизни. Последняя не в меньшей степени, чем трудовая среда, определяет алгоритмы приобщения к продуктам цифровой революции. Однако население не имеет ясного представления о том, какие цифровые знания и навыки необходимо получать, и не мотивировано к повышению трудовой квалификации в данном направлении. Часто работники не видят перспектив развития цифрового капитала на рабочем месте. Тем не менее у большинства сформировано нужное представление о том, что технологические изменения неизбежны, желаемы и им необходимо соответствовать. Таким образом, в статье анализируется, с одной стороны, востребованность цифровых компетенций, формируемая современным рынком труда, а с другой, – мотивация и ожидания самих работников по поводу возможности их применения и развития. Результаты исследований позволили авторам воссоздать целостную картину процессов, обуславливающих прирост цифровых компетенций у занятого населения.

Ключевые слова: цифровой карьерный капитал, цифровые средства труда, цифровые компетенции, работники, работодатели, рынок труда, вакансии

Знания и навыки обращения с цифровыми технологиями являются важной частью компетенций современного работника. Значимость и объёмы цифровых компетенций непрерывно возрастают и включаются в накопленный профессиональный бэкграунд работника, влияющий на его трудовую карьеру в условиях развития цифровой экономики. Совокупность знаний и навыков понимания и использования в трудовом процессе цифровых устройств и технологий обозначается термином «цифровой карьерный капитал» [Berkelaar, Buzzanell 2015], а сами цифровые устройства и технологии выделяются в быстро растущую группу цифровых средств труда, т. е. способов, при помощи которых возможно (и необходимо) решать определённые трудовые задачи. Востребованность цифровых компетенций в современной экономике велика. Об этом свидетельствует развитие среды интернет-труда и перенос части бизнес-процессов компаний в облачные технологии, а также перманентное развитие и распространение цифровых технологий в реальной экономике [Schoenefeld et al. 2017: 4–5].

Цифровой карьерный капитал и его значимость для работающего населения

Цифровая составляющая труда приобретает особую значимость там, где иными средствами реализовать трудовые задания уже невозможно или нецифровая деятельность рассматривается как нерентабельная для предприятия. Именно в данном случае цифровой капитал может быть обозначен как «карьерный»¹. Сам цифровой карьерный капитал формируется разнообразными способами; реализуются политические проекты развития информационного общества и цифровой экономики в стране, которые требуют квалифицированных кадров, умеющих использовать и создавать цифровые технологии и устройства². Следуя запросу, образовательные учреждения уделяют особое внимание освоению и обучению студентов цифровым технологиям. Повышение цифровой компетентности всё чаще стимулируется в организациях и фирмах. Вместе с тем расширяются области применения и повседневные практики использования цифровых технологий и устройств, что стимулирует их включение в трудовые процессы. Ещё одним важным фактором наращивания цифрового капитала является достижение трудоспособного возраста молодыми поколениями, для которых цифровые компетенции составляют существенную часть жизни [Johns 2016].

Научный анализ цифрового карьерного капитала только в настоящее время приобретает особую актуальность. Изучение востребованных компетенций базируется на попытках определить их вклад в производительность труда и обозначить уровень и характер квалификации работника³. В современных исследованиях выделяются содержательные блоки компетенций [Хуторской 2002] и формируются рейтинги отдельных, востребованных у работодателя, компетенций [Zwischenbericht 2013]. В целом считается, что не только избранные специалисты, но и широкие массы трудящихся должны владеть информационными технологиями [Bertaud 2014]. В наиболее подробных обзорах предлагается набор из семи базовых и пяти «контекстуальных» цифровых компетенций, правда, без оценки их экономической отдачи [Van Laar et al. 2017]. В локальных российских исследованиях фиксируется значительное отставание населения в освоении ключевых компетенций, особенно в области цифровой грамотности [Рылько 2015]. Кроме того, большинство россиян не стремится повысить востребованные на рынке труда навыки, поскольку с ними не связан уровень их доходов [Сизова, Хусяинов 2017; Гимпельсон 2018]. С этой точки зрения перспективы цифровизации российской экономики остаются во многом неопределёнными.

¹ Под «карьерой» мы понимаем продвижение на рынке труда в широком смысле, т. е. трудоустройство на желаемое рабочее место, занятие более высоких должностей внутри предприятия или организации, возможность смены места работы на более выгодное для работника и т. д.

² Цифровая экономика Российской Федерации. Программа // Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (Дата посещения: 05.09.2019).

³ OECD: Digital Economy Outlook, 2017 // URL: <https://www.oecd.org/sti/oecd-digital-economy-outlook-2017-9789264276284-en.htm>; OECD: Tax Challenges Arising from Digitalisation / Interim Report, 2018. URL: <https://www.oecd.org/tax/tax-challenges-arising-from-digitalisation-interim-report-9789264293083-en.htm> (Дата посещения: 05.09.2019).

С целью изучения «цифрового карьерного капитала» российских работников и тенденций его развития проведена серия авторских исследований, результаты которых представлены в данной статье. Вначале на базе данных российских «работных» сайтов изучались востребованные на российском рынке труда цифровые компетенции. Целью данного исследования являлось получение полного представления о том, какие цифровые средства труда (устройства и технологии) используются на российских предприятиях (в организациях) и какие требования выдвигают работодатели к потенциальным работникам. В итоге сформированы классы цифровых средств труда и уровни цифровой грамотности работников (параметры цифровых компетенций на рынке труда). Авторская методология и результаты исследования представлены во втором разделе статьи. В третьем разделе характеризуются и обсуждаются результаты ещё одного исследования – телефонного опроса занятого населения Санкт-Петербурга, целью которого являлось изучение объёмов цифровой грамотности (на основе разработанных параметров) и выяснение значимости «цифрового карьерного капитала» (его наличия и необходимости развития) у современных работников. В заключение статьи сформулированы основные выводы о текущих параметрах цифровых компетенций и ожиданиях их прироста в российской экономике.

Методология и результаты исследования параметров цифровых компетенций на рынке труда

Авторское исследование базировалось на двух основных допущениях в области применения и развития цифрового карьерного капитала. Во-первых, предполагается, что работодатели всё больше обращают внимание на наличие цифровых компетенций у потенциальных кандидатов на рабочие места. На этом основании проведено изучение текстов вакансий на естественном языке, собранных автоматизированным способом с сайтов предложений работы: HeadHunter (hh.ru), «Труд всем» (Общероссийская база вакансий, trudvsem.ru), Зарплата.ру (zarplata.ru)¹. На основании указанных в вакансиях записей о цифровых устройствах и технологиях, которые применяются в трудовом процессе и которыми в обязательном порядке должны владеть потенциальные кандидаты², определены классы цифровых средств труда, используемые на российских предприятиях и фирмах (см. таблицу 1).

¹ Выборочная совокупность содержит полные тексты вакансий (n=1369), которые были отобраны по квотам в ведущих (востребованных) областях рынка труда в России (например, «Административный персонал», «Банки, инвестиции, лизинг», «Высший менеджмент, руководители» и т. д.) и опубликованы в ноябре–декабре 2018 г. Содержание выборки представлено по адресу <http://sai.vgroup.su/tmp/exampleVacanciesData.php> (дополнительно также изучались вакансии на самих сайтах).

² Цифровые устройства и технологии в вакансиях приводятся, как правило, в разделе «Требования к соискателям». Эта часть в размещённых вакансиях на многих «работных» сайтах является структурированной (выделенной), что облегчило поиск данных. Если в вакансии такие требования отдельно не указывались, содержание вакансии анализировалось полностью. Вся отобранная для анализа информация изучалась при помощи программного обеспечения «Atlas.ti».

Таблица 1 (Table 1)

Цифровые средства труда
Digital means of labor

Классы цифровых средств труда	Словарь ¹
Знание гаджетов, фурнитуры	ПК, офисная техника, головная гарнитура, фотоаппарат, мобильные устройства на базе iOS/Android, ноутбук, принтер, сканер, планшет, навигатор
Офисное ПО	MS Excel, MS Word, PowerPoint, Outlook, Skype, MS Visio, MS Project, Spotlight
Социальные сети и мессенджеры	Instagram, Facebook, VK, WhatsApp, Viber
Данные, источники информации	Справочные правовые системы, электронные базы «Компас», «Консультант+», «Гарант», большие массивы данных, сводные таблицы
Техники	Передача голосовой информации, e-mail рассылки
Мультимедиа дизайн, графические программы	Adobe Premiere, Adobe After Effects, Adobe Illustrator, Adobe Flash, Adobe Lightroom, Adobe InDesign, Adobe Photoshop, CorelDRAW, Autodesk 3DS MAX, V-Ray, Corona Renderer, Sony Vegas, Sketch, Zeplin, Invision, Figma, MESA
Игровое ПО	Action, CCG, Strategy, F2P, RPG
Электронная коммерция	Бесконтактные технологии, переводы, e-commerce, кошельки x-Pay, SMM
ПО управления предприятием	1С, MS Dynamics, AutoGRAPH, АТИ, CRM, ERP, Меркурий, ЕГАИС, SAP, Hyperion System, Project Expert, СБИС, Диадок, Bitrix, УРМАС «БЮДЖЕТ», Lotus Notes, Lotus Domino, АСДСоюзТехноком, PerCo, Manufacturing Execution System (MES), БП, УТ, ЗУП
Технологическое ПО и САПР	САПР «Компас-Электрик», Компас, SolidWorks, AutoCAD, ArchiCAD, NanoCAD, PRO100, Surpac, ИКО, ИРБИС, RadExPro, программный комплекс ЭРА, Барс, Micromine (Gemcom, Datamine), Scad, АСУТП, MapInfo
Сетевое администрирование	Windows, Linux, CentOS, vmware, Helpdesk, ServiceDesk, SLA, ITIL/ITSM, WinDBG, Sysinternals, WPP, xperf, API Monitor, IDA Pro, принципы работы локальной сети, удалённое администрирование, построение локальных сетей, групповые политики, доступ, служба установки/ обновления ПО, установка и настройка 1С (установка, перенос баз, администрирование)
Облачные сервисы	Яндекс.Метрика, Google Analytics, Яндекс.Директ, Яндекс.Маркет, Google AdWords, Bitrix
WEB-технологии	HTML, Websockets, CSS3, FlexBox, SEO, Joomla, Bootstrap, SASS/LESS, PHP, JavaScript, jQuery, Webpack, Redux, Angular, ES6+, TypeScript, ResponsiveWebDesign, nginx, Terraform, Stackdriver, БЭМ-синтаксис, CMS, адаптивная вёрстка, семантическая вёрстка, web и mobile пользовательские интерфейсы, работа с крупными сайтами, конкурентными тематиками, высокочастотными запросами, большими СЯ, ранжирование и продвижение в Яндекс и Google, выведение сайтов из-под фильтров поисковых систем
Прикладное и системное программирование	API, C++, C, STL, Boost, ООП, микросервисная архитектура, рефакторинг, ФП, БД, SQL, NoSQL, MySQL, GoogleCloudSQL, PostgreSQL, MSAccess, MongoDB, Docker, Kubernetes, Rancher, MVC, HYDRA, Win32/NT API, x64, IPC, iOS, Android, MVP, DDD, GraphQL, MobX, REST, XML, JSON, SpringBoot, Hibernate, Java, Kotlin, JPA, GIT, Gitflow, ELK, AMQP, Ruby, Redis, Jenkins, wildfly, JBoss, Golang, CI/CD, Prometheus, Grafana, unit-тесты, сетевые информационные технологии, технологии передачи голосовой информации, протоколы сигнализации
Программирование встраиваемых систем	Контроллеры SIMATIC, SCADA, системы WinCC и PCS7, среда TIA Portal, приводная техника SIMOREG/ MICROMASTER/ SIMOVERT MASTERDRIVES/ SINAMICS
Компьютерная безопасность	АСЗИ, модели безопасности, службы, инъект, перехват функций, недокументированные возможности

¹ При кодировании замена «естественного» языка описания цифровых средств труда не производилась. Таким образом, все изначально указанные работодателями названия устройств и технологий в приводимом в таблице 1 словаре сохранены. Исключены из словаря те наименования, которые не удалось идентифицировать в ходе проверки достоверности указываемой работодателями терминологии (на основании поискового запроса). Напротив, в соответствии с требованиями качественного анализа, классы (категории) цифровых средств труда получили авторские обозначения.

Выявленные по вакансиям цифровые средства труда показывают, что на предприятиях и фирмах востребованы самые разнообразные цифровые устройства и технологии. Ясно, что они постоянно совершенствуются и носят дифференцированный характер. Об этом свидетельствуют альтернативные варианты используемого ПО и его версий на российских предприятиях, наличие корпоративных разработок, а также вариации в сложности оборудования и технологий. Предъявляемые к соискателям требования варьируются от простых к сложным, а некоторые трудовые задачи (и процессы) реализуются только на основе цифровых технологий. В целом в российской экономике объёмы и сложность используемых цифровых технологий едва ли отличаются в худшую сторону от развитых экономик мира. В новых развивающихся сферах цифровые средства неотделимы от трудовой деятельности (например, мерчандайзер, системный администратор, дизайнер, контент-менеджер, web-технолог, директор онлайн-школы, smm-специалист и т. д.). Таким образом, современный работник стимулируется в освоении цифровых компетенций уже на этапе найма на работу.

Второе допущение, на которое опиралось данное исследование, заключается в том, что владение цифровыми устройствами и технологиями потенциального кандидата на должность взаимосвязано со сложностью предполагаемой трудовой деятельности. Изучению данного вопроса было посвящено несколько действий в исследовании. Вначале на основании текстов вакансий анализировалась структура квалификаций требуемых кандидатов. Всего было выделено четыре уровня квалификационных требований, характеристики которых приводятся в таблице 2. Сами тексты вакансий изучались отдельно от указанных работодателем должностей с точки зрения описанных в текстах профессиональных обязанностей¹. Затем выделенные обязанности связывались с использованием определённых цифровых средств труда, необходимых для их выполнения. В итоговой схеме каждому уровню квалификации соответствуют трудовые задачи, требующие или нет применения цифровых средств труда. Приведённые в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что уровень цифровой грамотности у соискателей должен повышаться вместе со сложностью выполняемой работы (см. таблицу 2).

¹ Так же, как и при изучении цифровых средств труда, тексты вакансий кодировались на «естественном» языке, затем проводился статистический анализ. Вместо термина «профессиональные обязанности» в исследовании предлагается понятие «трудовые задачи», поскольку последние в большей степени связаны с конкретной трудовой деятельностью, чем с определённой профессией в её классическом понимании (врач, учитель, инженер и т. д.). Поскольку выделение трудовых задач не является предметом данной статьи, то подробный анализ здесь не приводится. В целом на российском рынке труда в настоящее время востребовано порядка 43 наиболее приоритетных видов деятельности. Их выполнение связано с различными специальностями, должностями и квалификацией. Они располагаются поперечно по отношению к формально полученному образованию и обозначенной должности. Тем более что работодатель в настоящее время абсолютно свободен в обозначении вакантной должности и может формулировать её название в соответствии со своими представлениями. Именно эта особенность изначально стала основанием для принятия иной стратегии анализа профессиональной деятельности.

Таблица 2 (Table 2)

Квалификационные требования и цифровые средства труда
Qualification criteria and digital means of labor

Уровень квалификации	Характеристика	Цифровые средства труда*	
		Не требуются	Требуются
Элементарный уровень: без квалификации	Не предполагает профессиональной подготовки и обучения работника, трудовые задачи может выполнять каждый после небольшого инструктажа	4	10
Рабочая квалификация	Предполагает выполнение задач, требующих профессиональных знаний и подготовки (хотя бы непродолжительной), сопряжена со значительной физической нагрузкой	7	5
Средняя	Является промежуточной (переходной), связанной с получением профессиональных знаний в распространённых областях деятельности, доступных для массового работника	3	35
Высшая	Требует сложной профессиональной подготовки и знаний	3	61

*Цифровое представление указывает на количество выполняемых трудовых задач, требующих или нет владения цифровыми компетенциями

Кроме того, если в простых деятельности и в сфере рабочих профессий используется ещё относительно мало цифровых средств, то уже при выполнении задач в области средней квалификации они востребованы гораздо в большей степени. Полученные данные подтверждаются выводами зарубежных исследований. Так, в масштабном исследовании [Veblavэ et al. 2016], проведённом для рынка труда США, было обработано около двух млн объявлений о вакансиях на предмет востребованности ИТ-умений (ITskills). В них авторы включали общие навыки работы с компьютерами, работы с текстовыми редакторами и электронными таблицами, программирование и работу с данными. Была получена иерархия ИТ-умений и обнаружено, что процент вакансий, где они требуются, выше для более сложных профессий.

Для проверки предположения о том, что с ростом квалификации к претендентам на рабочие места предъявляются и более жёсткие требования по цифровым компетенциям, на следующем этапе авторского исследования выделены три группы цифровых средств труда с возрастающей сложностью, характеристика которых приведена в таблице 3.

Эти группы затем сравнивались с уровнем квалификации соискателя на основании собранной в вакансиях информации о его навыках и знаниях, востребованной в анализируемой выборке (см. таблицу 4).

Таблица 3 (Table 3)

Группы цифровых средств труда
Groups of digital means of labor

Уровень цифровых средств труда	Характеристика
Элементарный	Технологии и оборудование, которые используются населением для различных целей. Это могут быть разнообразные технические приспособления (компьютер, сканер, принтер, мобильный телефон), ПО (например, программа Word) и интернет (например, выход в интернет, страницы в социальных сетях, работа с электронной почтой)
Средний	Специализированная техника и программное обеспечение, как правило, используемые в рабочих целях и создаваемые для решения определённых задач (например, бухгалтерские программы, программы управления предприятием, обработки фото и пр.). Сюда же включены продвинутые способы использования обычных устройств и программ. Например, владение офисным пакетом может рассматриваться на нескольких уровнях. Большинство использует только часть возможностей таких программ, как Word, Excel и др., тогда как для определённых трудовых задач (например, делопроизводство) требуются расширенные знания, т. е. использование максимального количества функций программы
Сложный	Средства, позволяющие развивать сами цифровые технологии и устройства, включающие возможность программирования, выстраивание сетевого администрирования, создание систем компьютерной безопасности и т. д.

Таблица 4 (Table 4)

Распределение цифровых средств разной сложности по трудовым задачам и уровням квалификации*
Distribution of digital tools of varying complexity by work tasks and qualification level

Цифровые средства труда	Уровни квалификации			
	Без квалификации	Рабочая	Средняя	Сложная
Не требуются	4	7	3	3
Элементарные навыки и знания	7	3	18	26
Специализированные навыки и знания	3	2	14	24
Сложные навыки и знания	-	-	3	11

*Цифрами указывается количество трудовых задач, в которых цифровые средства труда разного уровня сложности востребованы или нет.

Таким образом, если для двух уровней низкой квалификации цифровые средства труда либо вообще не требуются, либо только незначительные, то начиная со средней квалификации востребованы уже все их уровни. Особенная ситуация образовалась вокруг сложной профессиональной деятельности. Половина трудовых задач уже сейчас требует от работников владения комплексными навыками и знаниями в области цифрового оборудования и технологий. Можно заключить, что рос-

сийская экономика развивается на базе значительного технологического усложнения трудовой деятельности. Это связывается не только с необходимостью в работниках, имеющих высокую квалификацию, но и в значительном внедрении высокотехнологичных цифровых средств, при помощи которых такая работа может выполняться. При решении сложных задач элементарные цифровые средства необходимы уже повсеместно, однако в значительной степени используются и специализированные технологии (оборудование).

Полученные данные позволили сформулировать следующие утверждения. Во-первых, организации и фирмы широко используют цифровые технологии в трудовых процессах. В связи с этим востребованы работники, обладающие нужным цифровым капиталом. Поэтому работодатели в вакансиях всё чаще указывают требования (формируют специальный раздел) по владению определёнными цифровыми компетенциями потенциального кандидата на должность. Во-вторых, основной тенденцией является растущее усложнение и разнообразие применяемых на рабочих местах цифровых технологий. Часть трудовых задач возможно реализовать только при условии владения такими знаниями и умениями. В-третьих, в сложных видах трудовой деятельности отмечается скачкообразное увеличение объёма использования цифровых технологий на рабочем месте.

Параметры, объёмы и тенденции прироста «цифрового карьерного капитала» у работающего населения

Исследование «цифрового карьерного капитала» на базе «запросов» работодателей в форме требований к потенциальным работникам, содержащихся в тексте опубликованных вакансий, имеет существенные ограничения. Например, остаётся только гадать, может ли рынок труда в данной области находиться в равновесии, имеются ли у реальных соискателей на каждое рабочее место требуемые цифровые компетенции в необходимом объёме. Кроме того, общий объём и структура цифрового карьерного капитала у российских работников должны соответствовать выделенным классам и уровням сложности.

Для проверки реального объёма и структуры цифровых компетенций работников проведено исследование, основанное на данных телефонного опроса населения Санкт-Петербурга¹. В основные задачи этого исследования входило также выявление значимых факторов, обуславливающих цифровой капитал и стимулирующих его развитие. К таким факторам отнесены, во-первых, индивидуальные маркеры (возраст и уровень профессиональной квалификации работников). Во-вторых, отмечены структурные условия и в первую очередь экономические возможности

¹ Исследование проведено на базе Ресурсного Центра «Центр социологических и интернет-исследований» Научного Парка Санкт-Петербургского государственного университета.

предприятий или фирм внедрять технологические инновации; уровень заработной платы и реализация фирмами программ по повышению цифровой грамотности и компетенций работников. А также оценивались размер и форма собственности предприятия.

Опрос проходил в феврале 2019 г. по стратифицированной выборке (пол, возраст, место жительства, $n=1000$). Основной блок вопросов в авторской анкете был посвящён использованию в работе цифрового оборудования и цифровых технологий. Респонденты отвечали на вопросы о том, хотели бы они (и почему) развивать свои цифровые знания и навыки, а также – каким образом они это делали или хотели бы сделать; т. е. речь шла о способах, формах и области повышения цифровой квалификации работающих людей. Дополнительный блок вопросов был связан с желанием понять, насколько в России модернизируются сами рабочие места с учётом внедрения технологических инноваций и к чему это приводит с точки зрения работников.

Из 1000 опрошенных сформировалась подвыборка, включающая 68% работающих респондентов. Половозрастные характеристики опрошенных соответствовали общей структуре трудоспособного населения города. Среди работающих 51% мужчин и 49% женщин; 28% – в возрасте от 18 до 29 лет, 23% – от 30 до 39, 20% – от 40 до 49, 18% – от 50 до 59 и 11% – 60 лет и старше. Анализ данных позволил сформулировать следующие заключения.

1. Современные работники обладают определённым цифровым карьерным капиталом. Респонденты чётко отвечают на вопросы о том, какое цифровое оборудование и технологии (программное обеспечение) они используют на рабочих местах. Работающие граждане способны ясно дифференцировать свои цифровые знания и умения в зависимости от их сложности (менее 1% отказов в ответах). Таким образом, действительно цифровой карьерный капитал трудящихся в России может быть представлен в форме групп и классов цифровых средств (параметров). На элементарном уровне цифровые средства труда используют в работе большинство занятых. Так, 71% постоянно или часто используют персональный компьютер или ноутбук, 57% работающих постоянно и часто используют на рабочем месте копировальную технику; факс, мультимедийный проектор используют в работе меньшинство опрошенных. Более сложные приборы (например, робототехника – дрон, манипулятор и пр.) почти неизвестны петербургскому работнику (88% вообще их не используют). Такая же ситуация с программируемыми станками (90% не используют).

Обычное программное обеспечение (офисный пакет) и поисковые системы постоянно и часто используют в работе 60% респондентов. Облачные хранилища или социальные сети, мессенджеры менее востребованы в труде (не более 34% работников). Подавляющее большинство занятого населения Санкт-Петербурга владеет работой с электронной почтой (90%). Намного меньше люди знают профессиональные программы (48%) и программы управления предприятием (33% опрошен-

ных), немногие используют в работе информационно-аналитические программы (31%) и умеют программировать (18%). Таким образом, если элементарные знания и навыки работы с цифровыми устройствами и ПО люди имеют и применяют в работе, то уже специализированные цифровые средства труда (средний класс сложности) являются для большинства проблемой. Это означает, что в массе занятое население способно применять цифровые устройства и технологии только на весьма элементарном уровне. Такой цифровой карьерный капитал является неэффективным как для поиска/смены работы, так и для внутриорганизационного карьерного продвижения, т. е. предложение подобных услуг не заинтересует работодателя, и работнику необходимо акцентировать иные свои способности и умения.

2. Индивидуальные маркеры (например, возраст работника) взаимосвязаны с объёмом и структурой цифрового карьерного капитала. Молодые работники Санкт-Петербурга демонстрируют серьёзные преимущества в использовании цифровой техники и программ на рабочем месте (см. рис. 1 и 2).

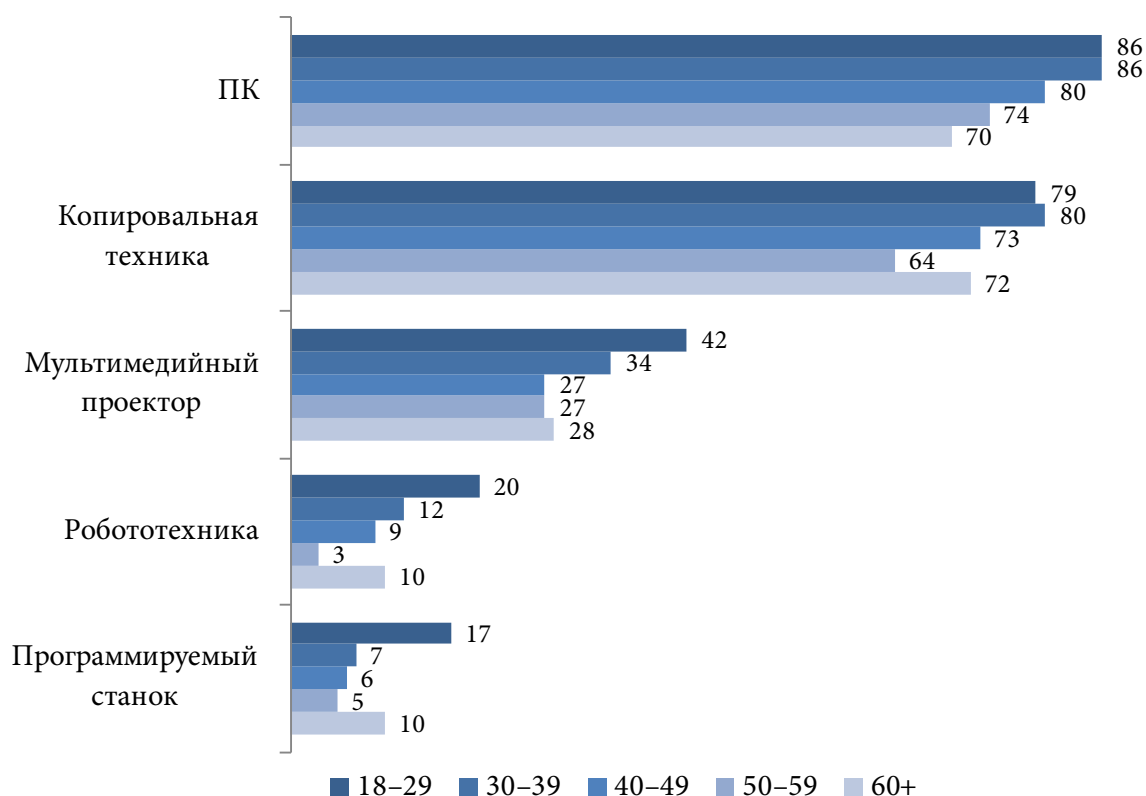

Рис. 1. Использование цифровых устройств на рабочем месте в зависимости от возраста трудящихся

(указана доля использующих от общего количества респондентов в подгруппе, %)
Figure 1. Use of digital devices at the workplace depending on employees' age (indicating the proportion of users among the total number of respondents in any given subgroup)

Как видим, у молодёжи есть преимущества даже в широко используемых в повседневности средствах: молодые работники чаще используют ПК и копировальную технику, чем старшие возрастные группы

(60 лет) в среднем на 10%. Этот разрыв сохраняется, если речь идёт о более современных средствах (кроме мультимедийной техники, использование которой больше связано с трудовыми задачами).

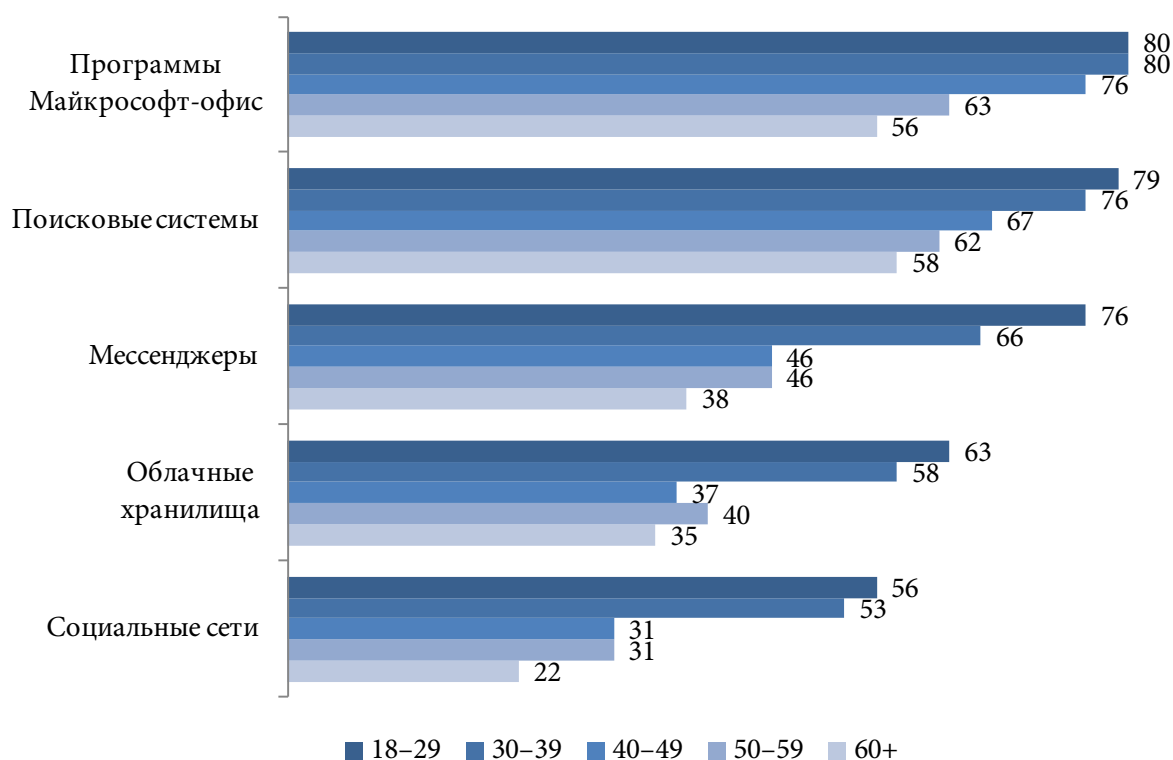

Рис. 2. Использование цифровых программ на рабочем месте в зависимости от возраста трудящихся

(указана доля использующих от общего количества респондентов в подгруппе, %)

Figure 2. Use of digital software at the workplace depending on employees' age (indicating the proportion of users among the total number of respondents in any given subgroup)

Ещё больше различий наблюдается, если оценивать владение ПО разными поколениями работающих (см. рис. 2). Во всех оцениваемых технологиях, которые по большей части относятся к элементарной группе умений, разрыв между самыми молодыми и самыми старшими работниками поддерживается на уровне 30%.

Зависимость знаний от возраста в исследовании проверялась при помощи статистики Пирсона. Построение таблиц сопряжённости показало, что в использовании ПК, копировальной и мультимедийной техники лидируют молодые поколения до 40 лет: например, хи-квадрат (χ^2) для использования копировальной техники – 26,764 при $p < ,05$). Но особенно выражены различия в использовании новых цифровых устройств – робототехники (χ^2 – 36,213 при $p < ,05$), программируемых станков (χ^2 – 42,005 при $p < ,005$). Молодые лидируют в использовании офисных программ (χ^2 – 31,812 при $p < ,05$), облачных технологий (χ^2 – 54,764 при $p < ,000$), социальных сетей (χ^2 – 52,019 при $p < ,000$), поисковых систем (χ^2 – 32,287 при $p < ,01$) и мессенджеров (χ^2 – 85,734 при $p < ,000$). В целом статистически значимые различия между поколениями работников фиксируются практически по владению всеми исследуемыми параметрами цифрового карьерного капитала.

Молодые поколения работников не только обладают лучшим цифровым карьерным капиталом, но и чаще других возрастных групп трудящихся готовы повышать свою компьютерную грамотность, причём готовы это делать именно в целях карьерного роста ($\chi^2 - 16,219$ при $p < ,01$).

Второй индивидуальный маркер – уровень образования – является значимым фактором для (о)владения цифровым карьерным капиталом, в частности, уровень образования коррелирует с частотой использования цифровых средств на рабочем месте (см. таблицу 5).

Таблица 5 (Table 5)

Влияние образования на использование цифровых средств труда, %

How education affects the use of digital means of labor

Средства труда	Образование				
	Среднее	Нач/проф.	Ср/спец.	Н/высшее	Высшее
ПК, ноутбук	71	64	61	88	93
Копировальная техника	54	45	53	80	90
Факс	12	20	14	33	33
Мультимедийный проектор	12	11	13	43	46
Робототехника	10	2	8	24	14
Программируемый станок	2	-	7	26	12
Программы Майкрософт	56	45	46	78	86
Облачные хранилища	32	25	31	57	62
Социальные сети	37	36	30	57	47
Поисковые системы	49	48	52	76	84
Мессенджеры	49	48	43	67	66

В использовании цифровых средств труда лидируют лица с высшим образованием. ПК и другую технику намного чаще используют люди, получившие высшее образование ($\chi^2 - 167,549$ при $p < ,000$). Аналогично дело обстоит с использованием ПО: высококвалифицированные кадры намного чаще используют офисные программы ($\chi^2 - 172,935$ при $p < ,000$), облачные хранилища ($\chi^2 - 68,927$ при $p < ,000$), социальные сети ($\chi^2 - 30,737$ при $p < ,1$), поисковые системы ($\chi^2 - 96,389$ при $p < ,000$) и мессенджеры ($\chi^2 - 47,319$ при $p < ,01$). Более образованные люди чаще владеют специальным ПО, созданным в рабочих целях. Владение языками программирования ($\chi^2 - 68,224$ при $p < ,000$) уже напрямую связано с получением высшего образования.

Таким образом, возраст и образование в совокупности образуют базовые условия для (о)владения цифровым карьерным капиталом в настоящее время. Они также являются факторами мотивации повышения квалификации в области цифровой грамотности. Так же, как молодые работники, люди с более высоким образованием чаще проявляют интерес к повышению своих цифровых компетенций ($\chi^2 - 17,252$ при $p < ,1$).

При этом они чаще других руководствуются соображениями о необходимости выполнения своих трудовых функций ($\chi^2 - 15,616$ при $p < ,01$) и желанием карьерного роста ($\chi^2 - 18,514$ при $p < ,01$).

3. Анализ данных показал, что использование тех или иных цифровых компетенций обусловлено сферой деятельности работника и решаемыми трудовыми задачами. Так, в рабочих целях ПК чаще других используют фрилансеры, бизнесмены и специалисты. Копировальная техника больше используется бизнесменами, военнослужащими и специалистами. Мультимедийные средства также чувствительны к области занятости: скорее всего, это удел людей, работающих в образовании, но применяются также специалистами на производстве. Из лиц, использующих новую технику, выделяются специалисты на производстве и квалифицированные рабочие. Офисные программы чаще других используют специалисты и фрилансеры. Облачные хранилища – бизнесмены. С поисковыми системами работают многие, а мессенджеры и социальные сети больше других распространены у бизнесменов и фрилансеров.

Профессиональные группы по-разному оценивают свои цифровые знания и навыки. Самое лёгкое – это работа с электронной почтой; намного хуже дело обстоит с языками программирования, которые наиболее используемы фрилансерами. Использование профессиональных программ востребовано во многих отраслях, но лучше их знают специалисты на производстве и бизнесмены. Информационно-аналитическими программами лучше владеют представители госслужбы, а программами для управления ресурсами предприятий – фрилансеры (возможно, среди них много юристов и бухгалтеров). Добавим, что разница в использовании цифровых средств труда у работников в России связана и с размером предприятия, на котором они заняты. На малых и средних предприятиях интенсивнее используют копировальные аппараты, поисковые системы и мессенджеры. На крупных предприятиях распространены копировальная техника и факс, тогда как всё остальное используется в меньшей степени, чем на более мелких предприятиях.

В данном случае важно подчеркнуть, что в указанной выше ситуации цифровой карьерный капитал наращивается работниками неравномерно и носит фрагментарный характер. Его развитие будет всё время зависеть от текущей трудовой деятельности и степени владения теми цифровыми знаниями и навыками, что распространены в повседневной жизни. Таким образом, в большинстве случаев речь идёт не о развитии карьерного капитала, позволяющего, с одной стороны, работникам управлять индивидуальной ситуацией на рынке труда, а с другой, – работодателям принимать «готовые» квалифицированные кадры. Скорее всего, в массе образуются дискретные группы работников, обладающие специфическими знаниями и умениями (либо только общераспространёнными компетенциями), что в перспективе способствует нарастанию «закрытых» для конкуренции рабочих мест и трудовой гиперспециализации.

4. Зависимость между размером заработной платы и компетентностью работников в области цифровых технологий представляет собой особый интерес, поскольку значимость любого карьерного капитала, в том числе и цифрового, может быть измерена в динамике трудовых доходов. В анализе данных уровень заработной платы изучался при помощи вопроса анкеты о доходах¹. Полученная независимая порядковая переменная² сопоставлялась с использованием в работе цифровых устройств³, программного обеспечения⁴ и владением цифровыми навыками⁵, таким образом сложились три зависимые порядковые переменные⁶. В тестирование включено 594 наблюдения или 59% выборки⁷. Отметим неодинаковую взаимосвязь между размерами дохода работающего лица и использованием цифровых технологий (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Оценка влияния уровня доходов трудящихся
на использование/владение цифровыми компетенциями
*Evaluation of how employee's income level affects
use of/proficiency in digital competences*

Название устройства, технологии	χ^2	Уровень стат. знач.	Коэффициент корреляции Пирсона	Уровень стат. знач.
Персональный компьютер/ноутбук	39,930	0,000	0,227	0,000
Майкрософт Офис	39,465	0,000	0,222	0,000
Облачные хранилища	36,038	0,000	0,214	0,000
Поисковые системы	52,050	0,000	0,205	0,000
Мессенджеры	39,542	0,000	0,238	0,000
Электронная почта	50,415	0,000	0,216	0,000

Если анализировать частоту и разницу в использовании того или иного оборудования или программ работниками с разными уровнями зарплат, то в целом необходимо признать, что объёмы цифрового карьерного капитала и трудовые доходы взаимосвязаны. Правда, едва ли этот факт признаётся на практике (при заключении трудового контракта или повышении заработной платы) субъектами рынка труда (как работодателями, так и работниками).

¹ Вопрос анкеты сформулирован следующим образом: «В какую группу населения по уровню дохода Вас можно отнести?»

² Градации значений: от 1 – «ниже прожиточного минимума» до 6 – «более чем в 10 раз выше прожиточного минимума».

³ Вопрос анкеты: «Как часто Вы используете в работе следующее оборудование?».

⁴ Вопрос анкеты: «Как часто Вы используете в работе следующее программное обеспечение?».

⁵ Вопрос анкеты: «В какой мере Вы владеете следующими навыками?».

⁶ Градации значений варьировались от 1 – «никогда» до 4 – «постоянно».

⁷ В используемых переменных варианты ответов «Затрудняюсь ответить» и «Не хочу говорить» были перекодированы в пропущенные значения. Наблюдения, в которых по выбранным переменным имелось хотя бы одно пропущенное значение, исключались из дальнейшего анализа.

5. Наконец, существенными являются вопросы повышения цифровой грамотности среди работающих людей и определения факторов, стимулирующих этот процесс. Среди лиц, принявших участие в опросе, только 38% работающих хотели бы повысить свои цифровые компетенции. Из них каждый пятый рассматривает такие действия как необходимые для выполнения трудовых функций и как повышение шансов на карьерный рост. Для 13% работающих развитие цифровых компетенций является одним из условий для смены сферы деятельности. Но 78% респондентов хотели бы это сделать прежде всего для общего развития! Что конкретно хотели бы изучать работающие люди? Данные опроса указывают, что основные интересы концентрируются в области освоения интернет-маркетинга, SEO, SMM, языков программирования, компьютерного дизайна. Большой интерес вызывает изучение правовых основ использования данных в интернете.

Полученная информация указывает и на то, что работодатель не влияет в настоящее время на мотивацию работника в направлении повышения цифровой компетентности. В данном случае на решения и действия работников не влияют даже принудительные практики работодателя; например, такие как направление работника на соответствующие курсы повышения квалификации и оплата его обучения. Из тех, кто уже проходил повышение цифровой квалификации за последние три года, только 25% были отправлены на обучение работодателем. В основном такое обучение работодатель оплачивает (79% случаев), однако только 40% из них выразили желание повысить свою грамотность.

Работники повышают квалификацию либо в компании, где работают (32%), либо в сторонней коммерческой организации (32%). В меньшей степени это происходит в государственных образовательных учреждениях (22%). Данные исследования показывают, что в настоящее время именно работодатель играет существенную роль в освоении работниками новых цифровых технологий. Только незначительный процент опрошенных лиц повышают свою квалификацию самостоятельно (3%). Особенно крупные предприятия способны в большей степени обеспечить прирост различных параметров цифрового карьерного капитала у своих работников, тогда как в малых фирмах чаще сами работники заботятся о своей цифровой грамотности (см. таблицу 7).

В таблице 7 показано, что на малых предприятиях больше сосредоточено работников, которые самостоятельно оплачивают своё обучение и в меньшей степени стимулируются руководством фирмы. Наоборот, в больших организациях чаще: (а) работники направляются на обучение руководством, (б) такое обучение реализуется в самих организациях и (в) его оплачивает работодатель. Также большее число работников малых фирм уверены, что быть успешным в работе – значит постоянно обновлять знания об информационных технологиях. В целом по выборке только 29% респондентов согласны с этим утверждением, тогда как остальные сомневаются либо отрицают важность знаний цифровых технологий в их работе. Таким образом, не карьерные устремле-

ния или необходимость повышения эффективности труда стимулируют работников к освоению новых технологий или повышению квалификации в этой сфере. Наоборот, люди движимы индивидуальными интересами или адаптируются к предлагаемым (работодателем) условиям. Наиболее рациональной является ситуация в малом бизнесе (возможно, ещё во фрилансе), где от собственных усилий зависит текущая трудовая ситуация. В технологически передовых странах, наоборот, крупный бизнес и предприятия являются моторами инноваций. В России же принудительные меры со стороны (про)государственных учреждений и предприятий не приводят к желаемому эффекту, поскольку транслируемые цифровые знания и навыки, очевидно, мало связаны с основной трудовой деятельностью (или могут быть компенсированы обычными схемами) и системой оплаты труда.

Таблица 7 (Table 7)

**Повышение квалификации в области цифровых технологий
работающими жителями Санкт-Петербурга, %**
*Advanced training in the field of digital technologies
among working residents of Saint-Petersburg*

Размер предприятия		Интернет-маркетинг, SEO, SMM и т. п.*	Отправили по решению руководства**	В компании, где работаю***	Работодатель****	Я сам*****	Чтобы быть успешным в моей работе, нужно постоянно обновлять знания...	Онлайн обучение (через интернет) позволяет учиться быстрее и лучше
Малые	До 10 чел.	50	7	17	10	60	74	39
	От 11 до 30 чел.	55	15	20	35	50	65	30
Средние	От 31 до 50 чел.	33	11	17	22	67	63	33
	От 51 до 100 чел.	26	22	41	63	11	69	23
	От 101 до 200 чел.	53	32	26	47	47	65	23
Крупные	От 201 до 500 чел.	12	29	35	53	29	74	17
	Свыше 500 чел.	36	38	46	61	24	69	24

*Сумма ответов на вопрос анкеты «В какой области Вы повышали свою квалификацию, развивали цифровые компетенции за последние 3 года? / Интернет-маркетинг, SEO, SMM и т. п.» (наибольший процент зафиксированных положительных ответов).

**Сумма ответов на вопрос анкеты «По каким причинам Вы решили повышать квалификацию? / Отправили на работе по решению руководства».

***Сумма ответов на вопрос анкеты «Где повышали квалификацию, развивали цифровые компетенции? / В компании, где работаю».

****Сумма ответов на вопрос анкеты «Кто оплачивал Ваше повышение квалификации, обучение? / Работодатель».

***** Сумма ответов на вопрос анкеты «Кто оплачивал Ваше повышение квалификации, обучение? / Я сам».

6. В целях изучения субъективных представлений участников опроса о текущих/грядущих технологических изменениях в их труде, сформированы группы мнений на основе кластерного анализа¹. С этой целью задействованы вопросы анкеты, в которых спрашивалось о модернизации экономики, внедрении новых технологий, о технических и технологических изменениях на рабочем месте, обеспечении условий для освоения новых технологий, о необходимости обновления знаний в области ИКТ и способах, которыми это возможно реализовать (четыре вопроса в исследовательской анкете)². В кластерном анализе после исключения несоответствий использовалось 623 наблюдения. В итоге было сформировано пять кластерных групп работающих лиц, где первая группа полностью признаёт текущие и грядущие изменения в технологическом укладе трудовых процессов, и пятая группа, полностью отрицающая эти изменения. Группы со второй по четвёртую неоднозначно представляют себе технологические изменения. В таблице 8 даны важнейшие характеристики каждой из указанных групп.

Таблица 8 (Table 8)

Технологические изменения в сфере труда в представлениях работников
Technological changes in the realm of labor as perceived by workers

	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвёртая группа	Пятая группа
Доля в выборке, %	51	28,3	6,3	10,4	4
Возраст	18–39	18–29, 40–59	40–59	18–39	50–59
Соответствие профессии/образованию	Скорее да	Скорее нет	Нет	Нет	Скорее да
Сфера деятельности, % от всех групп (три приоритетные)	ИКТ, юридические услуги, СМИ	Транспорт, торговля, производство	Наука и исследования, строительство, транспорт	СМИ, культура, ИКТ	Медицина, культура, юридические услуги
Род занятий, % от всех групп (три приоритетные)	Фрилансер, бизнесмен/ИП, работник МВД/полиции, армии	Неквалиф. и квалиф. рабочие, служащий без в/о	Квалиф. рабочий, госслужащий/работник адм. органов, служащий без в/о	Фрилансер/самозанятый, специалист с в/о вне производства, специалист без в/о	Работник МВД/полиции, армии, специалист с в/о вне производства, служащий без в/о
Размер предприятия (наибольший процент занятых в подгруппах)	Менее 10 и более 500 (малые и крупные)	От 11 до 30 и от 100 до 500 (средние)	От 50 до 100 и от 200 до 500 (средние)	До 30 (малые)	От 50 до 100 и свыше 500 (средние и крупные)

¹ Метод кластерного анализа – иерархический дивизионный (diana в пакете cluster в R). Для создания матрицы расстояний использовалась бинарная метрика, так как значения переменных правильней интерпретировать как категориальные. Количество кластеров было выбрано на основе анализа дендрограммы, принадлежность к кластерам записана в данных SPSS.

² Градации значений варьировались от 1 – «полностью согласен» до 4 – «абсолютно не согласен», а также от 1 – «изменения в лучшую сторону» до 4 – «нет изменений».

Продолжение таблицы 8

	Первая группа	Вторая группа	Третья группа	Четвёртая группа	Пятая группа
Трудовые ценности	Приносить пользу обществу, чувствовать себя членом команды, признание результатов труда коллегами, создавать что-то нов	Получаю удовольствие, когда мне платят за труд, сам трудовой процесс удовольствия не доставляет, я работаю только чтобы зарабатывать деньги, если была бы возможность не работать, не работал бы, в нашем обществе материальное благополучие не зависит от того, как трудится человек	Получаю удовольствие, когда мне платят за труд, сам трудовой процесс удовольствия не доставляет, я работаю только чтобы зарабатывать деньги, если была бы возможность не работать, не работал бы, в нашем обществе материальное благополучие не зависит от того, как трудится человек	Важно, чтобы работой было довольно начальство, важно, чтобы оценивалось моё отношение к работе, а не только результаты труда	Приносить пользу обществу, чувствовать себя членом команды, признание результатов труда коллегами, важно получать за труд не только деньги, но и благодарности и т. д.
Материальный достаток, наибольшая доля в погруппе*	Более чем в три раза выше миним. прож. уровня	Немного выше прож. минимума	Немного выше прож. минимума	Более чем в три раза выше миним. прож. уровня	Более чем в три раза выше миним. прож. уровня

*В анкете прожиточный уровень обозначен в размере 11 тыс. руб. в месяц на одного человека

Из сведений, собранных в таблице 8, можно сформулировать следующие выводы. Во-первых, среди работников намного больше тех, которые верят в прогресс цифровых технологий и видят существенные изменения в лучшую сторону (первая и вторая подгруппы в совокупности составляют почти 80% работающих респондентов). Остальные три группы (20%) суммируют неуверенные и отрицательные оценки об изменениях в трудовых процессах и в экономике в целом. Во-вторых, позитивные мнения присущи в большей степени молодым работникам (до 40 лет), однако и среди более старших (40–59 лет) немало оптимистов. В-третьих, в среде молодых работников выделяется относительно существенная подгруппа (четвёртая), которая отрицает происходящие изменения и выражает уверенность в том, что становится только хуже.

Если характеризовать представленные кластеры по отдельности, то мы имеем дело со следующими автономными группами. Первая группа характеризуется полным принятием технологических инноваций и уверена в своих возможностях им соответствовать. В основном к ней относятся представители молодых поколений, работающие по полученной специальности, и, скорее всего, вне системы наёмного труда («на себя», по

заказам, в проектах и т. д.) или на очень крупных предприятиях города. Уверенность в развитии цифровой экономики и своего собственного участия в ней соотносится с высокими цифровыми навыками и знаниями, хорошим уровнем материального обеспечения работников. Особенно выделяются их трудовые ценности, которые направлены на общую пользу и развитие. Во второй группе также оказались работники, склонные признавать цифровые инновации и индивидуально соответствовать им. Это молодые или относительно молодые работники без высшего образования, занятые на предприятиях и в организациях среднего размера, в производственных секторах экономики и торговле. В отличие от первой группы, в их трудовых ценностях присутствуют ярко выраженный прагматизм и зависимость от заработанных трудом средств. Третья (небольшая по размеру) группа, чьи оценки цифровых изменений и собственного участия в них являются скорее колеблющимися, представлена возрастными работниками, в процессе занятости сменившими полученную специальность, демонстрирующими прагматические трудовые ценности и невысокий достаток. В четвёртой группе снова представлены молодые работники, почти не верящие в прогресс, успех и в свои собственные силы. Они заняты как в гуманитарных, так и в технических областях, имеют различные квалификации, но не работают по полученным специальностям. В своей работе, в основном на малых предприятиях, они преследуют чисто карьерные цели, иные трудовые ценности у них абсолютно не выражены (мнения противоречат друг другу). Такие работники обладают неплохим достатком, но едва ли он заработан. Пятая группа собрала пессимистические мнения исключительно работников самой старшей возрастной группы. Это представители высококвалифицированной когорты работников наёмного труда, в основном в общественно значимых (но не в производственных) отраслях хозяйства. При том, что работники данной группы обладают достаточными доходами и ясно выраженными полезными трудовыми ценностями, они не считают, что страна движется в правильном направлении и цифровые технологии играют существенную роль в их жизни. Таким образом, можно констатировать достаточно высокую степень (моральной) готовности работающего населения к технологической модернизации в стране. Чтобы установки работников могли быть в большей степени связаны с развитием цифрового карьерного капитала, необходимо мобилизовать ресурсы государства, предприятий и организаций в сторону усиления компоненты цифрового капитала трудящихся в структуре оплаты труда и карьерного роста. Такие меры позволят работникам усилить прагматические мотивы, т. е. более внимательно относиться к повышению индивидуальной цифровой грамотности, ценить полученные навыки и знания, использовать их как конкурентные преимущества на рынке труда.

Заключение

Российская экономика продвигается по пути развития цифровых технологий, а современные трудовые процессы становятся намного более эффективными благодаря использованию разнообразных цифровых средств

труда. Но одновременно работа усложняется и требует привлечения всё большего числа высококвалифицированных специалистов, чей карьерный капитал должен включать существенную цифровую составляющую. В таких условиях работодатели и фирмы ужесточают требования к квалификации работников при найме за счёт востребованных цифровых компетенций. Обращает на себя внимание тот факт, что обе стороны рынка (работодатели и работники) не стремятся к ясному формулированию таких требований и стимулирующим их достижение практикам. Для работодателей требования по цифровой квалификации имеют значение при найме. Часто они даже намеренно завышают эти требования, чтобы иметь своего рода резерв в плане использования карьерного потенциала работников. Однако в труде цифровому капиталу работников придаётся намного меньшее значение. Работодатели не торопятся отправлять своих работников повышать цифровую квалификацию. С нашей точки зрения, причина этого часто связана с отсутствием активного продвижения цифровых технологий собственниками предприятий, частично из-за нежелания нести дополнительные издержки и риски, частично в результате уже доведённой до достаточного уровня цифровой техновооружённости производств.

У работников навыки и знания в области цифровых устройств и технологий образуются за счёт возраста и профессиональных программ обучения, в которых они принимают участие, а также на основе повседневного обращения (стихийно). Цифровой карьерный капитал наращивается в значительной степени вслед за профессиональной квалификацией работника и представляется вторичным. У работников не наблюдается мотивации к его приумножению с целью использования в труде и занятости. Причина этого заключается в отсутствии у трудового населения чёткого представления о своих профессиональных целях. Работники всё ещё очень далеки от понимания того, что цифровой капитал – это долгосрочное вложение в карьерное развитие, он лучше других трансформируется в экономический капитал, нуждается в постоянном воспроизводстве и может быть просто утерян в течение короткого промежутка времени.

Отсутствие понимания необходимости развития цифрового карьерного капитала естественным образом нивелирует любые стратегии в данном направлении. Оно происходит интуитивно и стихийно, по мере решения повседневных задач на уровне пользователей различного рода гаджетов и программного обеспечения. Наличие у трудящихся в основном только элементарных цифровых навыков и знаний существенно затрудняет технологические сдвиги в трудовых процессах, мешает росту производительности труда и трудовых доходов. Работающие не осознают, какие навыки и знания (кроме программирования и некоторых точечных интересов) можно и нужно развивать, а если и стремятся повысить свою квалификацию, то основная мотивация связана с повседневными интересами, а не с работой и её результативностью и качеством. Хотя большинство работающих лиц демонстрируют уверенность в «правильном» развитии экономики и в своих способностях соответствовать новому технологическому укладу, едва ли они осознают их как ценность и имеют возможность перевести её на язык доходов и карьерного раз-

вития. Поэтому необходимы усилия всех влиятельных субъектов в трудовой сфере – государства, работодателей, профсоюзов – по организации и управлению процессами капитализации и развития цифрового карьерного капитала российских работников.

Библиографический список

Гимпельсон В. Е. 2018. Возраст, производительность, заработная плата / Препринт WP3/2018/07. Серия WP3 Проблемы рынка труда. М.: ВШЭ. 66 с.

Рылько Е. Д. 2015. Насколько компетентны сегодня взрослые россияне // Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в РФ. М.: НИУ ВШЭ. 79 с.

Сизова И. Л., Хусяинов Т. М. 2017. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник СПбГУ. Социология. Т. 10. Вып. 4. С. 376–396. URL: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu12.2017.401>.

Хуторской А. В. 2002. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов // Доклад 23 апреля 2002 г. URL: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (Дата посещения: 05.09.2019).

Beblavэ, M., Fabo, B., Lenearts, K. 2016. Demand for Digital Skills in the US Labour Market: The IT Skills Pyramid. CEPS Special Report No. 154. December 2016. URL: https://www.ceps.eu/system/files/SR154%20IT%20Skills%20Pyramid_0.pdf (Дата посещения: 05.09.2019).

Berkelaar B. L., Buzzanell P. M. 2015. Online employment screening and digital career capital: Exploring employers' use of online information for personnel selection // Management Communication Quarterly. N 29(1). P. 84–113.

Bertaud A. 2014. Cities as Labor Markets // Marron Institute of Urban Management URL: http://marroninstitute.nyu.edu/uploads/content/Cities_as_Labor_Markets.pdf (Дата посещения: 05.09.2019).

Johns H. 2016. Digitalisierung der Arbeit und die Generation Y // Personal und Diversität. Schriftenreihe zur interdisziplinären Arbeitswissenschaft / A. Haunschild, G. Vedder (Hg.). Rainer Hampp Verlag, München u. Mering. S. 81–91.

Schoenefeld D., Hensel I., Koch J., Kocher E., Schwarz A. 2017. Jobs für die Crowds. Werkstattbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Interdisziplinäres Forschungsprojekt: "Koordination Selbstständiger Unselbstständigkeit. Erwerbsarbeit jenseits der Organisation im Internetzeitalter". Europa-Universität Viadrina. Viadrina Center, 2017. URL: www.borders-in-motion.de (Дата посещения: 05.09.2019).

Van Laar E., van Deursen, A. J., van Dijk, J. A., de Haan, J. 2017. The relation between 21st-century skills and digital skills: A systematic literature review // Computers in human behavior, №72. P. 577–588.

Zwischenbericht E. 2013. Arbeitsqualität und wirtschaftlicher Erfolg: Langsschnittstudie in deutschen Betrieben // Forschungs Kooperation des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales (BMAS). Berlin.

Статья поступила: 24.01.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Карапетын Рубен Вартанович, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры экономической социологии

Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии

Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Бакаев Максим Александрович, кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры автоматизированных систем управления

Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629

Current and Expected Parameters of Building Digital Competencies Among the Working Population

Ruben V. Karapetyan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: r.karapetyan@spbu.ru

ORCID Id: 0000-0002-8328-658X

Irina L. Sizova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

E-mail: sizovai@mail.ru

ORCID Id: 0000-0001-5656-0670

Maxim A. Bakaev

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

E-mail: maxis81@gmail.com

ORCID Id: 0000-0002-1889-0692

For citation: Karapetyan, R., Sizova, I., Bakaev, M. Current and expected parameters of building digital competencies among the working population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.629

Abstract. This article is devoted to issues associated with developing a digital economy in the Russian Federation, given a context where digital technologies are finding their way into the work process. The current discussions on “digitalization” increasingly emphasize there not being any alternative to mastering these technologies. With it being a condition of employment, the use of various digital products demands that workers immerse themselves into the digital environment, which, in turn, sets the course for developing digital competencies. For starters, based on the authors examining a sample of job openings, the digital competencies that are currently in demand on the labor market were determined, with them having to correspond with workplace equipment status. All devices and technologies currently used by Russian enterprises and organizations are presented as digital means of labor, while being divided into classes and groups. Together they constitute certain parameters which the authors used as a foundation for their research on the digital competencies of workers or their digital career capital. Then analysis was conducted of data from a telephone survey of working residents of Saint-Petersburg, in order to determine their motivations and priorities when it comes to developing digital competencies. The results attained from the study suggest that building digital capital is demanded by the labor market, and that it can (and should) be focused on the needs of Russia’s economy. In the meantime digital competencies among the working population mostly depend on workers’ qualification, their age and abundance of digital technology in their everyday life. The latter is just as critical a factor as the work environment when it comes to defining the algorithms of familiarizing

oneself with the products of the digital revolution. However, the population does not have a clear understanding on what digital knowledge and skills need to be acquired, while lacking the motivation to improve their skill set in this field. Employees often fail to see the opportunities offered by developing digital capital in the workplace. Regardless, most of them rightfully understand that changes in technology are inevitable and desirable, and that they need to be able to keep up. Hence this article analyzes, on one hand, the demand for digital competencies, shaped by the current situation on the labor market, and on the other hand – the motivations and expectations of the employees themselves in terms of possibilities for their use and further development. The results of the study allowed its authors to paint a comprehensive picture of the processes which bring the working population to enhance their digital competencies.

Keywords: social institutions, self-preserving behavior, health, self-preserving attitudes, personality, life expectancy

References

Beblavý M., Fabo B., Lenearths K. Demand for Digital Skills in the US Labour Market: The IT Skills Pyramid. CEPS Special Report, 2016: 154. Available at: https://www.ceps.eu/system/files/SR154%20IT%20Skills%20Pyramid_0.pdf [accessed: 05.09.19].

Berkelaar B. L., Buzzanell P. M. Online employment screening and digital career capital: Exploring employers' use of online information for personnel selection. *Management Communication Quarterly*, 2015: 29 (1): 84–113.

Bertaud A. Cities as Labor Markets. Marron Institute of Urban Management working papers, 2014: 2. Available at: http://marroninstitute.nyu.edu/uploads/content/Cities_as_Labor_Markets.pdf [accessed: 05.09.19].

Gimpelson V. E. Age, Productivity, Wages. Preprint WP3 2018/07 Serie WP3 Problemy rynka truda = The Problems of Labor Market. Moscow: NRU HSE, 2018 (In Russ.).

Hutorskoy A. V. Definition of general subject content and key competencies as a characteristic of a new approach to the construction of educational standards. Report 23.04.02. CDE Eidos Official website. Available at: <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm> [accessed: 05.09.19] (In Russ.).

Johns H. Digitalisierung der Arbeit und die Generation Y. Personal und Diversität. Schriftenreihe zur interdisziplinären Arbeitswissenschaft. Ed. by A. Haunschild, G. Vedder. Rainer Hampp Verlag, München univ. Mering, 2016: 5: 81–91 (In German).

Rylko E. D. How competent are adult Russians today. In: Results of the Program of International Assessment of Adult Competences (PIAAC) in the Russian Federation. Moscow: NRU HSE, 2015 (In Russ.).

Schoenefeld D., Hensel I., Koch J., Kocher E., Schwarz A. Jobs für die Crowds. Werkstattbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Interdisziplinäres Forschungsprojekt: "Koordination Selbstständiger Unselbstständigkeit. Erwerbsarbeit jenseits der Organisation im Internetzeitalter". Europa-Universität Viadrina. Viadrina Center, 2017 (In German).

Sizova I. L., Husjainov T. M. Labor and employment in the digital economy: problems of the Russian labor market. *Vestnik SPbGU. Sociologija = Saint-Petersburg University Bulletin*, 2017: 10 (4): 376–396 (In Russ.).

Van Laar E., van Deursen A. J., van Dijk J. A., de Haan J. The relation between 21st century skills and digital skills: A systematic literature review. *Computers in human behavior*, 2017: 72: 577–588.

Zwischenbericht E. Arbeitsqualität und wirtschaftlicher Erfolg: Langsschnittstudie in deutschen Betrieben. Erster. Forschungs Kooperation des Bundesministeriums für Arbeit und Soziales (BMAS). Berlin, 2013 (In German).

The article was submitted on: January 24.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ruben Vartanovich Karapetyan, Candidate of Economical Sciences, Associate professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Irina Leonidovna Sizova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia;

Maxim Bakaev, Candidate of Engineering Sciences, Associate professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан

Ссылка для цитирования: Адиев А. З. Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

For citation: Adiev, F. Z. The impact of internal and external migration on demography, economy and interethnic relations in the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

Адиев Асланбек Залимханович

Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия

Khalid_84@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [524594](#)

Аннотация. В статье¹ на основе данных экспертного опроса описываются и интерпретируются данные статистических наблюдений и результаты массового опроса, проведённого в Республике Дагестан с целью исследования региональных особенностей внутренней (внутристрановой) и внешней (зарубежной) миграции. Выявлено, что в массовом сознании жителей Республики Дагестан сложилось представление о региональных миграционных процессах, отражающее статистические данные, которые характеризуются механической убылью населения в рамках миграционного обмена с другими регионами в пределах страны и незначительным приростом численности трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Основными направлениями внутристрановой миграции дагестанцев представляются развитые в социально-экономическом плане столичный регион и города Западной Сибири. Материалы экспертного опроса позволяют содержательно интерпретировать особенности влияния фактора миграции на демографию, социально-экономическую и общественно-политическую сферу жизни в Дагестане. Устоявшееся в дагестанском обществе мнение о положительном воздействии фактора миграции на социально-экономическую обстановку в регионе, благодаря которому снижается напряжённость на местном рынке труда, дополняется мнением об отсроченных демографических рисках при сохранении данной тенденции: старение населения и спад рождаемости. Приток внешних мигрантов не вызывает пока в массовом сознании дагестанцев серьёзной обеспокоенности, а местное население проявляет высокую степень толерантности к внешним мигрантам. Обосновывается вывод, что толерантное и дружелюбное отношение к мигрантам связано

¹ Статья написана в рамках гранта РФФИ «Жизнь на фронтире: миграции и мобильности в приграничье» (№ 19-011-00768). Руководитель проекта А. В. Винокурова.

как с малочисленностью нетранзитных мигрантов в Дагестане, так и их социокультурной близостью с большинством народов Дагестана, являющихся этническими мусульманами. Тем не менее, запрос на осуществление государством мероприятий по социальной адаптации и культурной интеграции мигрантов (прежде всего по обучению мигрантов русскому языку и основам российского законодательства) существует и в привыкшем к этническому и конфессиональному многообразию дагестанском социуме.

Ключевые слова: внутренняя и внешняя миграция, отношение к мигрантам, толерантность, социальная адаптация, межэтнические отношения

В последние годы миграционные процессы представляются научному сообществу, политикам и широкой общественности как глобальная проблема, обострившая социально-политическую обстановку во многих странах мира. Эффект присутствия мигрантов порождает в обществах страхи, обусловленные обилием негативной информации. Усиление этнической и конфессиональной дифференциации, рост нагрузки на инфраструктуру и рынок труда создают предпосылки для конфликтов на бытовой и межэтнической почве в разных регионах России. Власти, учитывая эти риски, стараются увязывать миграционную политику с политикой гармонизации межэтнических отношений. В «Концепции миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»¹, утверждённой Указом Президента РФ в 2018 г. определено, что социальная и культурная адаптация иностранных граждан, связывающих своё дальнейшее будущее с РФ, должна происходить с учётом их национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения страны. Проблемы социальной адаптации и интеграции мигрантов рассматриваются социологами как на федеральном уровне, так и на уровне отдельно взятых регионов, безусловно имеющих свою специфику [Жириллова 2016; Дроздова 2017; Кузнецов, Фролова 2019]. Отдельное внимание исследователи уделяют вопросам интеграции внутренних иноэтнических мигрантов (особенно из республик Северного Кавказа), воспринимаемых в принимающих обществах как наиболее проблемные [Мукомель 2016].

Республика Дагестан (РД) в контексте внутренней (внутристрановой) миграции характеризуется как регион-донор. В РД, несмотря на механическую убыль, всё ещё растёт численность постоянного населения региона в силу положительного коэффициента естественного движения населения, что позволяет пока рассматривать сложившуюся миграционную ситуацию скорее как социальное благо, чем признак стагнации и упадка региона. Если анализировать исключительно внешнюю миграцию (с зарубежными странами), то её показатели, хоть и являются

¹ Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (Дата посещения: 12.12.2019).

небольшими по объёму, но всё же демонстрируют в последние годы механический прирост населения РД. Сложившийся тренд в миграционных процессах республики, характеризующийся стабильной убылью населения в пределах страны и приростом численности мигрантов из стран ближнего зарубежья, требует содержательного описания и интерпретации для формирования научно обоснованного представления о текущем состоянии внутренней и внешней миграции в республике и прогнозов в этой сфере на будущее.

Современные миграционные процессы в Дагестане описываются в работах местных авторов, как правило, посредством интерпретации статистических данных по республике в целом и в разрезе муниципальных образований в целях выявления закономерностей этого процесса [Абидов, Абдулманапов 2015; Шахбанова и др. 2015; Эфендиев 2016]. Но, несмотря на обилие научной литературы по данной теме, остаётся малоизученным общественное восприятие вопросов внутренней и внешней миграции в самой республике. Как, по оценкам жителей Дагестана, внутренняя миграция влияет на демографию и экономику республики, каковы ожидания её жителей в отношении внешних мигрантов, их влияния на экономику, межэтнические отношения и уклад жизни в Дагестане? Поиски ответов на поставленные вопросы не могут ограничиваться описанием статистических данных и требуют проведения социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую основу исследования составляют данные экспертного опроса, проведённого автором в октябре–ноябре 2019 г. со специалистами (экспертами) по вопросам миграции трёх категорий: управленцы, исследователи и представители этнокультурных общественных организаций (всего в опросе участвовало 30 экспертов). Данный вид опроса использован с целью получения качественных интерпретаций статистических данных по миграции и проверки результатов массового опроса, проведённого Региональным центром этнополитических исследований ДФИЦ РАН в 2019 г. по квотной выборке среди студентов всех шести государственных вузов РД, обучающихся по гуманитарным и техническим специальностям [Межэтнические отношения... 2019: 92–97]. Экспертный опрос осуществлялся индивидуально. После предварительной беседы о цели опроса специалисты самостоятельно заполняли анкету в присутствии анкетёра. Состав участников экспертного опроса охватывает основные категории специалистов, чья профессиональная и общественная деятельность связана с вопросами миграции и миграционной политики в РД. В качестве экспертов-управленцев выступили сотрудники Управления по вопросам миграции МВД по РД, специалисты из Отдела по социокультурной адаптации иностранных граждан и работе с соотечественниками Министерства по национальной

политике и делам религий РД, работники Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РД. Эксперты-исследователи и журналисты представлены научными работниками из Отдела воспроизводства населения и трудовых ресурсов Института социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ ДФИЦ РАН), Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН, Отдела социологии Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, а также обозревателями дагестанских негосударственных общественно-политических изданий и интернет-СМИ («Черновик», «Новое дело», «РИА-Дербент»). Эксперты-общественники были отобраны по уровню их компетентности и представляли региональные национально-культурные автономии, а также землячества иностранцев – трудовых мигрантов, проживающих в Дагестане.

Миграция и демография Дагестана

Влияние миграции на демографию, и прежде всего на рождаемость, всё больше интересует социологов, поскольку трудно переоценить практический смысл таких исследований в переживающих процесс депопуляции развитых странах мира. В России проводятся исследования, направленные на проверку устоявшихся в науке гипотез о влиянии миграции на рождаемость на примере практик рождаемости среди женщин – трудовых мигрантов из стран Средней Азии в различных регионах России [Казенин и др. 2019: 100–111]. В Дагестане, согласно статистическим наблюдениям, основным демографическим трендом является устойчивый естественный прирост населения (коэффициент которого за 2018 г. составил 10,8‰), хотя динамика последних лет характеризуется постепенным замедлением темпов роста этого показателя (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1 (Table 1)

Естественное движение населения Республики Дагестан, человек
Natural movement of the Republic of Dagestan's population (number of people)

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост, убыль (-)	Умершие в возрасте до одного года
2010	52 057	17 013	35 044	740
2015	54 867	16 188	38 679	661
2016	52 867	15 719	37 148	539
2017	50 174	15 473	34 701	451
2018	48 120	14 871	33 249	381

Таблица 2 (Table 2)

Общие коэффициенты естественного движения населения Республики Дагестан
Overall coefficients of natural movement of the people of the Republic of Dagestan

Годы	На 1000 человек населения			Число детей, умерших в возрасте до одного года, на 1000 родившихся живыми
	Родившихся	Умерших	Естественный прирост, убыль (-)	
2010	18,0	5,9	12,1	14,3
2015	18,3	5,4	12,9	12,0
2016	17,5	5,2	12,3	10,1
2017	16,4	5,1	11,3	8,9
2018	15,6	4,8	10,8	7,8

Как видно из представленных данных, население республики непрерывно растёт уже многие десятилетия. Ещё ни разу в постсоветском и современном Дагестане ежегодный показатель естественного движения населения не был отрицательным (т. е. не фиксировал убыль). Пик рождаемости за весь современный период приходится на 2012–14 гг., после чего наблюдается постепенный спад. Одновременно с этим наблюдается небольшое снижение смертности, в том числе и младенческой, что отражается на коэффициентах естественного движения населения. Но картина с народонаселением республики не будет полной без учёта показателей миграции, поскольку наблюдаемый рост численности постоянного населения республики происходит с учётом отрицательного сальдо миграции (см. таблицу 3).

Таблица 3 (Table 3)

Естественное движение населения и миграция в Республике Дагестан
с 2010 по 2019 гг., человек

*Natural movement of the population and migration in the Republic of Dagestan
from 2010 to 2019 (number of people)*

Годы	Родившиеся	Умершие	Естественный прирост / убыль (-)	Миграционный прирост / убыль (-)	Разница между естественным приростом и миграционной убылью
2010	52 057	17 013	35 044	-10 044	25 000
2011	54 646	16 872	37 774	-21 529	16 245
2012	56 186	16 642	39 544	-23 958	15 586
2013	55 641	16 258	39 383	-21 500	17 883
2014	56 888	16 491	40 397	-13 944	26 453
2015	54 867	16 188	38 679	-13 390	25 289
2016	52 867	15 719	37 148	-10 908	26 240
2017	50 174	15 473	34 701	-12 716	21 985
2018	48 120	14 871	33 249	-11 008	22 241

Анализ статистических данных о миграции за последние 10 лет позволяет констатировать устойчивую механическую убыль населения республики в количестве 11–13 тыс. чел. ежегодно. Основным показателем в сфере миграции представляется внутривнутристрановая миграционная убыль из Дагестана. Людские потоки из Дагестана ориентированы в более развитые регионы страны с лучшими социально-экономическими условиями. Кроме того, миграция из Дагестана идёт на территории с более низкой рождаемостью, чем в самой республике [Адиев, Бийжанова 2019: 173].

Мнение участников экспертного опроса о характере воздействия фактора миграции на демографическую обстановку в Дагестане хоть и базируется на единодушном восприятии основного тренда в этом процессе, фиксируемого данными статистики (устойчиво отрицательное сальдо), оказалось всё же двояким. Специалистами отмечается как положительный эффект от миграции, так и отрицательный. Одна часть экспертов отмечает положительное воздействие миграции на демографическую обстановку в регионе, аргументируя свой ответ исходом из республики нетрудоустроенного населения трудоспособного возраста, в основном молодёжи, что, по их мнению, снимает напряжённость на дагестанском рынке труда. Выраженный «молодёжный нарост» в возрастно-половой пирамиде структуры населения республики (самая многочисленная возрастная группа населения РД в 2019 г. – люди 25–29 лет) объясняет, по мнению экспертов, и высокие показатели безработицы, и сравнительно низкие заработные платы, и нехватку социальной инфраструктуры для обслуживания всё растущего постоянного населения региона. А в данном контексте, по их мнению, отрицательное сальдо миграции способствует снижению социальной напряжённости, вызванной естественным приростом населения.

Другая часть экспертов отмечает негативное воздействие миграции на демографическую обстановку в республике, ссылаясь на тот же тренд – исход нетрудоустроенной части населения в другие регионы страны. Они считают, что из-за отъезда нетрудоустроенной молодёжи в республике падает рождаемость, что подтверждается данными официальной статистики. Если в 2012–14 гг. рождаемость в республике в абсолютных цифрах была на уровне 56 тыс. чел. в год, то начиная с 2015 г. она падает (в среднем на 2 тыс. чел. ежегодно) и в 2018 г. составила уже чуть более 48 тыс. чел. Кроме того, в трудовой миграции участвуют в основном мужчины (по крайней мере, на начальном этапе), что, по мнению экспертов, влечёт осложнение их семейных отношений и снижает уровень рождаемости в Дагестане. По оценкам исследователей, в республике продолжится уменьшение общего прироста численности населения вследствие постепенного спада рождаемости и значительной миграционной убыли [Абидов, Абдулманатов 2015: 259].

В целом ответы участников экспертных интервью позволяют характеризовать воздействие на демографию миграционных процессов последних лет как стабилизирующее. Снижение рождаемости за счёт

оттока людей в репродуктивном возрасте в краткосрочной перспективе снимает социальную напряжённость в регионе. В результате ежегодных миграционных потерь в Дагестане существенно замедляются (примерно на 33%) темпы роста численности постоянного населения. Однако сохранение этих трендов в долгосрочной перспективе чревато возникновением структурных демографических проблем, связанных с повышением среднего возраста населения республики и увеличением нагрузки на трудоспособную часть жителей региона, доля которой в общей структуре населения будет постепенно уменьшаться.

Миграция и экономика Дагестана

Показатели миграции являются одним из важных индикаторов состояния социально-экономической сферы. Города и регионы, куда направлены людские потоки, представляются мигрантам экономически более развитыми и социально более комфортными, чем места их исхода. Если в первой половине 2000-х гг. в Дагестане преобладала внутриреспубликанская миграция с горных территорий в города и равнинные сельские районы РД, то с 2010-х гг. главные миграционные потоки имеют внешнюю направленность, в основном в столичный регион РФ и города Западной Сибири. Социально-экономическая отсталость обуславливает миграционный отток населения практически со всех муниципальных районов и городов Дагестана. В связи с этим влияние миграции на экономику региона большинством участников экспертного опроса оценивается положительно. Под воздействием миграционной убыли местного нетрудоустроенного населения, по их оценкам, снижается уровень напряжённости на рынке труда в трудоизбыточном регионе. Кроме того, *«отъезд приводит к переводу части заработанных средств родственникам в Дагестан и, как следствие, к увеличению потребительского спроса и развитию малого бизнеса»*, считает эксперт-общественник. Миграция, по распространённому среди экспертов мнению, помогает найти дагестанцам искомую работу за пределами республики. В большинстве случаев дагестанцы едут в те регионы и города, где у них уже кто-то есть, и они хорошо осведомлены о социальных и экономических преимуществах регионов прибытия по сравнению с родной республикой. Как отмечает эксперт из академического института, люди во многом понимают, куда уезжают, и имеют реалистичные социальные и экономические ожидания от своего переезда. Информация, интересующая мигрантов о регионе прибытия, распространяется, по мнению экспертов, через родственников и знакомых, которые транслируют личные позитивные примеры обустройства и заработка на новом месте.

Вместе с тем некоторые эксперты отмечают негативное воздействие внутристрановой миграции на экономику региона, поскольку уезжают не только низкооплачиваемые рабочие, но и дипломированные молодые специалисты, не сумевшие трудоустроиться в республике,

что воспринимается в массовом сознании как «утечка мозгов» и высококвалифицированных кадров из Дагестана. Следствием этих тенденций становится недостаток в самой республике специалистов разного профиля. *«Уезжают более квалифицированные кадры и талантливая молодёжь»*, – считает эксперт-общественник. Действительно, по данным опроса 2019 г., проведённого среди студентов дагестанских вузов, 36% респондентов планируют по окончании учёбы переехать на длительный срок или на постоянное место жительства из республики (19% – в другой регион России, а 17% – в другую страну) [Межэтнические отношения... 2019: 96]. Самое популярное направление для миграции у дагестанских студентов внутри страны – город Москва. Респонденты указывают также Санкт-Петербург, Ставрополь, Ростов-на-Дону, Астрахань. Среди зарубежных стран наиболее популярными для миграции представляются Турция, ОАЭ, США, Германия. Как считает эксперт из академического института, негативно оценивающий последствия миграции на экономику Дагестана, *«регион теряет население из-за оттока, а это влечёт снижение и потребления, и производства»*.

В целом влияние основного тренда внутривосточной миграции (отток из РД людей трудоспособного возраста) на экономику региона представляется положительным, поскольку способствует снижению уровня социальной напряжённости из-за высоких показателей безработицы. Вместе с тем пограничное положение Дагестана привлекает сюда мигрантов из ближнего зарубежья. Хотя абсолютное большинство внешних мигрантов находится в республике транзитно, имея конечным пунктом своего прибытия один из внутренних и экономически более развитых регионов России, в Дагестане тоже наблюдается их трудовая и деловая активность. Так, участники массового опроса среди дагестанских студентов ответили, что пользуются услугами трудовых мигрантов (61%). Наиболее распространёнными видами услуг, которые оказывали трудовые мигранты нашим респондентам, согласно результатам опроса, оказались ремонт жилья или ремонт автомобиля (30%). Далее по убыванию: услуги в магазинах, на рынках (22%); обслуживание в кафе, ресторанах (20%); уборка и благоустройство территории (16%); жилищно-коммунальные услуги (14%); общественный транспорт (13%); охрана жилья, парковок и прочего (9%); работа на даче, приусадебном участке (8%); работа по дому (5%) [Межэтнические отношения... 2019: 93].

Мигранты в Дагестане: эффект присутствия в экономике и общественно-политической сфере

По мере того, как люди становятся всё более пространственно мобильными, переезжают в другие страны, города и регионы в поисках работы и лучшего будущего, в обществах, принимающих мигрантов, возрастает запрос на социальную адаптацию и культурную интеграцию вновь

прибывающих носителей чужой (другой) этнокультурной идентичности. На протяжении последних лет миграционный процесс между Дагестаном и странами ближнего зарубежья, хоть и весьма скромный по размерам, имеет результатом незначительный механический прирост населения. Наибольший миграционный прирост населению республики дают потоки из Азербайджана и Узбекистана. Несмотря на то, что Дагестан является самым трудоизбыточным, по оценкам специалистов, регионом среди всех республик Северо-Кавказского федерального округа РФ, сюда прибывают трудовые мигранты в основном из стран Средней Азии и Закавказья для работы в таких секторах экономики, как строительство, торговля, сельское хозяйство, общепит. По данным Управления по вопросам миграции МВД по РД, в республику за первые десять месяцев 2019 г. въехало 583 201 иностранных граждан и лиц без гражданства, а выехали 193 920 чел. этой же категории. Вместе с тем на миграционный учёт за это время в Дагестане встали только 54 720 иностранцев (т. е. менее 10% от всех въехавших в республику)¹. Таким образом, абсолютное большинство (более 90%) прибывающих в республику иностранцев находятся в Дагестане транзитно, отправляясь дальше во внутренние регионы страны. За вычетом снятых с учёта за 2019 г. 37 720 иностранцев, к концу года на миграционном учёте в РД состояли только 19 269 мигрантов, что составляет 0,6% от трёхмиллионного населения РД.

В дискуссиях о мигрантах в принимающих обществах звучат разные мнения, но доминируют чаще всего суждения, выражающие обеспокоенность граждан усилением зависимости местной экономики от мигрантов и возрастанием их влияния на «привычный» старожилкам уклад жизни. Миграционная тематика освещается в СМИ зачастую односторонне, показывая примеры насилия и другие негативные последствия, а позитивная роль миграции порой остаётся без внимания. Такое освещение миграционной тематики, по мнению социологов, приводит к возрастанию в принимающем обществе негативного отношения к мигрантам [Мастикова 2019: 66]. Под влиянием криминальных новостей, транслируемых периодически по новостным ресурсам в сети интернет, телевидении и печатных СМИ, в которых упоминаются мигранты, в обществе формируется представление, что они чаще совершают преступления, чем местные жители. Как правило, общественный резонанс вызывают преступления, совершённые мигрантами в отношении местных жителей. Становясь достоянием широкой общественности, информация о таких преступлениях способна мгновенно мобилизовать огромные массы людей на ответные противоправные действия (погромы и массовые беспорядки), направленные против мигрантов. Неконтролируемая и незаконная миграция, зачастую нарушающая сложившийся в отдельных регионах и муниципальных образованиях этно-конфессиональный баланс населения, является фактором, порождающим протестные настроения в обществе.

¹ Общественный совет МВД Дагестана обсудил соблюдение миграционного законодательства // РИА Дагестан. URL: https://www.riadagestan.ru/news/security/obshchestvennyy_sovet_mvd_dagestana_obsudil_soblyudenie_migratsionnogo_zakonodatelstva/ (Дата посещения: 10.11.2019).

Определённый резонанс на муниципальном уровне вызвала в 2018–19 гг. деятельность местного сельхозпроизводителя – предпринимателя из Ногайского района РД, который занимался выращиванием овощей в теплицах с использованием нелегальных работников из Китая и привозимых ими химикатов неизвестного производства и состава. Как заявляли местные общественные активисты, возмущённые засильем мигрантов-нелегалов, производимые в этих теплицах овощи вредны для здоровья, а почва после обработки такими химикатами на десятилетия остаётся непригодной для использования. *«Наши люди знают, что там применяются неизвестные удобрения. Наши земляки, которые там работают, видят, что с выращиванием продукции что-то не так, потому что сегодня помидоры зелёные, а на завтра уже заказывают фуру, помидоры чем-то обрабатывают и они на второй день уже красные. Но ведь такое с нормальными овощами и ягодами не бывает, поэтому люди боятся, сомневаются в безвредности»*, – объяснял народное возмущение местный житель¹. В итоге Управлением по вопросам миграции МВД по РД были выдворены все нелегально находившиеся на территории района мигранты – 88 граждан Узбекистана и 40 граждан КНР².

Тем не менее одной из особенностей Дагестана как региона, принимающего мигрантов, является высокая степень толерантности местного населения к приезжающим, которая объясняется уникальной полиэтничностью республики. По данным массового опроса, проведённого среди студентов дагестанских вузов, 91,9% респондентов не испытывают неприязни по отношению к иностранным гражданам, мигрантам (лишь 8,1% отметили неприязнь). Большинство респондентов (68%) считают, что нет особых различий между мигрантами и местными жителями по уровню преступности. Мнение о том, что мигранты чаще совершают преступления, высказали только 8% опрошенных студентов.

Участники экспертного опроса объясняют толерантность дагестанцев к мигрантам из Средней Азии и Закавказья их социокультурной близостью, а также малочисленностью последних. Большинство экспертов уверено, что дагестанцам, как правило, не характерно неприязненное отношение к приезжим. По их мнению, жители республики доброжелательны к мигрантам, поскольку сами участвуют в трудовой миграции в пределах страны. *«В Дагестане общество проявляет высокую степень этнической и конфессиональной толерантности, потому что оно само полиэтнично»* – считает эксперт-преподаватель. *«Регион и без того многонациональный, и приезд мигрантов не влияет на отношение к ним местных жителей»*, – полагает эксперт-общественник. В целом по оценкам опрошенных специалистов, в Дагестане сформировалась благоприятная миграционная ситуация, характеризующаяся отсутствием у большинства местного населения нетерпимости к приезжим.

¹ Бутаев М. В Дагестане потребовали выгнать китайских рабочих из республики // URL: <https://riaderbent.ru/v-dagestane-potrebovali-vygnat-kitajskih-rabochih-iz-respubliki.html> (Дата посещения: 12.12.2019).

² Китайцы в Ногайском районе. 21.02.19 // YOUTUBE. URL: https://www.youtube.com/watch?v=vqANhf_5TKU (Дата посещения: 21.01.2020).

В целях выявления доминирующих в дагестанской общественности суждений о мигрантах и их воздействии на привычный уклад жизни, участникам экспертного опроса предлагалось оценить влияние миграции на социально-политическую сферу жизни в регионе. В оценках фактора внешней миграции среди экспертов утвердилось мнение, что этот фактор положительно влияет на качество сферы услуг (в частности наблюдается рост количества ресторанов и кафе со среднеазиатской и кавказской кухней). Миграция, по мнению эксперта-журналиста, *«укрепляет экономические связи, увеличивает выбор товаров и услуг, а также приводит к нормальной конкуренции»*.

Вместе с тем часть опрошенных специалистов отметили и отрицательное воздействие миграции, которая, по их мнению, негативно отражается на доходах местного населения, занятости и безработице из-за конкуренции на рынке труда с трудовыми мигрантами из стран Средней Азии и Закавказья. Помимо этого, как считают опрошенные эксперты, миграция способствует увеличению нагрузки на социальную и транспортную инфраструктуру городов республики, а также способна повысить уровень преступности в регионе. При этом достаточно популярным оказалось и противоположное мнение, согласно которому в Дагестане вообще не ощущается влияния фактора внешней миграции на социально-политическую и экономическую сферы жизни. Таким образом, приток в республику иностранной рабочей силы в нынешних объёмах не вызывает серьёзной обеспокоенности у большинства опрошенных экспертов.

Эксперты склонны думать, что трудовая миграция иностранцев в Дагестан необходима в тех отраслях, где приезжие рабочие находят себе применение. По сложившимся представлениям, иностранная рабочая сила востребована из-за неразвитости экономики региона. Сформировавшийся региональный рынок труда, по мнению эксперта из академического института, не отвечает экономическим запросам местных трудовых ресурсов, ориентированных на высокую оплату труда и гарантии социальной защиты, в поисках которых многие дагестанцы выезжают в экономически более развитые регионы страны.

Большинство опрошенных экспертов пока не ожидают в РД обострения конкуренции за рабочие места между дагестанцами и приезжими, поскольку последние занимают непопулярные у местного населения ниши в различных секторах региональной экономики. К тому же трудовые мигранты заняты, как правило, в тех сферах экономики, которые предполагают формирование новых рабочих мест не в бюджетных, а в коммерческих организациях. Кроме того, избегать серьёзных конфликтных ситуаций с местными жителями внешним мигрантам удаётся благодаря выработанной у них неконфликтной позиции, направленной на минимизацию столкновений их экономических интересов. Так, представитель узбекской общины в Дагестане, работающий в строительной сфере (внутренние отделочные работы в жилых помещениях), отметил, что в его бригаде есть негласная установка не браться за те объекты, в которых до их прихода работали местные строительные бри-

гады. Рабочий объясняет наличие такого неформального правила тем, что заказчики отделочных работ зачастую, будучи недовольными качеством, скоростью или ценой выполняемых местными мастерами работ, расторгают с ними договор (как правило, устный) и обращаются к услугам мастеров-мигрантов, рассчитывая на этом сэкономить, что может вызвать конфликтную ситуацию между местными и приезжими рабочими. Кроме того, по словам того же респондента, они стараются выбирать в качестве строительного объекта те помещения, где ещё не проводились никакие отделочные работы, чтобы не отвечать за ошибки и некачественную работу предыдущих мастеров, ссылаясь на которые, заказчики услуг порой не хотят выплачивать всю сумму по договору.

Фактор внешних мигрантов не влияет на межэтнические отношения в Дагестане, поскольку их количество в республике остаётся незначительным. Кроме того, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья сравнительно близки дагестанцам по менталитету. *«Дагестан так многонациональная республика; из-за того, что приедет человек ещё какой-то национальности, никак не отразится на межнациональных отношениях»*, – считает эксперт-общественник. Эксперты отмечают и положительное воздействие миграции на межэтнические отношения в республике, поскольку она способствует взаимообогащению культур. Такое же значение придаётся большинством экспертов и влиянию миграции на религиозные отношения в Дагестане, т. к. мигранты профессионально близки большинству дагестанцев. *«Приезжают в основном мусульмане»*, – мнение эксперта-преподавателя. Однако они не исключают негативного влияния миграции на религиозные отношения в Дагестане из-за рисков приезда в республику эмиссаров радикальных религиозных течений, что имело место в недавнем прошлом.

Почти все опрошенные нами специалисты уверены, что в Дагестане нет отдельных районов или кварталов, контролируемых мигрантами-иностранцами. По единодушному мнению участников опроса, в Дагестане невозможно формировать мигрантские анклавов, этого не допустят ни местное население, ни органы полиции.

Оценивая влияние внешней миграции на привычный уклад жизни и культуру местного населения, эксперты не чувствуют такого воздействия, считая, что культура народов Дагестана, которая складывалась веками, не может поменяться за несколько лет. *«Местное население неохотно примет чужую культуру»*, – считает эксперт-общественник. Большинство экспертов отмечает позитивное воздействие внутренней миграции на привычный уклад жизни и культуру *«из-за опыта проживания дагестанцев за пределами республики, где они видят высокую культуру социального поведения»*. Кроме того, часть экспертов, оценивая влияние фактора миграции на культурную сферу и привычный уклад жизни местного населения, учитывают особенности внутриреспубликанской миграции, динамично меняющей этнический состав населения равнинных муниципальных районов и городов Дагестана. В частности, эксперт-общественник из г. Кизляра считает, что продолжается отъезд

русского населения из северной части РД, что болезненно воспринимается и руководством республики. Но меры властей, направленные на поощрение возвращения в республику русского населения, остаются малоэффективными. Основными причинами оттока русского населения из Дагестана, согласно устоявшимся в массовом сознании дагестанцев представлениям, являются повышенная конфликтность межэтнических и конфессиональных отношений в СевероКавказском макрорегионе, рост религиозной нетерпимости в контексте возрождения ислама, закрытие промышленных предприятий региона, где в основном трудились русские в советский период [Шахбанова и др. 2015: 158–159].

Несмотря на социокультурную близость внешних мигрантов из стран Средней Азии и Закавказья местному населению республики, эксперты отмечают необходимость проведения в регионе мероприятий по адаптации и интеграции иностранных мигрантов. Из предложенных в анкете направлений работы в этой сфере больше всего необходимы мероприятия по обучению мигрантов русскому языку и основам российского законодательства. Немаловажным эксперты считают также обучение мигрантов правилам поведения в дагестанском обществе.

По оценкам опрошенных специалистов, в Дагестане более актуальны мероприятия по адаптации и интеграции иностранных мигрантов, чем внутрироссийских, что объясняется отсутствием миграционных трендов из других регионов страны в республику.

Заключение

Обобщая результаты проведённого исследования, необходимо отметить существенное влияние на демографическую и социально-экономическую сферу жизни внутренней (внутристрановой) миграции, проявляемой механической убылью населения в Дагестане в пределах 11–13 тыс. чел. ежегодно, что отражается на численности постоянного населения региона, вызывая замедление его роста. Отток молодёжи и людей репродуктивного возраста влечёт за собой снижение рождаемости в Дагестане, что воспринимается экспертами позитивно в краткосрочной перспективе, однако в более отдалённом будущем сохранение этого тренда станет причиной структурных демографических сдвигов, связанных со старением населения республики.

Исследование экспертного мнения о влиянии фактора внешней миграции на демографическую, социально-экономическую и общественно-политическую сферы жизни в РД показало, что в регионе сложилась благоприятная миграционная ситуация, характеризующаяся отсутствием мигрантских анклавов и высоким уровнем терпимости к иностранцам со стороны местных жителей. Общая лояльность к этнической и конфессиональной идентичности мигрантов проявляется как закономерная и выработанная социальная установка, присущая жителям Дагестана как полиэтнического региона. Основным трендом внешней миграции в регионе является транзитное перемещение (как въезд, так и выезд) иностранцев через респу-

блику, что связано с приграничным положением Дагестана. Жители республики осознают незначительность масштабов притока в РД внешних нетранзитных мигрантов. Незначительное число внешних мигрантов существенным образом не влияет на социальное и экономическое самочувствие жителей республики, на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе. В виду малочисленности мигрантов, состоящих на учёте в самой республике, а также из-за их социокультурной близости к народам Дагестана, задачи по адаптации и интеграции этих иностранцев не стоят в республике остро, хотя общественностью осознаётся необходимость социальной адаптации мигрантов, прежде всего – повышение уровня владения русским языком.

Дальнейшие исследования воздействия фактора внутренней и внешней миграции на демографическую, социально-экономическую и общественно-политическую сферы жизни в регионе должны быть направлены на изучение муниципальных (территориальных) особенностей миграционного процесса в разрезе его этнодемографических характеристик. Также возрастает значимость изучения факторов рождаемости среди внутренних и внешних мигрантов, социологические знания о которых позволят осуществлять научно обоснованное прогнозирование развития региона.

Библиографический список

Абидов М. Х., Абдулманапов П. Г. 2015. Современная миграционная картина Республики Дагестан // Современные проблемы науки и образования. № 2. С. 259–267.

Адиев А. З., Бийжанова Э. К. 2019. Миграционные процессы и демографический ресурс Дагестана: динамика и муниципальные особенности // Власть. Т. 27. № 6. С. 172–178. DOI:10.31171/vlast.v27i6.6847

Дроздова Ю. А. 2017. Социальный ресурс национальных диаспор в адаптации и интеграции мигрантов в полиэтничном регионе // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 6. С. 82–96. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.05.

Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С., Варшавер Е. А., Рочева А. Л. 2019. Рождаемость среди иностранных трудовых мигрантов в России и влияющие на нее факторы (анализ данных опроса) // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 100–111. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10007

Кириллова А. И. 2016. Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов // Социологические исследования. № 2 (382). С. 119–128.

Кузнецов И. М., Фролова Е. В. 2019. Интеграция мигрантов в общественном мнении жителей Республики Татарстан // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). № 1. Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). С. 74–87. DOI: 10.19181/inab.2019.1.6

Мастикова Н. С. 2019. Отношение к мигрантам и привносимым ими изменениям: оценки россиян и европейцев // Вестник Института социологии. Том 10. № 4. С. 55–71. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.604

Межэтнические отношения и миграционная ситуация накануне Всероссийской переписи населения в регионах Северо-Кавказского федерального округа. Научное монографическое издание / Отв. ред. М. А. Аствацатурова. Пятигорск: ПГУ, 2019. 135 с.

Мукомель В. И. 2016. Проблемы интеграции внутрироссийских иноэтничных мигрантов // Социологические исследования. № 5. С. 69–79.

Шахбанова М. М., Лысенко Ю. М., Мамараев Р. М. 2015. Этническое самочувствие и этническое поведение дагестанских русских // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3 (43). С. 155–164.

Эфендиев И. И. 2016. Вопросы регулирования трудовой миграции населения Дагестана // Апробация. № 6 (45). С. 24–25.

Статья поступила: 03.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, учёный секретарь, Региональный центр этнополитических исследований, Дагестанский научный центр РАН, Махачкала, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

The Impact of Internal and External Migration on Demography, Economy and Interethnic Relations in the Republic of Dagestan

Aslanbek Z. Adiev

Regional Centre of Ethnopolitical Research DFRC RAS, Makhachkala, Russia

E-mail: Khalid_84@mail.ru

ORCID Id: 0000-0003-4459-7462

For citation: Adiev, F. Z. The impact of internal and external migration on demography, economy and interethnic relations in the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P..... DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

Abstract. This article, based on data from an expert survey, describes and interprets data from statistical observations together with the results of a mass survey conducted in the Republic of Dagestan, which was undertaken in order to study the regional characteristics of internal (within the country) and external (international) migration. It was discovered that regional migration processes, as perceived by the masses in Dagestan, reflect the statistical data, which shows a mechanical decline in the population due to a migratory exchange with other regions within the country, as well as a minor influx of migrant workers from nearby foreign countries. The main directions of internal migration for Dagestan's residents appear to be highly developed in terms of their socio-economic situation regions such as Moscow and the cities of West Siberia. The material from the expert survey allows for meaningfully interpreting the characteristics of how such a factor as migration affects the demographic, socio-economic and sociopolitical aspects of life in Dagestan. Dagestan's people's firmly established outlook on the positive influence of migration on the region's socio-economic situation, which supposedly decreases tension on the local labor market, is complemented

by a notion that preserving such a tendency would create demographic risks in the long term such as aging of the population and a decrease in the birthrate. The majority of Dagestan's residents are not yet concerned with the influx of immigrants, with the local population showing a high degree of tolerance in regards to external migrants. The article argues that such a tolerant and friendly attitude towards migrants has to do with both the modest amount of non-transit migrants in Dagestan and the fact that they tend to be similar to most peoples of Dagestan in terms of their socio-cultural profile, them being ethnic Muslims. Regardless, the demand for the government to implement measures aimed at the social adaptation and cultural integration of migrants (mainly teaching said migrants the Russian language and basic information on Russian legislation) is present even in Dagestan's society, which is accustomed to ethnical and confessional diversity.

Keywords: internal and external migration, attitude towards migrants, tolerance, social adaptation of migrants, interethnic relations

References

Abidov M. Kh., Abdulmanapov P. G. The modern migration picture of the Republic of Dagestan. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern problems of science and education, 2015: 2: 259–267 (In Russ.).

Adiev A. Z., Biyzhanova E. K. Migration processes and demographic resource of Dagestan: trends and municipal features. *Vlast'* = Power, 2019: 6: 172–178 (In Russ.).

Drozdova Yu. A. Social resource of ethnic diasporas in migrants' adaptation and integration in a multiethnic region. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes, 2017: 6: 82–96. doi: 10.14515/monitoring.2017.6.05 (In Russ.).

Efendiev I. I. Issues of regulation of labor migration of the population of Dagestan. *Aprobaciya* = Testing, 2016: 6 (45): 24–25 (In Russ.).

Interethnic relations and migration situation before the all-Russian census in the regions of the North Caucasus Federal District. Ed. by M. A. Astvatsaturova. Pyatigorsk, PSU, 2019: 135 (In Russ.).

Kazenin K. I., Kozlov V. A., Mitrofanova E. S., Varsaver E. A., Rocheva A. L. Fertility among foreign labor migrants in Russia and factors influencing it (analysis of the survey data). *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk* = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2019: 1: 100–111. DOI: 0.24411/2073-6487-2019-10007 (In Russ.).

Kirillova A. I. Involvement in religious practices as a factor in the integration of migrants. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological studies, 2016: 2 (382): 119–128 (In Russ.).

Kuznetsov I. M., Frolova E. V. Integration of migrants in the public opinion of residents of the Republic of Tatarstan. *Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic relations in the republics of the Russian Federation: an example of Tatarstan and Sakha (Yakutia)*, 2019: 1: 74–87. doi:10.19181/inab.2019.1.6 (In Russ.).

Mastikova N. S. Attitudes towards migrants and the changes they bring, in assessments of Russians and Europeans. *Vestnik instituta sotziologii* = Bulletin of the Institute of Sociology, 2019: 4: 55–71. doi:10.19181/vis.2019.31.4.604 (In Russ.).

Mukomel V. I. Problems of integration of Russian internal migrants of another ethnicity. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological studies, 2016: 5: 69–79 (In Russ.).

Shakhbanova M. M., Lysenko Yu. M., Mamaraev R. M. Ethnic Well-being and Ethnic Behavior of Dagestan Russians. *Vestnik Instituta istorii, arheologii i jetnografii* = Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography, 2015: 3: 155–164 (In Russ.).

The article was submitted on: December 03.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adiev Aslanbek Zalimkhanovich, Candidate of Political Sciences, Scientific secretary of the Regional Centre of Ethnopolitical Research, Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630

Женщины-инженеры в российской ракетно-космической отрасли

Ссылка для цитирования: Подольская А. А. Женщины-инженеры в российской ракетно-космической отрасли: карьерные стратегии советского и постсоветского поколения // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 151–168. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.632

For citation: Podolskaya, A. A. Women engineers in the Russian rocket and space industry: career strategies of the Soviet and post-Soviet generation. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 151–168. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.632

Подольская Анна Александровна

Национальный исследовательский университет,
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

annas.podolskaya@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [956434](#)

Аннотация. В статье рассматриваются типы карьеры женщин в высокотехнологичных отраслях экономики России на примере ракетно-космической отрасли (РКО) и причины выбора женщинами инженерно-технических направлений образования, а впоследствии карьеры в РКО. Теоретическую рамку исследования¹ составили работы зарубежных и российских авторов, посвящённые изучению понятия и типов карьеры, а также занятости женщин в инженерных профессиях. Эмпирическая база – 33 полуструктурированных интервью с женщинами-инженерами: специалистами «советского» поколения и теми, кто начал свой трудовой путь после распада СССР. Было сделано предположение о том, что профессия инженера РКО для советского поколения женщин воспринималась как одна из востребованных профессий, интерес к ней объяснялся «романтикой космоса», желанием поучаствовать в чём-то важном для страны, в то время как для современного поколения инженеров на первый план выходят более прагматические аспекты, такие как престижность и востребованность технического образования, возможность работать на государственном предприятии, предоставляющем пакет социальных гарантий. В работе показано, что предположение подтвердилось частично. Среди причин выбора профессии у советского поколения женщин-инженеров преобладали искренний интерес к космосу, «романтика профессии», возможность заниматься полезным для страны делом и «династийность», которая в ряде случаев была важнее, чем желание респондента. Среди постсоветского поколения инженеров определяющим в выборе профессии стали способности к точным наукам, возможность получения высшего инженерного образования, востребованность профессии на рынке труда, в то время как «династийность»

¹ Исследование проведено автором в процессе подготовки кандидатской диссертации. Научный руководитель к. соц. н., доцент НИУ ВШЭ Савинская О. Б.

являлась скорее сопутствующим аспектом. Современные девушки в первую очередь ориентировались на личные предпочтения при выборе образования, а в последствии и сферы деятельности. При этом для них, как и для старшего поколения, при выборе места работы особое значение имела история предприятий. Наиболее часто выбираемым типом карьеры как для старшего, так и для молодого поколения инженеров является «квалификационный» тип карьеры. При этом популярно сочетание «квалификационного» и «научно-исследовательского» типов карьеры, тогда как сочетание «квалификационного» и «должностного» типов характерно для работников предприятий ракетно-космической отрасли в меньшей степени. Не характерными для респондентов оказались такие типы карьеры, как «монетарная» и «исполнительная».

Ключевые слова: STEM, женщины-инженеры, ракетно-космическая отрасль, типы карьеры женщины-инженера

В последние годы в связи с быстрым развитием высокотехнологичного сектора экономики всё большую популярность среди исследователей приобретают вопросы, связанные с особенностями построения и развития карьеры. Ключевым для успешного её изучения и связанных с нею аспектов является отрасль деятельности человека, так как она во многом определяет варианты развития карьеры и открывает те или иные возможности для профессиональной реализации индивида. В данной работе акцент сделан на изучении особенностей карьеры в одной из лидирующих в России высокотехнологичных отраслей – ракетно-космической (РКО).

Выбор отрасли для исследования был обусловлен её значимостью для страны: по итогам 2016 г. Россия занимает третье место среди крупнейших космических держав, уступив США и Китаю¹. О важности ракетно-космической отрасли для государства говорит значительный объём финансовых вложений в её исследования и разработки (ИР). В 2015 г. на развитие транспортных и космических систем было потрачено наибольшее количество средств (219,2 млрд руб.) среди приоритетных направлений развития науки, технологий и техники: более трети всех затрат на ИР по приоритетным направлениям (34,9%). Для сравнения, на обеспечение энергоэффективности и энергосбережения на ядерную энергетику было израсходовано 86,3 млрд руб. (13,7%) [Ратай и др. 2016: 1].

Ещё одной весомой причиной для изучения карьеры специалистов РКО стала широкая востребованность инженерных кадров в России, в частности, по направлению *авиационная и ракетно-космическая техника*. В 2018 г. оно занимало пятое место среди направлений с наибольшим количеством бюджетных мест. На подготовку таких специалистов было выделено 3,3 тыс. бюджетных мест².

¹ Космическая отрасль // Тематическое приложение к ежедневной деловой газете РБК 12 апреля 2017 года.

² Как поступить? // Российская газета, 2018. № 7505 (42) URL: [http://file.magzdb.org/ul/4485/Российская%20газета%202018-42%20\(7505\)%2027.02.2018.pdf](http://file.magzdb.org/ul/4485/Российская%20газета%202018-42%20(7505)%2027.02.2018.pdf) (Дата посещения: 5.02.2019).

Несмотря на значимость отрасли для государства и высокий спрос на инженеров этой специальности в России, как и во многих странах, существует статистически подтверждённая проблема *«гендерного неравенства»* в инженерных профессиях. Например, по данным Росстата, в 2018 г. в категории работников высшего уровня квалификации в возрасте от 15 лет и старше среди специалистов в области науки и техники 2191 тыс. человек составляют мужчины и 971 тыс. – женщины. В одной из востребованных сегодня сфер «информационно-коммуникационные технологии» (ИКТ) в 2018 г. было занято 746 тыс. мужчин и 158 тыс. женщин (среди специалистов высшего уровня квалификации)¹.

Что касается данных конкретно по РКО, то средняя численность работников Государственной корпорации «Роскосмос» и её организаций составила в 2018 г. 189,5 тыс. человек. Из них 55% – мужчины и 45% – женщины. Средний возраст работников составил 45,1 года².

Необходимо отметить, что детальной информации о работниках инженерных специальностей в РКО нет. Если говорить о предприятиях, то в открытых отчётах представлены данные только по возрастным группам работников. Например, в 2018 г. средняя численность персонала в РКК «Энергия» составила 7517 человек. Из них 2013 работников имели возраст от 51 до 60 лет; старше 61 года – 1756 человек, а численность работников до 30 лет составила 960 человек. Важно, что средний возраст работников РКК «Энергия» в течение последних лет оставался стабильным и составил в 2018 г. 48 лет³, что подтверждает важность внимания к работникам старших возрастных групп при рассмотрении вопросов карьеры в РКО.

Получение статистики работников по полу затруднено, так как большинство предприятий закрыты для свободного посещения. Однако о большей численности мужчин в отрасли говорит то, что в 2015 г. в России доля мужчин среди выпускников вузов по специальности *авиационная и ракетно-космическая техника* составила 84%, а женщин, соответственно, 16%, включая бакалавров, специалистов и магистров⁴. Все приведённые выше данные позволяют косвенно подтвердить наличие *гендерного неравенства* в РКО и подчеркнуть противоречивость ситуации, когда при высоком спросе на инженеров гендерное неравенство остаётся существенным. Важность проблемы осознаётся в масштабе государственной политики РФ. Согласно «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», «несмотря

¹ Занятое население по полу и группам занятий на основной работе // URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/tab_trud11-okz.htm (Дата посещения: 5.02.2019).

² Годовой отчёт Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» за 2018 год. 85 с. С. 50. URL: <https://www.roscosmos.ru/media/img/2019/august/godovoi.otcet.goskorporazii.roscosmos.2018.g.pdf> (Дата посещения: 5.02.2019).

³ Годовой отчёт публичного акционерного общества «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва» за 2018 год. 201 с. С. 37-38. URL: https://www.energia.ru/ru/disclose/areports/areports_2018.pdf (Дата посещения: 5.02.2019).

⁴ Женщины и мужчины России 2016. Стат. сб. М: Росстат, 2016. 208 с.

на значительную часть высококвалифицированных кадров среди женщин, их научный и интеллектуальный потенциал используется не в полной мере»¹. В результате женщины недостаточно интегрируются в рынок труда, связанный с новым технологическим укладом, и не всегда могут участвовать в инновационном развитии страны, что ведёт к сохранению разницы в доходах женщин и мужчин.

Цель данной статьи – на примере РКО показать, существует ли проблема гендерного неравенства на предприятиях данной сферы и как можно её объяснить. Рассмотреть, что для женщин является определяющим при выборе инженерных профессий, как они воспринимают свою работу на предприятиях, какова её специфика, какой тип карьеры предпочитают женщины-инженеры? Это позволит нам понять реальную ситуацию на предприятиях и учесть как позитивные, так и негативные моменты в профессиональной жизни женщин-инженеров, что в свою очередь может способствовать привлечению в отрасль новых кадров в связи с высокой эффективностью женщин в выполнении точной и кропотливой инженерной работы.

Занятость женщин в точных науках часто попадает в фокус российских исследований. Например, в последние годы исследователи фокусируются на том, как гендерная сегрегация на рынке труда формирует карьерные ожидания в STEM-областях среди подростков [McDaniel 2016]. Е. А. Савостина и её коллеги обращают внимание на то, что в российском образовании утвердилась тенденция деления профессий на «мужские» и «женские» с различием в зарплате в пользу мужских профессий [Савостина и др. 2017: 35]. Е. А. Михайлова, анализируя данные опроса ВЦИОМ, проведённого в 2016 г., обращает внимание на то, что высокотехнологичные сферы остаются одними из труднодоступных для профессиональной реализации женщин. Так, 60% россиян считают, что технические специальности больше подходят мужчинам. Более того, 73% россиянок не рассматривают женщину как активного участника инновационной деятельности. По мнению автора, это сказывается на моделях профессионального поведения [Михайлова 2016: 33–34].

Несмотря на то, что вовлечённость женщин в STEM-отрасли² изучается достаточно широко, в настоящее время практически нет работ, посвящённых женщинам, работающим на предприятиях в высокотехнологичных отраслях экономики, и вопросам развития их карьеры.

В нашем исследовании рассмотрен ряд вопросов, позволяющих проиллюстрировать особенности карьеры женщин-инженеров двух поколений: «советского», старшего поколения инженеров, чья трудовая деятельность началась до распада СССР, и молодого поколения, пришедшего на рынок труда уже после этого события:

¹ Национальная стратегия действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017–2022 годы // Официальный сайт правительства России URL: <http://government.ru/docs/26698/> (Дата посещения: 5.02.2019).

² В зарубежных исследованиях для обозначения инженерно-технических наук часто используется английская аббревиатура STEM – наука (S – science), технология (T – technology), инжиниринг (E – engineering), математика (M – mathematics).

1. Каковы предпосылки и причины выбора женщинами двух поколений инженерно-технических направлений образования, а впоследствии – карьеры в РКО?

2. Чем является для работников отрасли профессия «инженер РКО»?

3. Каковы типы карьеры, которые предпочитают женщины-инженеры РКО?

Данные вопросы необходимо рассмотреть в первую очередь для того, чтобы понять и проанализировать, изменилось ли отношение женщин к профессии инженера РКО и отношение к ней в обществе. Это позволит учитывать как позитивные, так и негативные факторы, наиболее значимые для профессиональной реализации женщин в отрасли. В свою очередь полученные знания позволят найти конструктивные подходы к привлечению новых специалистов-женщин в эту отрасль.

В ходе исследования было выдвинуто *предположение*, что профессия инженера РКО для советского поколения женщин воспринималась как одна из востребованных профессий, интерес к ней объяснялся «романтикой космоса», желанием поучаствовать в чём-то важном для страны, в то время как для современного поколения инженеров на первый план выходят более прагматичные аспекты, такие как престижность и востребованность технического образования, возможность работать на государственном предприятии, предоставляющем пакет социальных гарантий.

Субъективный подход к изучению карьеры женщин в высокотехнологичных отраслях экономики

Профессиональная карьера является одной из самых изучаемых тем среди специалистов различных отраслей. Существует множество подходов к её изучению. Один из самых популярных – субъективный, в котором акцент делается на удовлетворённость индивида своей карьерой. Исследователи, придерживающиеся данного подхода, выделяют понятие «*субъективная карьера*». Так, ещё Р. А. Стеббинс отметил, что значимость субъективного подхода в том, что он позволяет дополнить объективные причины при построении карьеры; например, на изначальные предрасположенности человека могут повлиять различные ситуации в окружающей человека социальной среде [Stebbins 1970: 42].

Д. Т. Холл и Д. Е. Чандлер показывают, что успешная карьера по объективным критериям не всегда *воспринимается как успешная самим индивидом* [Hall, Chandler 2005: 156]. В данной работе рассматриваются мнения респондентов о своей карьере, поэтому в соответствии с субъективным подходом в первую очередь сконцентрируемся на личном, *субъективном опыте* информантов.

Под *карьерой* понимается *непрерывный процесс становления и развития индивида в профессиональной сфере. Карьера индивида взаимосвязана как с внутренними факторами (желание, способность к той или иной деятельности), так и с внешними (социальное окружение, современные тренды, доступность реализации своих карьерных планов, уровень востребованности в обществе того или иного вида деятельности).*

В последние несколько лет тема занятости женщин в STEM-отраслях широко изучается как российскими, так и зарубежными исследователями. Одним из самых изучаемых аспектов остаётся обеспечение одинаковой доступности работы в инженерных сферах для мужчин и женщин. Гендерный аспект здесь по-прежнему остаётся одним из ключевых, так как он во многом определяет поведение, ожидаемое от мужчин и женщин, в том числе и в профессиональной сфере.

И. М. Козина отмечает, что на «*гендерный образ профессии*» оказывают влияние традиционные стереотипы, присущие как работникам, так и работодателям/нанимателям. Кроме того, гендерные стереотипы влияют на мотивацию работников и уровень их притязаний [Козина 2002: 127].

Зарубежные исследователи показывают, что для профессионального становления и последующей работы в инженерно-технических сферах девушкам-студенткам технических вузов показателен пример успешной реализации в профессии [Dasgupta, Stout 2014]. Высокая значимость наглядного примера успешной профессиональной реализации женщин в STEM-отраслях во многом объясняется стереотипами, сложившимися в обществе. Поэтому для привлечения женщин-инженеров в первую очередь важно показать заинтересованность в них и со стороны государства, со стороны конкретных предприятий.

Что касается советского опыта, то работа женщин в инженерно-технических специальностях в СССР во многом объясняется образовательной политикой СССР, создавшей для женщин благоприятные условия для поступления в высшие учебные заведения [Будник 2015: 39].

Не менее важным является понимание ориентаций, первостепенных для женщин в карьере, в соответствии с которыми они будут проявлять то или иное профессиональное поведение. Поэтому изучение данного аспекта необходимо для реального понимания потребностей женщины и возможности создания и корректировки социальных мер на предприятиях.

Исследователи обращают внимание на то, что для женщин в их карьерных установках наибольшую ценность имеют самореализация в профессии, обретение экономической стабильности, а не получение с её помощью власти [Силласте 2004: 123]. Отсутствие женщин в высшем руководстве предприятий может быть обусловлено не только стереотипами, но и барьером между топ-менеджментом и остальными работниками предприятия. Суть этого явления описана М. Г. Бурлуцкой [Бурлуцкая 2011: 74].

Что касается непосредственно типов карьеры, характерных для женщин, то этот аспект также широко изучался ранее. А. П. Соловей, рассматривая социальные и психологические факторы, влияющие на

реализацию женщин в науке, выделяет следующие сценарии построения карьеры: *квалификационная, статусная (должностная), монетарная* (повышение заработной платы) и *исполнительная* (отсутствие карьерных устремлений). Данные типы карьеры не противоречат друг другу и могут сочетаться [Соловей 2018: 395]. Эта классификация будет использована далее для описания типов карьеры женщин в РКО, так как она наиболее полно отражает сценарии, которые возможно реализовать в отрасли.

При изучении карьеры женщин-инженеров РКО был выделен ряд аспектов человеческого капитала, которые оказали влияние на выбор профессии и дальнейшее развитие их карьеры. Например, жизнь в городе Королёве – месте зарождения отрасли, способности и интерес к математике, а впоследствии и к выбранной в вузе специальности. Исследователи показывают, что на выбор профессии в инженерной сфере часто влияет *династичность* [Колесникова 2018].

Это далеко не единственный критерий при выборе профессии. Как было отмечено выше, карьера, помимо внутренних предпочтений, определяется внешними аспектами, например, её престижностью. При этом исследователи отмечают, что всё большую значимость для молодых людей при выборе профессии имеет статус законченного вуза, а не конкретная специальность [Козина, Виноградова 2016: 220].

Критериями, определяющими престижность той или иной профессии для молодого поколения, являются не только заработок, но и то, насколько востребованными можно стать в той или иной профессии, *статусность* данного вида деятельности [Молодежь новой... 2007].

По результатам анализа интервью удалось выявить ряд причин, по которым женщины «советского» и «постсоветского» поколений связывают свою жизнь с профессией инженера РКО: интерес к космосу, «романтика профессии»; пример родителей (*династичность*); способности к точным наукам (интерес к математике, физике); возможность получения высшего инженерного образования (престижность инженерного вуза); возможность работать на лучших предприятиях РКО с богатой историей; востребованность на рынке труда; возможность заниматься полезным делом.

Далее подробно рассмотрим особенности становления и развития карьеры женщин в РКО, опираясь на результаты проведённого исследования.

Женщины-инженеры РКО – кто они? Методология исследования и характеристика информантов

Для проведения исследования был выбран метод полуструктурированного интервью по следующим причинам. Во-первых, исследований, посвящённых карьере женщин-инженеров в РКО, в России практически

не проводилось, поэтому было важно провести пилотное исследование – получить как можно более детальную и полную информацию от респондентов относительно их трудового пути и связанными с ним жизненными аспектами. Во-вторых, большинство предприятий РКО «закрыты» для свободного посещения, а потому данная группа женщин-инженеров является труднодоступной.

Выборка. В июле–августе 2018, январе и ноябре 2019 гг. проведено 33 интервью с женщинами-инженерами, работающими на предприятиях РКО. Выборка была целевой. Согласно классификации типов выборки для качественного исследования М. К. Пэттона, была взята *критериальная выборка*, то есть отобраны респонденты, соответствующие ряду критериев [Patton 2003: 4]. Точками входа в выборку стали знакомые автору женщины-инженеры предприятий РКО, далее с их помощью были найдены остальные респонденты.

Место проведения исследования – г. Королёв, где сконцентрировано наибольшее количество предприятий отрасли. В работе представлены интервью с женщинами-инженерами предприятий АО «Композит», РКК «Энергия», АО ЦНИИмаш, АО Корпорация «Тактическое ракетное вооружение».

Несколько человек среди респондентов старшего поколения на данный момент работают на предприятии АО «Газпром космические системы» г. Москвы, но начинали они свою деятельность на предприятиях г. Королёва, потому и были включены в выборку.

Для всех информантов работа на предприятиях РКО является основной, её продолжительность – от года и более. Все информанты имеют высшее инженерное образование¹.

Респонденты были поделены на две группы: «постсоветское поколение», чья трудовая деятельность на предприятии началась после распада СССР (в неё вошло 20 респондентов, работающих на предприятиях РКО) и «советское поколение» (13 респондентов) – советские инженеры.

Разделение на группы позволило выявить различия в становлении и развитии респондентов как специалистов отрасли и проанализировать, какие внешние и внутренние аспекты способствовали успеху или же являлись барьерами в их инженерной карьере.

Гайд интервью состоял из нескольких тематических блоков: причины выбора профессии инженера РКО, развитие трудового пути, карьерные возможности на предприятиях отрасли, особенности профессии инженера РКО. Интервью проводились с каждым информантом лично или по WhatsApp с использованием видеосвязи и были записаны на диктофон для последующего анализа, во время которого из текста были выделены такие категории, как причины выбора профессии «инженер РКО»; значение профессии инженера; типы карьеры, характерные для женщин-инженеров РКО.

¹ Критерий высшего образования был выбран так как на предприятиях РКО преобладают работники с высшим образованием // Годовой отчёт публичного акционерного общества «Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва» за 2018 г. С. 39. URL: https://www.energia.ru/ru/disclose/areports/areports_2018.pdf (Дата посещения: 5.02.2019).

Инженер РКО: целенаправленный выбор профессии или удобный и понятный вариант для трудоустройства?

Изучая карьеру женщин-инженеров, важно рассмотреть, что повлияло на их профессиональный выбор. Среди начавших свою трудовую жизнь в 1970-е гг., помимо способностей к точным наукам, выбор предприятий города был продиктован «романтикой» профессии, искренним интересом к космосу. Этому во многом способствовал подъём космической науки и уникальные достижения инженеров того времени: *«На выбор профессии ... в большей степени повлияло то, что страна жила успехами человека в космосе. Это было на слуху. Хотелось приобщиться к этому. Поэтому выбор был между МАИ и Лесотехническим институтом. Я выбрала второе, потому что ездить было ближе»* (инженер, главный специалист ЦНИИмаш, 69 лет).

Среди инженеров молодого поколения влияние «романтики» значительно реже и не является основной причиной. Одним из ярких примеров стало мнение респондентки, стремящейся стать космонавтом: *«Ещё до работы в «Энергии» я занималась парашютным спортом, мне это нравится. Сейчас хочу стать космонавтом и понимаю, что работа здесь – одна из ступеней для достижения цели. Космос и всё, что с ним связано, – это романтические профессии. Те, кто этого не ощущают, не пойдут сюда»* (Инженер-испытатель РКК «Энергия», 28 лет).

Весомым критерием при выборе специальности для двух рассматриваемых поколений стала «династичность». Более чем у половины респондентов был пример родственников, успешно реализовавшихся в отрасли. Но здесь чётко видно различие: критерий «династичности» у старшего поколения в ряде случаев оказывался весомее их собственных предпочтений в отношении будущей профессии. Более того, по признанию самих респондентов, такой вопрос они себе даже не задавали, если в семье видели более «удобный» вариант трудоустройства: *«Я родилась в Королёве, закончила школу в 1978 г., мечтала стать учителем математики. Но, по характеру как-то стеснялась объявить это, ведь в нашей семье все практически работали в области космоса. Пошла учиться в Бауманку и понимала, что работать пойду на «Энергию»* (начальник отдела планирования полётов в АО «Газпром космические системы», ранее работала на РКК «Энергия», 58 лет).

Для инженеров молодого поколения, напротив, первостепенными стали их предпочтения, «династичность» выступает здесь скорее сопутствующим аспектом. Такую особенность можно объяснить большей вариативностью построения карьерного пути у молодого поколения и возросшей доступностью информации о различных профессиях. С другой стороны, «удобный» вариант карьеры, возможно, был сам по себе более востребован инженерами старшего поколения на момент их старта на пути построения карьеры: *«Сейчас, мне кажется, молодёжь больше думает о личных интересах, у нас такого не было... Я родилась в Королёве, родственники работали на «Энергии». Ничего другого*

не представляла. Как-то и не задумывалась об интересах. Вопрос был один – технарь ты или нет? Если технарь, то уже ясно, куда пойдёшь» (ведущий инженер-технолог, РКК «Энергия», 60 лет).

Важная особенность в карьерном пути инженеров «советского» поколения состоит в том, что предложенное им при распределении предприятие в подавляющем большинстве остаётся для них единственным на всю жизнь, и большинство не жалеет об этом: «В Калининград я приехала в 1974 г. В ЦНИИмаш распределилась в ЦУП, в отдел, где занимались баллистикой. Здесь и работаю по сей день. Нисколько об этом не жалею, у нас всегда интересные задачи» (ведущий инженер, кандидат технических наук, ЦУП, 66 лет).

В ходе исследования удалось выявить, что для сегодняшних молодых инженеров на первые позиции при выборе профессии выходит её престижность. При этом как на этапе окончания школы, так и в ряде случаев уже во время обучения в вузе многие молодые сотрудницы признавались, что не представляли себе, чем хотят заниматься вообще, не говоря о конкретной сфере деятельности. Такая ситуация, на наш взгляд, складывается отчасти от многообразия вариантов карьерного пути, отчасти от недостаточной информированности респондентов о том, где работают и чем занимаются инженеры той или иной специализации: «Когда я поступала, я совсем не знала, кем хочу стать, чем заниматься. В школе нравилась математика. В МГТУ им. Баумана пошла потому, что это один из лучших вузов. Все знают, если закончил Бауманку, значит ты ценный, востребованный специалист, это очень круто» (инженер-технолог, АО «Композит», 27 лет).

У молодого поколения респондентов на этапе выбора места работы особую значимость приобретает история предприятия. Это также говорит о том, что для молодых инженеров, как и для старшего поколения, важно приобщение к космической отрасли как исторически традиционно значимой для страны: «На 5 курсе я разослала резюме на несколько предприятий. В РКК «Энергия» приехала на собеседование к будущему начальнику. Было ещё несколько предприятий, но как только узнала, что есть возможность поработать в КБ им. С. П. Королёва, поняла, что это шанс, и плюс репутация предприятия» (инженер-конструктор, РКК «Энергия», 27 лет).

В оценке значения профессии в жизни респондентов мнения советского и постсоветского поколений во многом схожи. Практически все опрошенные воспринимают свою профессию не только как средство заработка, но и как возможность заниматься полезным делом, которое приносит удовольствие. Критерий полезности выполняемой работы выделяли практически все респонденты. Кроме того, особую значимость информанты придали дружному коллективу на работе.

В целом можно сделать вывод о том, что наше предположение подтвердилось частично: для старшего поколения одним из главных критериев выбора профессии была «романтика» космоса, осознание вос-

требованности этих специалистов для страны, но в то же время в ряде случаев было и так, что респонденты делали свой выбор в пользу «удобной» работы, даже если это противоречило их личным пристрастиям.

Молодое поколение, напротив, при выборе карьерного пути больше ориентируется на свои интересы, чем на мнение родственников или наличие наиболее лёгкого варианта трудоустройства. Тем не менее современные девушки обращают внимание на престижность инженерного образования в целом, а определённость в отношении конкретной сферы им не свойственна, тогда как для респондентов старшего поколения характерна большая информированность об РКО на этапе выбора профессии. Что же касается наличия социальных гарантий на предприятиях, то они не сыграли роли при выборе профессии, но оказались важны уже в процессе работы на предприятии, особенно для респондентов постсоветского поколения [Подольская 2019].

Карьерные ориентации женщин-инженеров: какой тип карьеры предпочтительнее?

Для понимания того, как складывается карьера женщин на предприятиях РКО, была использована классификация карьерных типов, разработанная А. П. Соловей, о чём говорилось выше.

Практически все респонденты получают удовольствие от своей работы и не планируют уходить из отрасли даже в случае предложения большей зарплаты. Можно говорить о том, что *монетарная* карьера не характерна для сотрудниц предприятий РКО: *«Помимо заработка, это ещё и интерес, я это делаю с удовольствием. А если ради заработка, то не проблема найти и другую работу, даже с большей оплатой и т. д. Но работа должна приносить удовольствие! Она мне его приносит»* (инженер-эколог, АО «Композит», 27 лет).

Для большинства информантов двух поколений важнее развиваться в профессии, осваивать новые задачи, нежели занимать более высокие административные должности. При этом даже те, которые достигли определённого карьерного роста, не воспринимают повышение в должности как одну из основных задач. Данные показывают, что большинство респондентов как старшего, так и молодого поколения отдадут предпочтение скорее «квалификационной» карьере, чем «исполнительной», для которой не характерно стремление развития в профессии. Информанты подчёркивают значимость развития инженерных навыков, выполнения интересных «инженерных» задач, а не «бумажной» работы, которой становится больше по мере продвижения по служебной лестнице. Плюсом для информантов является то, что выполнение сложных и интересных задач связано в большей степени с профессионализмом, а не с наличием управленческой должности: *«Для меня карьерный рост совсем не имел значения, больше нравится именно работать, потому что люблю и знаю своё дело»* (начальник-лаборатории, ЦНИИмаш, 61 год).

Ещё одна из весомых причин отсутствия интереса к *должностной* карьере – это повышенная ответственность за свою работу ввиду специфики отрасли. Большинство информантов не готовы и не видят особого смысла в повышении, учитывая, что заработок при этом увеличивается незначительно. В РКО это один из основных критериев отсутствия женщин на высоких должностных позициях: *«Особенность отрасли – очень большая ответственность, так как изделия, для которых создаются материалы, имеют особое значение. И это очень дорого. Здесь нельзя ошибаться. Это заставляет больше анализировать и искать информацию. Мне кажется, если бы был вариант, выбрала бы менее ответственную работу»* (инженер, АО «Композит», 44 года).

Респонденты, которые задумывались о карьерном росте, отмечают, что в этой отрасли он невозможен без хороших знаний и достаточного опыта работы, поэтому стремятся вырасти профессионально и в то же время развить в себе управленческие навыки. Это объясняет сочетание *«квалификационной»* и *должностной (статусной)* карьеры на предприятиях отрасли.

Что касается проблематики *гендерного неравенства* в отрасли, то в большинстве случаев она становится объектом внимания респондентов, планирующих продвинуться выше. Информанты признают наличие стереотипа: инженер – *«мужская» профессия*. Чаще всего это проявлялось в неготовности мужчин воспринимать женщину «на равных», особенно, если речь идёт о внешних контактах, неизбежных для руководителей: *«...Чтобы стать начальником группы или отдела, требуется хорошо знать своё дело, отдаваться работе, тогда с годами ты будешь уважаема в коллективе, к твоему мнению будут прислушиваться. Но для более высоких позиций необходимо налаживать контакты с другими организациями, должно быть больше внешних встреч. Мужчины не готовы воспринимать женщину «на равных», особенно если мало работали с ней или первый раз видят. На таком уровне, мне кажется, им проще договориться между собой»* (инженер, Корпорация «Тактическое ракетное вооружение», 36 лет).

Нельзя не упомянуть о гендерном дисбалансе среди руководителей предприятий. Полученные данные по ряду аспектов позволяют связывать её в значительной степени с барьером между топ-менеджментом и остальными работниками предприятия, о чём говорилось выше: *«Руководители предприятий и высшее начальство... Там не то что женщине, даже мужчинам сложно попасть на высшие уровни, потому что туда, как правило, берут по знакомству... Человек, как правило, даже не работал на предприятии раньше. Он приходит на год–два и уходит. Это некоторая формальность для тех мужчин, которые хотят пробиться в органы власти. Для этого нужно поработать руководителем»* (инженер-конструктор, Корпорация «Тактическое ракетное вооружение», 36 лет).

Если *должностная* карьера не пользуется популярностью у большинства респондентов, то сочетание *«квалификационной»* и *«научно-исследовательской»* карьеры распространено. Работая на предприятиях, около трети респондентов продолжают своё обучение в аспирантуре либо уже

закончили её. Это объясняется рядом причин: во-первых, интересом информантов к теме исследования; во-вторых, что не менее важно, поддержкой сотрудников как со стороны предприятия (предоставление возможности бесплатного обучения в аспирантуре) и непосредственно научного руководителя, так и родных. Всё это ещё раз подтверждает тезис о том, что один из главных драйверов для женщин в STEM-отраслях – внешнее одобрение и поддержка: *«Изначально я не думала поступать в аспирантуру, но на предприятии мне очень рекомендовали. Я рассказала об этом дома, меня поддержали, а мой дедушка, доктор наук, хоть и по другой специальности, но вник в тему. Чтобы его порадовать, я поступила и не жалею»* (инженер-технолог, АО «Композит», 27 лет).

По итогам проведённого исследования можно сделать вывод, что для женщин-инженеров как «советского», так и «постсоветского» поколений наиболее характерен «квалификационный» тип карьеры. Кроме того, среди молодого поколения популярно сочетание типов «квалификационной» и «научно-исследовательской» карьеры. Интересно, что «статусная» (должностная) карьера практически не характерна для женщин-инженеров по ряду причин. Однако и она неотделима от «квалификационной», что объясняется спецификой отрасли. «Монетарный» и «исполнительский» типы карьеры не характерны для сотрудниц предприятий РКО.

Заключение

Результаты исследования показывают, что первоначальное предположение подтвердилось частично. Помимо «романтики профессии» и популярности достижений в космической отрасли, для ряда респондентов старшего поколения вопрос выбора профессии как таковой не стоял. Важным было найти работу, где можно применить свои умения и навыки, порой в ущерб личным интересам. Отчасти это объясняется меньшим разнообразием их возможностей, отчасти наличием «понятного» для себя варианта работы. Влияние «династичности» тогда было первостепенно, но для молодых инженеров наличие «инженерной династии» является скорее сопутствующим аспектом, на первый план для них выходят способности и интерес к точным наукам.

Для двух рассматриваемых в работе поколений значимым оказалось проживание в г. Королёве или недалеко от него. Для молодого поколения женщин-инженеров характерно задумываться о выборе будущей карьеры, но речь в большинстве случаев идёт не о конкретной специальности или профессии, а о техническом направлении.

Для постсоветского поколения инженеров важность представляет такой аспект, как престижность вуза и востребованность технического образования в целом. Тем не менее для молодых сотрудников, как и для старшего поколения, важна историческая значимость РКО и возможность заниматься полезным и интересным делом. Что касается *субъективного восприятия* своей карьеры, то большинство респондентов довольны работой и не жалеют о своём выборе.

Для большинства женщин, занятых на предприятиях РКО, наиболее характерен «квалификационный» тип карьеры. «Исполнительский» и «монетарный» её типы практически не характерны для опрошенных. Среди молодых инженеров популярно совмещение «квалификационной» и «научно-исследовательской» карьеры, что объясняется как интересом к научной деятельности со стороны респондентов, так и поощрительной мотивационной политикой предприятий отрасли.

К «должностному» продвижению осознанно стремятся лишь несколько респондентов молодого поколения, что в основном объяснимо нежеланием брать на себя высокую ответственность и заниматься «бумажной» работой. Сопутствующим здесь является негативное влияние «гендерных стереотипов» в карьерном росте. По мнению ряда респондентов, это проявляется в неготовности мужчин воспринимать женщину «на равных», особенно на высоких должностных позициях.

Всё вышесказанное говорит о том, что проблема «гендерного неравенства» в отрасли действительно имеет место, но ощутима в большей степени для тех инженеров, кто стремится к «должностной» карьере. Что же касается позиций рядовых инженеров, то практически все респонденты говорят об интересе к своей работе. Поэтому численное превосходство мужчин в РКО можно объяснить меньшей популярностью точных наук в целом среди девушек, и в частности – недостаточной информированностью о профессии инженера РКО, а также такими особенностями отрасли, как высокий уровень профессионализма в выполнении инженерных задач, высокий уровень ответственности.

Результаты исследования позволяют предположить, что в будущем профессия «инженер РКО» останется востребованной на уровне государства и предприятий отрасли. Что касается привлечения к работе новых инженерных кадров среди женщин, в основном их составят жители г. Королёва или ближайших городов по ряду причин: высокий уровень «династичности», влияние исторической роли города – колыбели космонавтики, возможность работать в интересной для себя отрасли, к тому же недалеко от дома, что особенно важно для женщин с маленькими детьми.

Для популяризации РКО, как и других STEM-отраслей среди женщин, необходимы более целенаправленные меры. Основная из них – проведение различных мероприятий с участием девушек с целью большей информированности выпускников школ о сути профессии инженера РКО, основных направлений работы в отрасли, её важности для всей страны.

Необходимо обратить внимание на востребованность и перспективность женщин-инженеров, занятых на предприятиях, акцентируя внимание на тех видах деятельности, где работа женщин особенно эффективна. Одна из форм такой работы – встречи старшеклассников с сотрудниками предприятий: важно, чтобы среди них были как мужчины, так и женщины.

Весомым будет привлечение СМИ, в том числе использование сайтов конкретных предприятий в сети интернет для иллюстрации наглядных примеров успешных женщин-инженеров и итогов их деятельности. Это позволит не только популяризировать отрасль, но и будет способствовать исчезновению стереотипа о «мужских» и «женских» профессиях.

Библиографический список

Будник Г. А. 2015. Высшее инженерно-техническое образование женщин: история и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. № 3–4 С. 76–77.

Бурлуцкая М. Г. 2011. Внутриорганизационная мобильность на российских предприятиях: динамика структурных и нормативных регуляторов карьеры // *Экономическая социология*. Т. 12. № 1. С. 68–80. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-1/42286814.html> (Дата посещения: 5.02.2019).

Козина И. М., Виноградова Е. В. 2016. Молодые инженеры: трудовые ценности и профессиональная идентичность // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. № 1. С. 215–230.

Козина И. М. 2002. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // *Социологический журнал*. № 3. С. 126–136.

Колесникова Е. М. 2018. Инженерные династии и перспективы профессиональной биографии молодых специалистов // *Социологический журнал*. Т. 24. № 1. С. 55–72.

Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты/ Аналитический отчет. 2007 // Официальный сайт Института социологии РАН. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html (Дата посещения: 5.02.2019).

Михайлова Е. А. 2016. Реализация профессионального потенциала российских женщин: социологическое измерение // *Женщина в российском обществе*. № 3 (80). С. 25–38.

Подольская А. А. 2019. Восприятие баланса жизни и работы женщинами, работающими в STEM-отраслях (на примере ракетно-космической отрасли) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* ISSN 2219-5467. № 3. С. 192–210.

Ратай Т., Мартынова С., Гребенюк А. 2016. Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // *Наука, технологии, инновации*. № 34. С. 1–4.

Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А. 2017. STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. № 3 (84). С. 34–44.

Силласте Г. 2004. Гендерная асимметрия как фактор карьерного роста женщин // *Высшее образование в России*. № 3. С. 122–132.

Соловей А. П. 2018. Профессиональная деятельность и карьерные ориентации женщин – молодых ученых НАН Беларуси // *Социологический альманах*. № 9. С. 393–401.

Dasgupta N, Stout J. G. 2014. Girls and Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics: STEMing the Tide and Broadening Participation in STEM Careers // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. Vol. 1(1). P. 21–29.

Hall D. T., Chandler D. E. 2005. Psychological success: When the career is a calling // *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*. Т. 26. № 2. P. 155–176.

McDaniel A. 2016. The Role of Cultural Contexts in Explaining Cross-National Gender Gaps in STEM Expectations // *European Sociological Review*. Vol. 32. № 1. P. 122–133. doi.org/10.1093/esr/jcv078

Patton M. Q. 2003. Qualitative evaluation checklist // *Evaluation checklists project*. Т. 21. P. 1–13.

Stebbins R. A. 1970. Career: The Subjective Approach // *The Sociological Quarterly*. Vol. 11. No. 1. P. 32–49.

Статья поступила: 24.09.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Подольская Анна Александровна, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.632

Female Engineers in Russia's Rocket-Space Industry

Anna A. Podolskaya

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: annas.podolskaya@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-7192-8231

For citation: Podolskaya, A. A. Female engineers in Russia's rocket-space industry. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 151–168. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.632

Abstract. This article examines the career types for women in the high-tech sectors of the Russian economy – based on the example of the rocket-space industry – and why women choose to pursue an engineering-technical education, and subsequently a career in the rocket-space industry. The theoretical framework for the study¹ consists of the works of foreign and Russian authors devoted to studying the concept and types of career, as well as the employment of women in engineering trades. The empirical base consists of 33 semi-structured interviews with female engineers, including professionals from the “Soviet” generation and those who started their career after the USSR’s collapse. A hypothesis was put forward that women from the Soviet generation considered “rocket-space industry engineer” to be one of the more demanded professions, its appeal being attributed to space’s “romantic” flare, to one’s desire to partake in something of national importance, while the current generation of engineers is more focused on pragmatic aspects, such as the prestige and high demand associated with an engineering education, the opportunity to work at a government enterprise which provides a set of social benefits. The study shows that this assumption was only partially correct. Among the reasons for why the Soviet generation of female engineers chose the profession, the most prominent were a genuine interest in space, the “romanticism” associated with the trade, the opportunity to partake in activity which benefits the country, and, finally, the “dynasty” aspect, which in a number of cases turned out to outweigh the desires of the respondent. Among the post-Soviet generation of engineers, the defining factor for choosing the profession was one’s aptitude for precise science, the opportunity to receive a higher education in engineering, the trade being in demand on the labor market, while the “dynasty” factor mostly turned out to be an incidental aspect. In our time women mostly take into account their own preferences when it comes to choosing an education path, and subsequently a field of activity. Meanwhile, as was the case with the elder generation, a company’s history played a rather significant role when it came to them choosing a place of employment. The most frequently chosen career type for both the elder and younger generations of engineers turned out to be the “qualification” type. Meanwhile a combination of “qualification”

¹ The study was conducted by the author while preparing a candidate dissertation. Academic supervisor – candidate of science (sociology), NRU HSE associate professor Savinskaya O.B.

and “scientific research” career types also turned out to be rather popular, while the combination of “qualification” and “official” types turned out to be less prevalent among those employed at rocket-space industry enterprises. Such career types as “monetary” and “executive” proved to be uncharacteristic for the respondents.

Keywords: STEM, women engineers, space industry, types of women’s careers engineer

References

- Space Industry. RBC Official website. Release 12.04.17 (In Russ.).
- Budnik G. A. Women’s higher engineering education: history and current trends. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = A Woman in Russian Society*, 2015: 3–4: 76–77 (In Russ.).
- Burlutskaya M. G. Intra-organizational mobility in Russian enterprises: the dynamics of structural and regulatory regulators of a career. *Economicheskaya sotsiologiya = Economic Sociology*, 2011: 12 (1): 68–80 (In Russ.).
- Dasgupta N., Stout J. G. Girls and Women in Science, Technology, Engineering, and Mathematics: STEMing the Tide and Broadening Participation in STEM Careers Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences, 2014: 1(1): 21–29.
- Hall D. T., Chandler D. E. Psychological success: When the career is a calling. *Journal of Organizational Behavior: The International Journal of Industrial, Occupational and Organizational Psychology and Behavior*, 2005: 26 (2): 155–176.
- Khasbulatova O. A. Gender aspects of the development of STEM education in Russia. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = A Woman in Russian Society*, 2016: 3 (80): 3–15 (In Russ.).
- Kolesnikova E. M. Engineering dynasties and prospects for professional biography of young specialists. *Sotsiologichesky zhurnal = Sociological Journal*, 2018: 24 (1): 55–72 (In Russ.).
- Kozina I. M. Professional segregation: gender stereotypes in the labor market. *Sotsiologichesky zhurnal = Sociological Journal*, 2002: 3: 126–136 (In Russ.).
- Kozina I. M., Vinogradova E. V. Young engineers: labor values and professional identity. *Monitoring obshchestvenno gomneniya: Economicheskiye I sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2016: 1: 215–230 (In Russ.).
- McDaniel A. The Role of Cultural Contexts in Explaining Cross-National Gender Gaps in STEM Expectations. *European Sociological Review*, 2016: 32 (1): 122–133. DOI: [10.1093/esr/jcv078](https://doi.org/10.1093/esr/jcv078)
- Patton M. Q. Qualitative evaluation checklist. *Evaluation checklists project*, 2003: 21: 1–13.
- Podolskaya A.A. Perception of the balance of life and work of women working in the STEM-industry (for example, the space rocket industry). *Monitoring obshchestvenno gomneniya: ekonomicheskkiye I sotsial’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019: 3: 192–210 (In Russ.).
- Ratay T., Martynova S., Grebenyuk A. Research and development in priority areas of science, technology and technology. *Nauka, tekhnologii, innovacii = Science, Technologies, Innovations*, 2016: 34: 1–4 (In Russ.).
- Savostina E. A., Smirnova I. N., Khasbulatova O. A. STEM: professional trajectories of youth (gender aspect). *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve = A Woman in Russian Society*, 2017: 3 (84): 34–44 (In Russ.).
- Sillaste G. Gender asymmetry as a factor in women’s career growth. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii = Higher Education in Russia*, 2004: 3: 122–132 (In Russ.).
- Solovey A. P. Professional activities and career orientations of women = young scientists of the National Academy of Sciences of Belarus. *Sotsiologicheskiy al’manakh = Sociological Almanac*, 2018: 9: 393–401 (In Russ.).
- Stebbins R. A. Career: The Subjective Approach. *The Sociological Quarterly*, 1970:11 (1): 32–49.
- The youth of new Russia: lifestyle and value priorities 2007. IS RAS Official website. Available at: http://www.isras.ru/analytical_report_youth.html [accessed: 5.02.19] (In Russ.).

The article was submitted on: September 24.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Podolskaya Anna Aleksandrovna, Doctoral student of the Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И ИХ РОЛЬ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ И ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.633

Женщины-инженеры в российской ракетно-космической отрасли

Ссылка для цитирования: Ужахова Л. М., Саакова В. В., Утегенова В. Б., Данилюк А. А. Влияние гендерных характеристик на профессиональную деятельность руководителей и подчинённых // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 169–182. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.633

For citation: Uzhakhova L., Saakova V., Utegenova V., Danilyuk A. Influence of gender features on the professional activity of managers and subordinates. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 169–182. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.633

**Ужахова
Лейла Магомедовна**

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

Lailau@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [632867](#)

**Саакова
Валерия Вадимовна**

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

valeriyasaakova@yandex.ru

**Утегенова
Виктория Бахтияровна**

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

utegenovav@list.ru

**Данилюк
Анна Анатольевна**

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

a.a.danilyuk@utmn.ru

AuthorID РИНЦ: [763104](#)

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования соответствия руководителей и подчинённых предписанным гендерным характеристикам. Используются материалы по гендерной психологии и социологии как российских, так и зарубежных авторов. Уточнено понятие гендера и гендерных характеристик; проведено различие между полом и гендером. Авторами сформированы характеристики руководителей и подчинённых города Тюмени обоих полов и определены степени феминности, маскулинности и андрогинности в каждой группе с помощью методики полоролевого опросника С. Бем. Проанализированы ответы респондентов о роли и месте гендерных стереотипов в профессиональной деятельности; составлены обобщённые характеристики руководителей обоих полов на основе данных ими ответов с учётом пола респондента. В ходе исследования были ранжированы свойственные каждому полу (вне зависимости от занимаемой должности руководителя или подчинённого) гендерные характеристики, качества и умения. Выявлены связанные с гендером особенности управления коллективом, которые присущи руководителям г. Тюмени. Установлено, что женщины чаще, чем мужчины, являются носителями и трансляторами гендерных стереотипов, основанных на традиционных установках. Несмотря на это, отмечена тенденция отхода от традиционного гендерного мышления и поведения как среди подчинённых, так и среди руководителей за счёт несоответствия трудовой практике. Было выяснено, что в действительности подчинённые соответствуют предписанным гендерным характеристикам в большей степени, чем руководители. Выдвинуто предположение о том, что гендерные особенности у руководителей выражены более ярко в силу того, что личностные характеристики оказывают на их деятельность большее влияние, нежели у подчинённых. Сделаны выводы о необходимости дальнейшего изучения феномена андрогинии среди руководителей. Дана рекомендация применения имеющихся прикладных социологических методик, а также адаптированного социально-психологического инструментария для каждого предприятия в частности, так как баланс андрогинности, феминности и маскулинности в конкретном коллективе следует учитывать при выборе средств и методов управленческого воздействия в разработке, принятии и реализации управленческих решений, поведения в конфликтных ситуациях.

Ключевые слова: гендерные характеристики, гендер, подчинённые, руководители, маскулинность, феминность, андрогинность

Процесс управления современными организациями можно усовершенствовать благодаря учёту гендерной специфики персонала. Это позволит не только сделать психологический климат более благоприятным, но и повысить результативность трудовой деятельности. Для более достоверной картины следует принимать во внимание статус сотрудника/сотрудницы (руководитель/подчинённый), так как этот фактор также обуславливает их поведение. Предлагается кадровый состав организаций условно делить на группы: руководители-мужчины, руководители-женщины, подчинённые-мужчины, подчинённые-женщины. Такое разграничение позволяет составить наиболее полное представление о той специфике, которую необходимо учитывать в управленческом процессе, оно является первой ступенью в рассмотрении влияния личностных характеристик на профессиональную деятельность.

Гендерные исследования в российском менеджменте являются междисциплинарной отраслью знания управленческих дисциплин. Изучение влияния личностно-половых характеристик на процесс осу-

ществления профессиональной деятельности видится актуальным в силу необходимости путей совершенствования функциональных блоков системы управления организациями в целом. Практическое осмысление гендерного подхода имеет многоцелевую направленность и предоставляет ценностные ориентиры для формирования системы управления персоналом.

В конце прошлого века за рубежом изучение гендерных характеристик персонала стало проводиться как одно из направлений рефлексии теории феминизма. Начало развития отечественных исследований гендера в менеджменте также связано с феминистской идеологией [Ильяева, Савенкова 2007: 164]. Для гендерного анализа профессиональной деятельности важны работы в области психологии таких авторов, как С. Бем, Ш. Берн, Е. Иоффе и др. Труды по гендерной социологии С. Ильиных, Г. Силласте, Р. Хоф и др. дают возможность изучить социальные взаимодействия в условиях трудовых коллективов.

Сейчас общемировой тенденцией стало смещение гендера с позиции предмета исследования и перевод его в методологическую плоскость. Несмотря на большое количество публикаций, посвящённых раскрытию различных аспектов гендерных характеристик персонала, исследование этой проблемы в российском менеджменте не полно. Не сформировано методическое обеспечение гендерного анализа, практикуется воспроизведение стереотипных зарубежных данных.

Методы исследования

Многочисленные теоретические и эмпирические исследования доказывают, что ключевой характеристикой личности является не пол, а гендерная идентичность. Гендер выступает совокупностью представлений о личностных и поведенческих особенностях мужчины и женщины. Женственность (фемининность) и мужественность (маскулинность) определяются именно этими представлениями. Так, к феминным качествам относят мягкость, чувствительность, умение заботиться о других, а к маскулинным – амбициозность, агрессивность, индивидуализм. Ещё одной гендерной характеристикой является андрогинность – интеграционное, сбалансированное сочетание «мужских» и «женских» характеристик, способное варьировать поведение в зависимости от ситуации. Мужественность, женственность и андрогинность с точки зрения этого подхода выступают как гендерные различия. Они проявляются в том, как люди исполняют свои гендерные роли, в том числе в трудовой деятельности. Современный гендерный подход утверждает, что гендерная идентичность определённым образом влияет на личность работника. Такая идентичность во многом обуславливает то, как принимаются управленческие решения и как в целом ведётся профессиональная деятельность.

При учёте биологических, физиологических и психологических различий половых групп персонала гендерный подход позволяет анализировать рабочий процесс, стиль работы, отношения с коллективом и другие аспекты профессиональной деятельности.

Начиная с прошлого века учёные отмечают стереотипизацию гендерного поведения [Vinaske 1957]. Во-первых, у большинства людей есть представления о том, какие определённые качества и модели поведения присущи мужчинам и женщинам, т. е. определённые взгляды на то, какое именно поведение мужчин и женщин «верное» и «правильное». В связи с этим понятия «гендер» и «пол» фактически воспринимаются как равнозначные: все женщины являются или должны быть феминными, а мужчины – маскулинными. Во-вторых, гендерный аспект накладывает отпечаток на каждый общественный институт, который, в свою очередь, формирует гендерное сознание отдельного индивида. Это позволяет гендерному неравенству существовать и активно проявляться в рамках общественных отношений. Научные исследования обнаруживают, что именно гендер в значительной степени определяет социальную иерархию [Скиба 2015]. В трудовой деятельности существует традиционная система гендерных стереотипов, состоящая из устойчивых представлений о персонале и руководстве, крайним проявлением которой является вертикальная гендерная сегрегация («стеклянный потолок»).

Анализ научной литературы о влиянии гендерных характеристик на управленческий процесс и профессиональную деятельность показывает, что всё чаще исследователи отмечают одно обстоятельство. Если руководитель, полагаясь на распространённый гендерный стереотип, ожидает указанного в нём результата (т. е. того, что женщины поведут себя исключительно феминно, а мужчины – маскулинно), то реальность нередко этому стереотипу не соответствует: или сам руководитель, или подчинённые от него отклоняются. По мнению некоторых учёных, традиционная система гендерных стереотипов в трудовой деятельности на практике неприменима: она состоит из декларируемых положений, которым зачастую нет достоверного подтверждения [Сокольская 2003]. Более того, порой эта система противоречит сама себе и неоправданно сильно поляризует социально-трудовые отношения [Исакова 2006].

Анализ гендерной статистики в РФ показывает, что разрыв между руководителями-мужчинами и руководителями-женщинами постепенно сокращается¹. Статистические данные свидетельствуют о том, что руководители-женщины занимают прочные позиции в бизнесе, т. е. управленческий пул становится более гендерно сбалансированным.

В целях определения влияния гендерных характеристик на профессиональную деятельность персонала нами проведено прикладное исследование «Диагностика гендерных характеристик руководителей и подчинённых г. Тюмени». Эмпирическая база исследования включала статистические данные о половом составе руководителей российских организаций, данные авторского прикладного исследования, проведённого в 2019 г. (опрошен персонал и руководство из числа шести единиц малых и средних предприятий, двух бюджетных организаций г. Тюмени;

¹ Россия в цифрах. 2016. Краткий статистический сборник. М.: Росстат – М.
Россия в цифрах. 2017. Краткий статистический сборник. М.: Росстат – М.
Россия в цифрах. 2018. Краткий статистический сборник. М.: Росстат – М.

использована многоступенчатая районированная выборка; общее количество опрошенных – 120 человек, из них 24 руководителя). Были поставлены задачи разработки инструментария эмпирического исследования; проведения сравнительной оценки гендерных характеристик руководителей и подчинённых; вторичного анализа результатов исследований российских учёных в области гендерных особенностей персонала.

Методическим инструментарием исследования выступал полоролевой опросник С. Бем. Шкала опроса состояла из 20 пунктов, обследующих персонал и руководство с позиции маскулинности, фемининности и андрогинии. Дополнительно была предложена анкета, изучающая мнения респондентов о традиционных гендерных стереотипах и стилях руководства в организациях, анализирующая отношение персонала к управленческим процессам.

Гендерные характеристики и стереотипы руководителей и подчинённых обоих полов

Результаты обследования персонала руководящих должностей показали, что половина опрошенных руководителей-мужчин андрогинны, половина обладают ярко выраженной маскулинностью. Руководители-женщины в основном андрогинны (80%), остальная часть (20%) проявляют феминные характеристики. Таким образом, исследование демонстрирует тенденцию преобладания андрогинных черт у женщин-руководителей, изменения позиции мужчины-руководителя с абсолютно маскулинной в смешанный тип.

Эту особенность давно отмечают западные исследователи, анализирующие проблему смещения акцентов в трудовой деятельности менеджеров в сторону андрогинной гендерной идентичности. М. Квятковская подчёркивает невозможность простого учёта половых различий при изучении руководителей с позиции социального пола. При таком подходе остаётся без анализа большая часть управленцев, чаще всего андрогинные руководители, которые сочетают в себе как маскулинные, так и феминные характеристики [Квятковская 2015: 150].

В процессе анализа эмпирических результатов изучены мнения персонала о профессиональных характеристиках руководителей-мужчин и руководителей-женщин. Исследование показало, что руководителю-женщине свойственна повышенная ответственность (отметили 68% респондентов), стремление контролировать как можно большую часть деятельности (55% опрошенных). Учёные замечают, что руководителям-женщинам присущ «синдром отличницы», который может привести к смещению фокуса с выполнения задания на получение похвалы и одобрения [Евдокимова 2016]. Руководитель-женщина успешно анализирует детали и подробности, она способна разложить целое на составные части. Реализации поставленных целей она добивается настойчиво и последовательно, при этом действует в рамках «заданных ограничений», как бы отталкиваясь от «условия задачи» [Авдулова 2012].

Результаты диагностик российских менеджеров, проведённых А. Чириковой, показывают социально-психологические особенности руководителей-женщин. Исследователь отмечает, что при выборе стиля руководства женщины демонстрируют достаточно вариативные модели деловых стратегий, которые опираются не на полоролевые особенности, а на требования эффективности [Чирикова 1998]. Наше исследование позволило описать типологию моделей управления коллективом женщинами г. Тюмени (за основу мы взяли методику Т. Хохловой [Хохлова 2001]). Установлено, что модель управления «железная леди» и «старшая сестра» чаще проявляются в руководстве мужским коллективом. «Железная леди» проявляет большую строгость и властность к подчинённым, поэтому вместо обмена мнениями и сотрудничества склонна к директивному управлению. Напротив, «старшая сестра» доброжелательна к подчинёнными и проявляет себя как командный игрок, поощряет обмен мнениями и полемику в допустимых пределах. Большинство респондентов нашего опроса (78%) высказались о том, что женщинам-руководителям их организаций присущ демократический стиль управления, так как они ценят взаимоотношения и комфортную атмосферу в группе.

Результаты обследования руководителей-мужчин ожидаемо отличаются от данных обследования женщин-руководителей. Анкетирование позволило выявить такие качества руководителей-мужчин, как спокойствие (отметили 63% респондентов), логика (56%), закрытость (47%). Персонал организаций отмечает, что таким руководителям присущи прямолинейность и упорство.

Учёные указывают на авторитарность стиля управления у мужчин [Королева 2007]. О. Чаплюкова и М. Осипова отмечают, что для мужчины структура мотивации и ценность выражены статусом, упорством, рискованностью, независимостью и индивидуальной властью (руководитель постоянно должен доказывать, что он лидер среди лидеров) [Чаплюкова, Осипова 2014].

На основании результатов анкетирования были сопоставлены ответы респондентов о специфике руководящей деятельности мужчин и женщин. В целом по интегральным оценкам опрошенных о различных аспектах управленческого стиля мужчин и женщин наблюдаются гендерные различия. Дифференцирующими факторами выступают ролевое поведение, степень контроля, психоэмоциональные факторы. Сравнительный анализ мнений подчинённых относительно отдельных гендерных особенностей руководства показал небольшие отличия в оценке результатов профессиональной деятельности топ-менеджмента, степени коллегиальности принятия решений, мотивации персонала и самомотивации, концентрации на рабочем процессе.

Исследования, проведённые С. Ильиных и М. Бычковой [Ильиных, Бычкова 2019], позволили сопоставить мнения женщин и мужчин о гендерных различиях управленческой деятельности. Мужчины-руководители в этом исследовании полагают, что женщины-руководители обладают уверенностью в себе (отметили 75% опрошенных мужчин), умением принимать решения (69%), стремлением к успеху (65%).

Женщины-руководители у мужчин-руководителей замечают умение принимать решения (выбор 72% опрошенных), профессионализм (68%), уверенность в себе (63%).

Анализ данных нашего исследования об отношении респондентов к пропорциям представленности мужчин и женщин в коллективах и на руководящих должностях позволил опровергнуть расхожий стереотип, что большинство работников предпочитают в качестве руководителей и коллег мужчин, а не женщин. Исследование показало, что персонал толерантно относится к полу руководителя.

Тема гендерных стереотипов очень важна, поскольку именно на их почве произрастают многие дискриминационные практики [Александрова и др. 2018]. В исследовании мы сравнили мнения персонала обоих полов в отношении популярных стереотипов, таких как «Для женщины семья важнее карьеры», «Мужчина – кормилец семьи», «Мужчина лучше управляет» и др. Выявлено, что более трети опрошенных, независимо от пола, не разделяют предложенные установки. Среди указавших на влияние гендерных стереотипов на процесс осуществления профессиональной деятельности более представлены респонденты женского пола. Отсюда вывод, что женщины чаще мужчин являются носителями и трансляторами гендерных стереотипов, основанных на традиционных установках.

Эксперты исследования гендерных проблем занятости указывают на то, что со временем происходит изменение гендерных стереотипов в отношении персонала [Александрова и др. 2018]. Вторичный анализ российских исследований позволяет утверждать, что в настоящий момент традиционная система стереотипов в профессиональной деятельности неактуальна. Данные экспертных интервью и анкетирования, проведенные С. Ильиных и М. Бычковой в организациях малого бизнеса, обнаруживают, что нередко гендерные стереотипы не соответствуют трудовой практике [Ильиных, Бычкова 2019]. Эти исследователи отмечают, что многие установки массового сознания в отношении профессиональной деятельности женщин и мужчин-руководителей не поддерживаются респондентами.

Результаты психологических обследований, проведенных в России, доказывают, что мужчинам и женщинам становится всё труднее соответствовать той социальной роли, которую им предписывают сложившиеся гендерные стереотипы [Гонтарь 2012].

Определяющее влияние гендерных характеристик на отношения руководства и персонала подтверждается восприятием респондентами конкретных управленческих процессов в свой адрес. Чаще всего женщина-подчинённая ценит демократичный стиль управления (78% опрошенных); ей важно, чтобы руководитель интересовался мнением подчинённых и учитывал его так же, как и мнение привлечённых специалистов. Женщины-подчинённые наиболее позитивно оценивают проявление эмоций, взаимную поддержку. В значительно меньшей степени эта категория респондентов лояльна к критике.

У женщин первые позиции (в порядке убывания по значимости) занимают следующие качества и умения:

1. Умение выслушать, гибко вести переговоры;
2. Уверенность в своих целях;
3. Умение действовать в условиях риска и неопределённости;
4. Способность быстрого выбора;
5. Здоровый консерватизм;
6. Приверженность отстаивать свою позицию.

У мужчин отмечены следующие ведущие качества и умения:

1. Постоянная готовность к нововведениям;
2. Умение навязывать свои цели;
3. Умение извлекать выгоду в нужных ситуациях;
4. Умение использовать чужие идеи для реализации своих целей;
5. Умение действовать в рискованных ситуациях;
6. Умение противостоять давлению и нажиму, отстаивая свою позицию.

Исследование показало, что мужчины-подчинённые связывают работу с продвижением по службе, ориентацией на заработок. Эта группа респондентов наиболее позитивно оценивает сдерживание чувств и эмоций в себе.

Результаты обследования подчинённых с помощью полоролевого опросника С. Бем показали, что мужчин с андрогинностью оказалось 25%, с ярко выраженной маскулинностью – 75%; для 62% подчинённых женщин характерна андрогинность, для 15% – феминность. Также присутствуют женщины-подчинённые с ярко выраженной маскулинностью, их 23% (см. рис. 1).

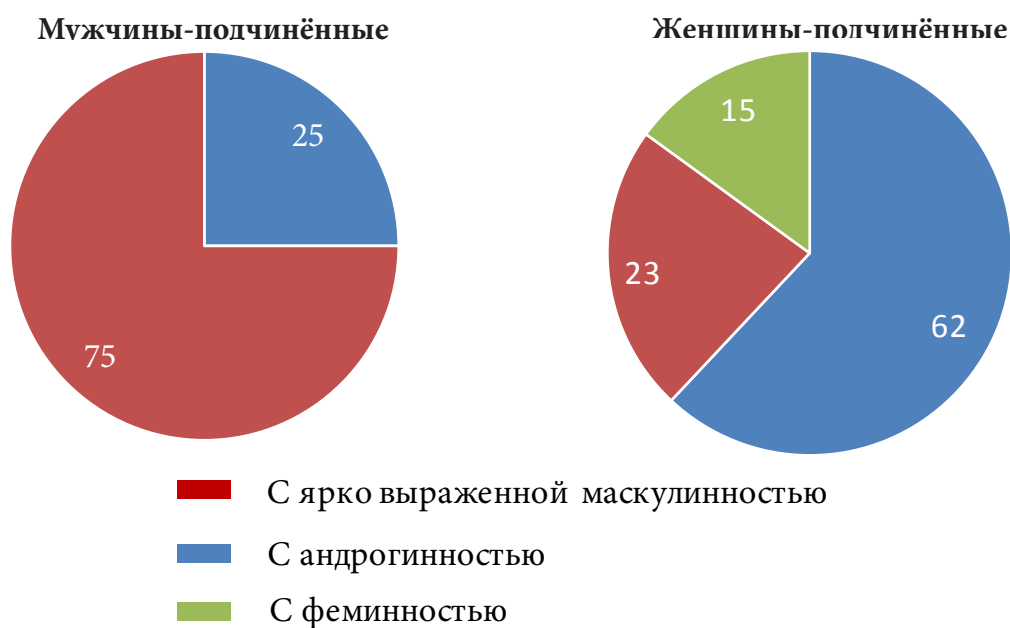

Рис. 1. Гендерные характеристики мужчин и женщин-подчинённых (по эмпирическим данным анкетирования с помощью полоролевого опросника С. Бем)¹

Figure 1. Gender characteristics of male and female subordinate staff (based on survey data supplemented by Bem Sex-Role Inventory)

¹ Источник: составлено автором.

Сравнительные результаты опроса представлены на рис. 2. В целом 28% от общего числа руководителей обоих полов соответствуют предписанным гендерным характеристикам, однако среди всех подчинённых им соответствуют 47%. При этом стоит учитывать, что значительная часть андрогинна как среди руководителей (72%), так и среди подчинённых (53%).

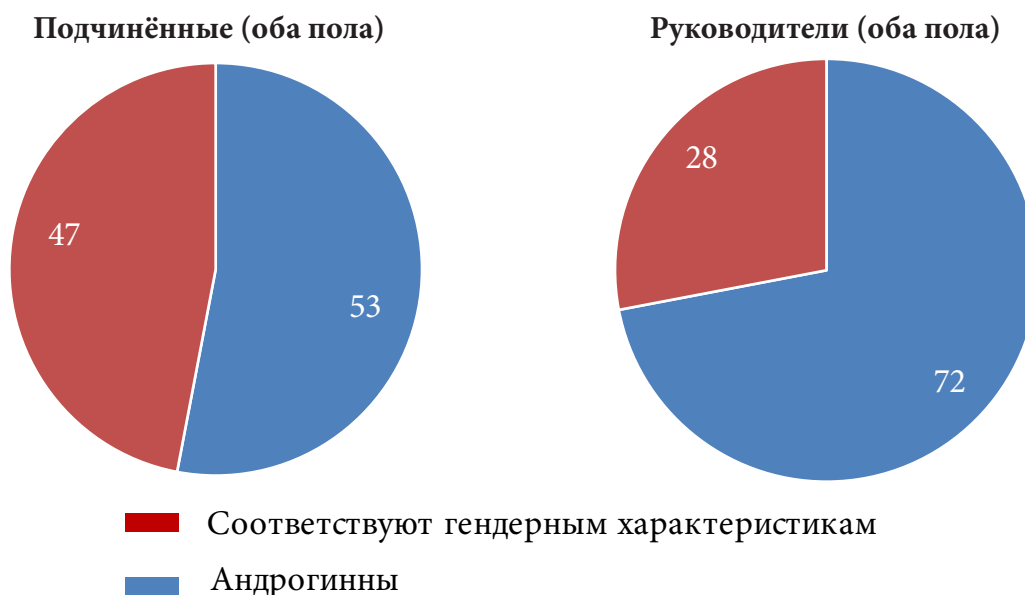

Рис. 2. Сравнение гендерных характеристик руководителей и подчинённых (по эмпирическим данным анкетирования с помощью полоролевого опросника С. Бем)¹

Figure 2. Comparison of gender characteristics of managers and subordinate staff (based on survey data supplemented by Bem Sex-Role Inventory)

На основании этих данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, женщины-руководители более склонны к андрогинности, чем их коллеги-мужчины. Предположительно, гендерные особенности у руководителей выражены более ярко в силу того, что личностные характеристики оказывают на их деятельность большее влияние, нежели у подчинённых. Во-вторых, подчинённые-мужчины в основном проявляют ярко выраженную маскулинность, в то время как подчинённые-женщины обладают самым разнообразным набором гендерных характеристик из всех четырёх групп: им присуща и андрогинность, и феминность, и даже ярко выраженная маскулинность. В-третьих, андрогинность более присуща руководителям, чем подчинённым.

В компании, где руководители соответствуют предписанным гендерным характеристикам, а их подчинённые андрогинны, руководство, вероятнее всего, будет осуществляться из расчёта на то, что все мужчины маскулинны, а женщины феминны. В действительности ситуация иная, и, как следствие, будут возникать конфликты и недоразумения. Однако если руководство будет иметь в виду, какими гендерными характеристиками на самом деле обладают их подчинённые, такая осведомлённость принесёт пользу. Управление «наобум» (без реального понимания ситуации), так же как попытки «исправить» подчинённых, ген-

¹ Источник: составлено автором.

дерные характеристики которых отличны от характеристик руководства, для предприятия губительно. Соответственно, в управленческом процессе следует учитывать следующее. Выявленные различия персонала обуславливают использование принципов гендерной диверсификации в управлении, которое необходимо осуществлять с учётом фактических гендерных характеристик, грамотно распределять обязанности между феминными, андрогинными и маскулинными сотрудниками. Более того, это поможет создать благоприятную атмосферу взаимного уважения и максимально использовать потенциал каждого.

Перспективным в плане дальнейших научных исследований является более глубокое обследование управленцев на предмет андрогинии. Так, вторичный анализ исследований андрогинии в российском менеджменте показывает успешность в управленческой деятельности личности с преобладающим андрогинным гендерным типом. Это доказало тестирование менеджеров, проведённое Н. Матюшиной [Матюшина 2018]. Выявлено, что у управленцев с маскулинным и феминным типами организаторские склонности были менее выражены. Согласно другим исследованиям, андрогинные индивиды проявляют большую гибкость в своём поведении, в меньшей степени ограничены гендерно-ролевыми предписаниями, обладают более высокой самооценкой [Курышева, Вознесенская 2015]. Учёные указывают на эффективность решений андрогинных руководителей, их более высокий уровень социальной компетентности и мотивации к достижениям. В силу выявленной значительной части руководителей с характеристиками андрогинности, изучения требует тенденция нивелирования гендерных различий в топ-менеджменте организаций. С другой стороны, несмотря на указание гармоничности андрогинии (С. Бем, Р. Джонсон, К. Мартин), вызывает вопросы её негативная сторона, связанная с утратой позитивной социальной идентичности, которую повлечёт за собой сглаживание дихотомии мужского/женского [Гонтарь 2012].

Заключение

Гендерные характеристики являются одними из важнейших качеств как персонала, так и руководства современных организаций. Именно они определяют приоритеты социальных взаимодействий в условиях трудовых коллективов и практически влияют на процесс профессиональной деятельности. При этом решающая роль принадлежит не столько полу персонала, сколько его гендерной идентичности, поскольку именно она задаёт личностные и поведенческие особенности руководителей и подчинённых, формирует необходимые социально-трудовые отношения и соответствующие взаимодействия внутри коллектива.

При анализе гендерного состава современных организаций возможно использовать имеющиеся прикладные социологические методики, а также адаптированный социально-психологический инструментарий.

Наше исследование, проведённое среди руководителей и подчинённых г. Тюмени, позволило выявить степень маскулинности, фемининности и андрогинии обследуемых.

По результатам, 28% от общего числа руководителей обоих полов соответствуют предписанным гендерным характеристикам. Однако гендерным характеристикам среди всех подчинённых соответствуют 47%. При этом стоит учитывать, что значительная часть андрогинна как среди руководителей (72%), так и среди подчинённых (53%).

Выявлена тенденция преобладания андрогинных черт у женщин-руководителей и маскулинно-андрогинных – у руководителей-мужчин. Получены оценки персонала в отношении руководителей-мужчин и руководителей-женщин. Подчинённые указывают на разницу в ролевом поведении, степени контроля, психоэмоциональных факторах гендерных особенностей руководства.

Изучены гендерные стереотипы в трудовом поведении. Выявлено, что чаще женщины являются носителями и трансляторами гендерных стереотипов, основанных на традиционных установках. Рассмотрены гендерные различия в восприятии респондентами конкретных управленческих процессов в свой адрес. Результаты обследования мужчин и женщин-подчинённых с помощью полоролевого опросника С. Бем показали большую долю андрогинности женщин-подчинённых и преобладающую долю мужчин-подчинённых с маскулинностью.

Значение полученных данных для применения на практике выражается в необходимости сопоставления гендерных характеристик руководителей и подчинённых конкретного предприятия. При выборе средств и методов управленческого воздействия, в разработке, принятии и реализации управленческого решения, поведения в конфликтных ситуациях и т. п. следует учитывать баланс андрогинности, феминности и маскулинности в коллективе.

Библиографический список

Авдулова Т. П. 2012. Гендерные аспекты управленческой деятельности. СПб.: Речь. 130 с.

Александрова О. А., Бурдастова Ю. В., Ненахова Ю. С., Хоткина З. А. 2018. Гендерные аспекты занятости и карьеры в медиаотрасли Грузии, Молдовы и России: сравнительный анализ / Исследование ФОЖО и Института социально-экономических проблем народонаселения РАН // Веб-сайт «Альянс независимых региональных издателей» URL: <https://anri.org.ru/wp-content/uploads/2019/05/гендерные-аспекты-занятости.pdf> (Дата посещения: 15.07.2019).

Гонтарь Ю. С. 2012. Андрогиния как современное направление развития гендерного исследования студентов факультета социально-культурной деятельности МГУКИ // Вестник МГУКИ. № 45. С. 193–198.

Евдокимова Е. Н. 2016. Успешный руководитель – кто он? Гендерные различия в руководящей должности // Экономика и социум. № 6. С. 44–49.

Ильиных С. А., Бычкова М. М. 2019. Гендерный анализ принятия управленческих решений // Общество: социология, психология, педагогика. № 5. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/spp/2019/5/sociology/ilyinykh-bychkova.pdf (Дата посещения: 15.07.2019).

Ильяева И. А., Савенкова И. В. 2007. Историко-социологический взгляд на влияние гендерных отношений в управлении // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 50. С. 159–165.

Исакова Е. В. 2006. Гендерные стереотипы и их влияние на трудовую деятельность: автореф. дис. канд. филос. н. Кемерово. 20 с.

Квятковская М. Д. 2015. Гендерные аспекты принятия решений руководителями в ситуации нехватки времени // Организационная психология. № 5. С. 139–154.

Королева О. В. 2007. Учет гендерных различий в стилях руководства как фактор повышения эффективности деятельности предприятия / Университет им. В. И. Вернадского // Вопросы современной науки и практики. № 2. С. 113–118.

Курешева О. В., Вознесенская А. В. 2015. Гендерные различия в стратегиях и тактиках самопредъявления // Вестник ВолГУ. Серия 11. Естественные науки. № 2. С. 122–131.

Матюшина Н. О. 2018. Гендерные особенности профессионального образа руководителя // Вестник магистратуры. № 86. С. 55–58.

Скиба Э. К. 2015. Гендерные режимы как отражение властных отношений // Антропологические измерения философских исследований. № 7. С. 103–110.

Сокольская В. В. 2003. Гендерные стереотипы на рынке труда: на примере монопрофильного города: автореф. дис. канд. соц. н. Екатеринбург. 32 с.

Хохлова Т. П. 2001. Выявление гендерных аспектов менеджмента – фактор повышения эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. № 2. С. 67–74.

Чаплюкова О. Б., Осипова М. Ю. 2014. Гендерные аспекты как определяющий компонент организационного поведения руководителей // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5–1. С. 267–271.

Чирикова А. Е. 1998. Женщина во главе фирмы. М.: Институт социологии РАН. 358 с.

Vinacke E. 1957. Stereotypes as Social Concepts // The Journal of Social Psychology. № 46. P. 222–249.

Статья поступила: 27.12.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ужахова Лейла Магомедовна, кандидат экономических наук, доцент, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Саакова Валерия Вадимовна, студент 1 курса направления «Менеджмент», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Утегенова Виктория Бахтияровна, студент 1 курса направления «Менеджмент», Тюменский государственный университет, Тюмень, Росси

Данилюк Анна Анатольевна, старший преподаватель, кафедра менеджмента, маркетинга и логистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Росси

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.633

The Influence of Gender Characteristics on the Professional Activity of Management and Subordinate Staff

Leyla M. Uzhakhova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: Lailau@mail.ru

ORCID Id: 0000-0003-1396-6456

Valeriya V. Saakova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: valeriyasaakova@yandex.ru

Victoria B. Utegenova

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: utegenovav@list.ru

Anna Danilyuk

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: a.a.danilyuk@utmn.ru

ORCID Id: 0000-0003-0616-6055

For citation: Uzhakhova L., Saakova V., Utegenova V., Danilyuk A. The influence of gender characteristics on the professional activity of management and subordinate staff. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 169–182. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.633

Abstract. The article presents the results of an empirical study on how managers and subordinate staff conform to prescribed gender characteristics. Materials on gender psychology and sociology written by both Russian and foreign authors were used. The meaning of the terms “gender” and “gender characteristics” were more clearly spelled out, while separating the concepts “sex” and “gender” from each other. The authors specified the characteristics of managers and subordinate personnel of either sex in the city of Tyumen, while defining the degree of femininity, masculinity and androgyny in each group using the Bem Sex-Role Inventory. The respondents’ answers concerning the role and place of gender stereotypes in the workplace were analyzed; generalized characteristics of managers of either sex were compiled based on the answers they provided, while taking into account the respondent’s sex. When conducting research, the gender characteristics, qualities and skills inherent to each sex (regardless of whether they hold a managing or subordinate position) were ranked. Peculiarities inherent to managers from the city of Tyumen associated with handling a team of employees were determined. It was established that women more often than men possess and broadcast gender stereotypes based on traditional attitudes. Despite this, a tendency towards moving away from traditional gender mindsets and behavior was noticed among both subordinate staff and management, due to them conflicting with work conduct. Researchers recognized that in reality subordinate staff tends to fall in line with prescribed gender characteristics to a greater extent than management. An assumption was made that gender characteristics appear to be more pronounced among managers due to the fact that their personality has a more considerable effect on their actions than is the case with subordinate staff. A conclusion is drawn on the need to further study the phenomenon of androgyny among managers. A recommendation is given for applying the existing practical sociological methods, as well as an adapted socio-psychological set of instruments for each enterprise in particular, since one must consider the balance of androgyny, femininity and masculinity in any given team of employees when choosing the means and methods of administrative action when it comes to developing, approving and implementing management solutions, as well as appropriate conduct in conflict situations.

Keywords: gender characteristics, gender, superiors, subordinates, femininity, masculinity, androgyny

References

- Alexandrova O. A., Burdastova Y. V., Nenakhova Y. S., Khotkina Z. A. Gender aspects of employment and career in the media industry of Georgia, Moldova and Russia: comparative analysis. AIRP Official website, 2018. Available at: <https://anri.org.ru/wp-content/uploads/2019/05/gendernye-aspekty-zanyatosti.pdf> [accessed: 15.07.2019] (In Russ.).
- Avdulova T. P. Gender aspects of management. Saint-Petersburg, Rech', 2012: 130 (In Russ.).
- Chaplyukova O. B., Osipova M. Y. Gender as a determinant of organizational leadership behaviour. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual Problems of Humanities and Natural Sciences, 2014: 5 (1): 267–271 (In Russ.).
- Chirikova A. E. Woman in charge of the firm. Moscow, IS RAS publ. 1998: 358 (In Russ.).
- Evdokimova E. N. A successful supervisor – who is he? Gender differences in leadership positions. Ekonomika i sotsium = Economy and Socium, 2016: 6: 44–49 (In Russ.).
- Gontar Y. S. Androgynia as a modern direction of development of gender research of students of the Faculty of Social and Cultural Activities of the MGUKI. Vestnik MGUKI = Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts, 2012: 45: 193–198 (In Russ.).
- Il'inykh S. A., Bychkova M. M. Gender analysis of management decision-making. Obschestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, 2019: 5 (In Russ.).
- Il'yaeva I. A., Savenkova I. V. Historical and sociological view of the impact of gender relations in management. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Bulletin. Serie: Humanities, 2007: 50: 159–165 (In Russ.).
- Isakova E. V. Gender stereotypes and their impact on work: avtoref. dis. kand. philos. n. Kemerovo, 2006: 20 (In Russ.).
- Khokhlova T. P. Identification of gender aspects of management – factor of management efficiency improvement. Menedzhment v Rossii i za rubezhom = Management in Russia and Other Countries, 200: 2: 67–74 (In Russ.).
- Koroliova O. V. Gender differences in leadership styles accounting as a factor in improving enterprise performance. Voprosy sovremennoy nauki i praktiki = Problems of Modern Science and Practice, 2007: 2: 113–118 (In Russ.).
- Kuryshva O. V., Voznesenskaya A. V. Gender differences in strategy and tactics of self-declaration. Vestnik VolGU. Seriya 11: Estestvennye nauki = Bulletin of the Volgograd State University. Series 11: Natural Sciences, 2015: 2: 122–131 (In Russ.).
- Kviatkovskaya M. D. Gender dimensions of decision-making by managers in time-constraints. Organizatsionnaya psikhologiya = Organizational Psychology, 2015: 5: 139–154 (In Russ.).
- Matiushina N. O. Gender characteristics of the professional image of the manager. Vestnik magistratury = Bulletin of the Magistracy, 2018: 86: 55–58 (In Russ.).
- Skiba E. K. Gender regimes as a reflection of power relations. Antropologicheskie izmereniya filosofskikh issledovaniy = Anthropological Measures of Philosophical Studies, 2015: 7: 103–110 (In Russ.).
- Sokolskaya V. V. Gender stereotypes in the labour market: on the example of a mono-profile city: avtoref. dis. kand. sociol. sci. Ekaterinburg, 2003: 32 (In Russ.).
- Vinacke E. Stereotypes as Social Concepts. The Journal of Social Psychology, 1957: 46: 222–249.

The article was submitted on December 27.2019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Uzhakhova Leyla Magomedovna, Candidate of Economical Sciences, Docent, Department of management, marketing and logistics, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Saakova Valeriya Vadimovna, Student, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Utegenova Victoria Bakhtiyarovna, Student, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Danilyuk Anna Anatilevna, senior teacher, Department of management, marketing and logistic Tyumen State University, Tyumen, Russia

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ: РОДИТЕЛЬСКИЕ СООБЩЕСТВА

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Социальная общность родителей как субъект гражданского общества

Ссылка для цитирования: Шаброва Н. В. Социальная общность родителей как субъект гражданского общества // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 1. С. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

For citation: Shabrova, N. V. Social community of parents as a subject of civil society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Шаброва Нина Васильевна

Уральский федеральный университет,
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

urfu-stu@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [586740](#)

Аннотация. Традиционные субъекты гражданского общества, действовавшие на протяжении долгого времени, теряют былое влияние и значимость. Исследователи отмечают снижение уровня гражданской активности населения во многих странах мира. Существующие концепции гражданского общества теряют объяснительную силу. В статье представлена попытка преодоления данной проблемы. Цель статьи – проанализировать социальную общность родителей в качестве нового субъекта гражданского общества. Для достижения данной цели гражданское общество рассматривается с позиций общностного подхода, в соответствии с чем оно трактуется как особый тип социальной общности. Его специфика обусловлена тем, что эта общность состоит из индивидов (и их ассоциаций), являющихся носителями особых потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Показано, что индивиды (и их ассоциации), располагая необходимыми ресурсами (прежде всего, социальным капиталом), осуществляют совместную деятельность по реализации и защите своих потребностей и интересов в определённых границах времени и пространства. Подчёркивается, что для представителей общности гражданского общества такая деятельность становится доминирующей моделью жизнедеятельности, т. е. образом жизни. Анализируются ключевые характеристики, функции и структура гражданского общества как социальной общности и особенности формирования и развития в ней родительства как нового её элемента. На основе этого показано, что общность современных родителей изменяется. Сохраняя свои традиционные общностные свойства и функции, социальная общность родителей всё больше приобретает характеристики и функции общности гражданского общества, превращаясь в её особый тип. Показан процесс постепенного встраивания социальной общности родителей в общностную структуру гражданского общества. Вместе с тем отмечается, что происходит это с различной интенсивностью во времени и пространстве и обусловлено неоднородностью и противоречивостью самой родительской общности. Объективно существующие различия между родителями влияют на степень их вовлечения в практики гражданского общества, на характер внутриобщностных и межобщностных взаимодействий.

Предлагается рассматривать внутреннюю структуру родительства как динамичную, включающую в себя ядро, полупериферию и периферию. Делается вывод, что в современных условиях родительство превращается в драйвер развития гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, общностный подход, родительство, общностные характеристики, общностная структура гражданского общества, общностные взаимодействия

Трансформация структуры и функций государства (государственной власти), спад гражданской активности традиционных субъектов гражданского общества – реалии сегодняшнего дня многих стран мира. Эти процессы актуализируют переосмысление подходов к структуре и функциям гражданского общества, активизацию новых механизмов реализации и защиты прав и интересов граждан, поиск новых субъектов гражданского общества [Яницкий 2011; Горшков 2013; Левашов 2006; Sievers 2009]. Полагаем, что одним из таких подходов, позволяющим по-новому взглянуть на гражданское общество, является общностный подход, а общность родителей может выступить одним из субъектов развития гражданского общества.

Цель статьи – проанализировать социальную общность родителей в качестве нового субъекта гражданского общества.

Теоретические подходы к гражданскому обществу как социальной общности

Выбор общностного подхода к анализу гражданского общества обусловлен тем, что он даёт возможность: 1) «спуститься» с уровня абстрактных категорий в поле непосредственных отношений и взаимодействий самостоятельных субъектов социальных действий; 2) показать аспекты «соединения» личности и общества; 3) объяснить активность/пассивность этих самостоятельных субъектов социальных действий в реальных повседневных практиках [Зборовский 2009: 9]¹.

В научной литературе (как зарубежной, так и отечественной) существует ряд работ, в которых учёные анализируют гражданское общество с позиций общностного подхода. Условно их можно разделить на три группы.

Представители первой группы декларативно относят гражданское общество к социальной общности, не анализируя её сущностных особенностей. Например, А. А. Дудкина пишет: «Гражданское общество пред-

¹ Следует отметить, что в научной литературе не существует единства в толковании понятия «общность». Данное обстоятельство обусловлено, в частности, многообразием его содержательных характеристик и подходов к его пониманию (микро- и макросоциологический, системный, пространственный, структурный, психологический, поведенческий, коммуникативный, деятельностный).

ставляется как *наивысшая форма общности*, которая включает в себя ассоциации (семья, корпорации), ценностно не сравнимые с государством, так как общность выступает в качестве сообщества, базирующегося на принципе справедливости» [Дудкина 2016: 42].

Ко второй группе мы относим работы, авторы которых рассматривают гражданское общество как совокупность традиционных, местных сообществ (А. В. Боярских, М. Н. Волошенко, А. Ю. Завалишин, М. А. Молокова, И. Ф. Уманец, С. R. Hoffer и др.). Основываясь на идеях классиков общностного подхода (Ф. Тённиса, представителей Чикагской социологической школы, Л. Шноре и др.), они полагают, что местные сообщества выступают ключевым элементом гражданского общества, «целостными и относительно самостоятельными ячейками его территориальной организации» [Боярских 2014: 138]. Именно такие локальные общности, образованные по принципу самоорганизации, способны в процессе своей деятельности осознавать и решать актуальные повседневные проблемы, поскольку не испытывают «недостатка взаимного доверия, информированности и практических навыков добровольного продуктивного взаимодействия» [Молокова 2011: 180].

Соглашаясь с высоким уровнем значимости локальных общностей в структуре гражданского общества, полагаем, что недостаточно сводить её (структуру гражданского общества) к простой сумме, совокупности локальных территориальных общностей. Общностная структура гражданского общества представляется нам как более сложная, многоуровневая. Подробнее данная позиция будет раскрыта чуть позже, когда мы непосредственно обратимся к описанию нашего представления об общностной структуре гражданского общества.

К третьей группе мы относим работы, в которых учёные рассматривают общество как «мегаобщность» (А. Etzioni, W. A. Galston, M. A. Glendon, J. B. Elshtain и др.). В частности, один из авторов концепции «отзывчивого коммунитаризма» А. Этциони рассматривает общество («The Good Society») как «общность общностей» (the community of communities). По сути, в рамках его концепции национальное государство, тождественное гражданскому обществу, и есть «общность общностей» – *сеть эмоционально-насыщенных связей и отношений общностей индивидов (жителей определённого государства), являющихся носителями особой национальной культуры* [Etzioni 1995; 2002].

Для понимания сути концепции «отзывчивого коммунитаризма» необходимо обратить внимание на несколько важных моментов. Сторонники данной концепции считают, что [Etzioni 2006; McNutt 1997]: 1) *индивидуальные права граждан должны быть сбалансированы с потребностями «общности общностей» (коллективными правами)*, т. е. индивидуальные права граждан вторичны по отношению к коллективным, и чтобы их отстаивать, *необходимо быть включённым в общность*; 2) *обязанности членов общности должны превалировать над их индивидуальными правами*; 3) в структуре ценностей общества («The Good Society») существуют те, которые имеют более высокий моральный

статус, и граждане обязаны их принимать; 4) «общность общностей» должна иметь право и возможность осуществлять моральное давление на своих членов и добиваться от них установленной степени подчинения, т. е. она является по определению структурой принуждения.

Сторонники данного подхода выступают за широкий спектр мер по поддержке полной семьи, потому что такая семья даёт больше шансов для *правильного* нравственного воспитания, усвоения общественной морали и добродетели, учит гражданственности. Вместе с тем А. Этциони подчёркивает, что если семья *неправильно* сформировала моральный облик ребёнка, то «общность общностей» имеет право и возможности корректировать его. Например, посредством института образования. «Социальная роль семьи заключается в становлении и развитии морального Я ребёнка. Роль школ – не только в продолжении развития морального Я, но и в исправлении его, если оно было упущено или деформировано семьёй» [Etzioni 2006: 82].

Мы исходим из несколько других методологических принципов общностного подхода¹.

Для нас *гражданское общество* представляет собой *особый тип социальной общности*. Это не всё общество, а только его *часть, относительно независимая от государства*, но взаимодействующая с ним. Эта *часть общества* (граждане и их ассоциации) обладает специфическими потребностями и интересами, добровольно осуществляет совместную деятельность для их удовлетворения [Горшков 2012; 2013; Левашов 2006; Яницкий 2013].

Методологической рамкой общностного подхода к гражданскому обществу для нас выступает концепция социальной общности Г. Е. Зборовского.

Родительство сквозь призму общностных характеристик и функций гражданского общества

Для начала обратимся к анализу характеристик гражданского общества как социальной общности и родительства как его элемента [Зборовский 2009: 109].

Во-первых, несомненным является то, что гражданское общество – это *совокупность индивидов (граждан и их ассоциаций), включённых в систему общественных отношений*. Следует отметить, что мы

¹ Мы, учитывая и принимая всё многообразие подходов к социальной общности, в качестве доминирующего рассматриваем деятельностный подход. Это обусловлено тем, что в рамках данного подхода под социальной общностью понимается «взаимосвязь индивидов, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их целей, задач, интересов на основе общих условий бытия и деятельности» [Зборовский 2009: 100]. Иначе говоря, совокупность индивидов становится общностью, когда они (индивиды) взаимосвязаны и взаимодействуют, движимые общими целями и интересами.

целенаправленно используем в данном случае термин «совокупность», а не «взаимосвязь», подчёркивая тем самым механическое, а не органическое соединение субъектов общности гражданского общества на данном этапе его функционирования. Полагаем, что о подлинно гражданском обществе как общности можно будет говорить при возникновении между его субъектами именно *взаимосвязей*. Более подробно мы остановимся на этом позже, когда будем говорить о характере межобщностных и внутриобщностных отношений общности гражданского общества.

Родительство, на наш взгляд, выступает одной из подобностей гражданского общества, обладающей колоссальным потенциалом для развития гражданского общества¹. Оно, как и любая другая социальная общность, включено в систему общественных отношений. И здесь важно подчеркнуть, что мы, соглашаясь с позицией А. Чернышова [Чернышов 2019: 47], исходим из понимания родительства в широком контексте: не только и не столько как составляющей семьи, сколько через понимание его именно как субъекта общественных отношений. Данная точка зрения обусловлена тем, что форматы современных семейных практик могут быть самыми разнообразными. Современное родительство выходит за рамки традиционных представлений о структуре и характере родительских взаимоотношений в семье [Гурко 2008]. Кроме того, понимание родительства как субъекта общественных отношений позволяет включать в данную общность не только тех, у которого уже есть дети, но и потенциальных родителей, у которых в настоящее время может и не быть собственных детей.

Как мы отмечали выше, гражданское общество – это часть общества, относительно независимая, но взаимодействующая с государством. Индивиды оказываются вовлечёнными в данную общность (в явной или латентной форме) в связи с *наличием у них особых потребностей и интересов*. Это вторая значимая, с нашей точки зрения, характеристика гражданского общества как социальной общности. К базовым потребностям и интересам представителей общности мы относим прежде всего равенство всех перед законом, свободу выбора и неприкосновенность частной жизни, право на частную собственность, признание различий и уважение, взаимопомощь и др. Эти потребности и интересы, отражаясь в сознании представителей данной общности, проявляются в виде системы ценностных ориентаций (морально-нравственных, эстетических, политических, религиозных и т. д.) [Актуализированные ценности... 2015: 15–21].

Важно подчеркнуть, что содержательно ценностные ориентации могут интерпретироваться в различных культурах, сферах деятельности и времени по-разному. На протяжении многих лет отдельные категории граждан были лишены избирательных прав (женщины, чернокожие и др.), т. е. не были равны в избирательном праве и не могли осуществлять свободный выбор в политической сфере.

¹ Полагаем, что предпосылки общностного подхода к родительству были заложены в работах И. С. Кона.

Родительство как социальная общность и как общность гражданского общества обладает целым рядом потребностей, интересов и ценностных ориентаций. Особенность структуры потребностей, интересов и ценностных ориентаций современного родительства заключается в её усложнении [Гурко 2013; Безрукова 2014]. Наряду с традиционными для родительской общности (рождение, обеспечение и воспитание детей), в неё включаются новые ценности, присущие родительству как общности гражданского общества (уважение различий, возможность свободного выбора траекторий репродуктивного, экзистенциального, социализационного поведения – как своего, так и детей) [Актуализированные ценности... 2015: 21].

Такая трансформация структуры потребностей, интересов и ценностных ориентаций современного родительства способствует не только решению тактических задач общности родителей (формированию и отстаиванию общей повестки сегодняшнего дня). Она решает и стратегическую задачу – способствует развитию гражданского общества посредством формирования не только нового поколения родителей, но и детей¹, разделяющих ценности гражданского общества [Чернышов 2019].

Вместе с тем хотелось бы оговориться, что мы не идеализируем всех родителей. Данная общность неоднородна как по своим потребностям и интересам, так и по ценностным ориентациям. К вопросу о дифференцированности родительства мы ещё обратимся при анализе структуры родительства как общности гражданского общества.

Осознание перечисленных выше потребностей и интересов и преломление их сквозь призму ценностных ориентаций приводит к формированию конкретных внутренних побудителей действия, готовности к тому или иному поведению. Отсюда возникает третья характеристика гражданского общества как социальной общности: граждане и их ассоциации, включённые в данную систему социальных связей и отношений, осуществляют совместную деятельность.

Эта деятельность, на наш взгляд, проявляется в двух аспектах. Первый заключается в *реализации* представителями общности своих потребностей и интересов в различных формах и видах деятельности. Представители данной общности удовлетворяют свои потребности и интересы, добровольно объединяясь и взаимодействуя в поиске и выработке взаимовыгодных решений [Яницкий 2015]. Они реализуют эти решения на практике и несут ответственность за свои действия в соответствии с правовыми, нравственными нормами и т. д. Граждане, например, могут объединяться в клубы по интересам для удовлетворения духовных потребностей.

Второй аспект совместной деятельности представителей гражданского общества заключается в *защите* прав и интересов. Он возникает при появлении ограничений этих возможностей, которые могут исходить как от государства, так и от сообществ гражданского общества.

¹ Передача гражданских ценностей, знаний и установок от родителей к детям может осуществляться разными способами. Наиболее часто в научной литературе выделяются три основных классификации: по характеру воздействия (прямой/косвенный), по степени активности родителей (активный/пассивный), по особенностям детско-родительского взаимодействия (линейный/нелинейный). См., например, Шаброва Н. В. 2018. Концепция родительства как субъекта развития гражданского общества // Вестник СурГПУ. № 2.

Деятельность родителей как общности гражданского общества по реализации и защите своих потребностей и интересов разнообразна. Она может осуществляться *в различных сферах* (политической, экономической, в сфере образования и т. д.); *в различных масштабах* (на различных уровнях) (национальном, региональном, локальном); *с ориентацией на различные объекты защиты* (преимущественно прав и интересов родителей или детей); *с разным содержанием участников* (с детьми и без их участия); *в различных организационных формах* (неформальных, полужформализованных и формальных организациях); *с разной степенью легитимности* (конвенциональными, институционально одобряемыми методами и неконвенциональными – незаконными); *с использованием различных форм и способов коммуникаций* между родителями и структурами, с которыми они взаимодействуют (непосредственные, опосредованные, кооперация, конкуренция, паритет, подчинение, господство, устные, письменные, электронные и т. д.).

Совместная деятельность родителей предполагает как внешнее (прежде всего с властными структурами), так и внутриобщностное взаимодействие, для которого необходима солидарность. Под солидарностью родительства как общности гражданского общества мы понимаем не пассивное согласие, однородность [Бабинцев 2016], а разделяемый родителями принцип поиска компромисса, конструктивного сотрудничества: умение слышать, понимать и доверять друг другу, находить те формы деятельности по реализации и защите прав, интересов, свобод, которые не только бы удовлетворяли индивидуальные потребности, но и учитывали интересы широкого круга представителей общности. Вместе с тем полагаем, что такая «органическая солидарность родительства» (в терминологии Э. Дюркгейма) возможна лишь на уровне реальных локальных общностей родителей. В глобальных масштабах (например, на национальном уровне) она теряет свою эффективность из-за сложности, а подчас невозможности согласования потребностей всех заинтересованных [Яницкий 2015: 76; Блэ 2018].

Активная гражданская и социальная деятельность родителей не только в прямой форме способствует развитию гражданского общества, но и активизирует включение детей в политические дискуссии и практики гражданского и социального участия [Flanagan et al. 1998; Fletcher et al. 2000; Vebiroğlu 2009; Мерсиянова и др. 2019], т. е. в косвенной форме содействует формированию нового поколения активных членов гражданского общества.

Осознавая свои потребности и интересы и осуществляя совместную деятельность, члены гражданского общества (как общности) *принимают (и в определённой степени разделяют) нормы и образцы поведения* – и это четвёртая характеристика гражданского общества как социальной общности. Эти нормы и образцы поведения обусловлены особенностями институционального устройства, культурно-исторического развития того или иного государства [Кирдина 2012; Haddad 2006].

Данный тезис даёт возможность говорить ещё об одной (пятой) характеристике гражданского общества в изучаемом аспекте – его *пространственно-временной локализации*. Временная локализация

позволяет анализировать изменения и динамику гражданского общества во времени, её особенности (например, членства, практик участия) в разные периоды исторического развития той или иной страны.

Важно выделить специфику современного этапа развития гражданского общества и общности родителей. На протяжении достаточно длительного времени родительство и гражданское общество существовали и функционировали как две относительно независимые общности. В настоящее время ситуация меняется. С одной стороны, традиционные субъекты общности гражданского общества и те формы защиты прав и интересов, которые существовали на протяжении длительного времени, теряют былую силу и значимость. Исследователи отмечают спад гражданской активности населения во многих странах мира [Pavlova et al. 2016]. Отсюда возникает проблема поиска новых субъектов, движущих сил развития общности гражданского общества и форм защиты прав и интересов. С другой – давление на родителей со стороны государства (в правовой, образовательной, культурной и др. сферах) вовлекает их в практики гражданского и социального участия для отстаивания прав и интересов (как своих, так и детей) [Актуализированные ценности... 2015: 158]. Тем самым общность родителей вольно или невольно встраивается в структуру общности гражданского общества.

Пространственная локализация гражданского общества – это отличия конфигураций данной общности в рамках территориального пространства (страны, региона, типа поселения). Она в определённой мере обуславливает систему ценностей, жизненных ориентиров и образцов поведения представителей общности гражданского общества [Асимметрия жизни... 2017].

Проживание в странах с высокой ценностью социальной ответственности повышает уровень вовлечения и родителей, и детей в практики гражданской активности [Flanagan et al. 1998]. Исследование А. Флетчер выявило взаимосвязь между типом поселения родителей и их вовлечённостью в локальные практики гражданского участия [Fletcher et al. 2000]. Американские родители, проживающие в сёлах, активнее, чем городские, вовлекаются в местные сообщества для решения проблем, поскольку в большей степени зависят друг от друга.

Многие исследователи подчёркивают значимость для родителей (и для развития детей) микрорайона проживания. Родители, выбирая место проживания, стремятся создать благоприятные условия не только для себя, но и для безопасности, самореализации детей, т. е. для более качественного выполнения родительских функций [Коулман 2001; Флорида 2014; Rossi et al. 2016; Филипова и др. 2018]. Вместе с тем свобода такого выбора ограничивается экономическими возможностями семьи.

Проживание в микрорайоне, не обладающем хорошей инфраструктурой, актуализирует вовлечение родителей в решение более широкого круга вопросов и проблем. Их круг может выходить за рамки непосредственно родительских потребностей и интересов, но быть важным для

родителей как граждан. Например, родительство микрорайона имеет право выступить против транспортной реформы в городе, т. к. изменение маршрутов и графика движения транспорта может сказаться на выполнении их трудовых функций.

Кроме того, родители, вовлекаясь в гражданские и социальные практики решения проблем микрорайона, включаются в систему межобщностных и внутриобщностных отношений. Как представители гражданского общества они могут взаимодействовать не только с органами власти, но и с другими общностями, проживающими на данной территории.

В ходе деятельности члены гражданского общества располагают, воспроизводят и обменивают различного рода *ресурсы* – «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [Гидденс 2005: 60]. И это *шестая характеристика гражданского общества как социальной общности*. Ресурсная обеспеченность гражданского общества играет важную роль в его функционировании и развитии. Уникальность и масштабность его ресурсов повышает привлекательность группового членства в нём, позволяет расширять его рамки, объединяя ресурсные возможности представителей разных структур [Барсукова 2004: 138].

В научной литературе существует достаточное количество концепций и классификаций ресурсов [Гидденс 2005; Ядов и др 2008; Бурдые 1994]. Не останавливаясь на их подробном анализе, отметим, что главным ресурсом социальной общности вообще и гражданского общества в частности является социальный капитал. Это те неосязаемые взаимоотношения индивидов, социальные связи между его членами, которыми они «могут пользоваться, и которые придают ему силу и власть, позволяют успешно реализовываться в соответствующем социальном пространстве, участвовать в конструировании новых социальных полей» [Зборовский 2009: 153], «облегчать свою производственную деятельность» [Коулман 2001: 126].

Формы социального капитала, по мнению учёных, весьма разнообразны. Это способность к объединению и солидарность, доверие и эффективные нормы, сети и добровольчество, возможность получения информации и т. д. [Коулман 2001; Фукуяма 2004; Барсукова 2004; Сааки и др. 2009; Яницкий 2011]. Все они, с одной стороны, необходимы для становления и развития гражданского общества, а с другой, – воспроизводятся в ходе его функционирования.

Родительство в данном плане не является исключением. Конечно, для осуществления деятельности родительство необходимы материальные ресурсы, но, как было отмечено выше, главным ресурсом социальной общности является социальный капитал. Для родительской общности он существует и воспроизводится только в ходе взаимоотношений различных его форм, значительно облегчая и повышая результативность деятельности этой общности гражданского общества [Яницкий 2013; Коулман 2001]. Отсюда вытекает важное условие воспроизводства социального

капитала общности вообще и родительства как общности гражданского общества: замкнутость контактов её членов. При наличии замкнутости контактов («сильных связей»), что более вероятно в локальных групповых родительских общностях, появляются основания для органической солидарности, доверия друг другу, возможности получения информации и отслеживания эффективности выполнения норм и т. д. [Коулман 2001; Барсукова 2004]. Так, родители, объединившиеся по принципу принадлежности их детей к определённому учебному классу, в ходе межличностного взаимодействия (или опосредованного приложениями WhatsApp, Viber и др.) на протяжении обучения их детей в школе обмениваются разнообразной информацией, в т. ч. о проблемах детей, ищут методы их решения и реализуют на практике. В ходе такого взаимодействия у каждого члена данной родительской общности формируется своя репутация и представление о «круге вопросов», в которых он компетентен, и, при необходимости, человеческий капитал отдельно взятого родителя конвертируется в социальный капитал общности родителей класса.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть важность «слабых связей» для воспроизводства и использования социального капитала родительства как общности гражданского общества. Мы согласны с позицией Б. Уэллмана относительно того, что «слабые связи» дают возможности интеграции разноаспектных социальных систем и обеспечивают распространение информации [Уэллман 2000]. Более того, множество «слабых связей» в некоторых случаях оказывается эффективнее, чем несколько сильных. «Сильные связи» соединяют людей, возвращающихся в своих социальных кругах и, следовательно, обладающих одной и той же информацией. «Слабые связи» соединяют людей, включённых в разные структуры, сферы общества и тем самым дают возможность расширить их информационное поле. Это чрезвычайно важно потому, что граждане-родители, включённые в широкий спектр «слабых связей», способны аккумулировать и усиливать социальный капитал родительских подобщностей. Например, гражданин-родитель, поучаствовавший в акции помощи бездомным животным (престарелым людям, детям-сиротам и т. д.), может предложить локальной общности родителей (в частности, родителям класса, в котором обучается его ребёнок) включиться (в том числе вместе с детьми) в просоциальную деятельность.

Наконец, последней, седьмой характеристикой гражданского общества как социальной общности, так или иначе обобщающей все вышеперечисленные, является *образ жизни* данной общности. Под образом жизни гражданского общества как социальной общности, в соответствии с концепцией образа жизни А. А. Возьмителя, мы будем понимать устойчивые формы социального бытия, совместной деятельности людей по реализации и защите своих прав и интересов, «типичные для исторически конкретных социальных отношений, формирующиеся в соответствии с генерализованными нормами и ценностями, отражающими эти отношения» [Возьмитель 2017: 32]. Такие формы бытия и совместной деятельности выступают типичными, доминирующими моделями жизне-

деятельности общества в целом. Именно они, несмотря на значительную дифференциацию по способам и стилям жизни отдельных подобщностей, маркируют отличие одного общества от другого.

На протяжении многих столетий образ жизни родительства как социальной общности включал в себя типичные, устоявшиеся способы и формы жизнедеятельности (повседневную трудовую, бытовую, социокультурную и т. д.), отличавшие родителей от «не-родителей». Современные условия (прежде всего, вмешательство государства в частную жизнь граждан) актуализировали формирование и развитие новых аспектов жизнедеятельности родителей (общественно-политическую, правозащитную деятельность и т. д.). Образ жизни современного родительства расширяется за счёт включения в его структуру способов и форм жизнедеятельности, позволяющих реализовывать и защищать права и интересы (свои и детей). Иначе говоря, образ жизни современного родительства приобретает некоторые черты, элементы образа жизни общности гражданского общества.

Образ жизни родителей как общности возникает не сиюминутно. Это достаточно длительный процесс, который формируется посредством устойчивого воспроизводства в повседневной жизни родителей способов социального самоопределения и самоорганизации, реализации и защиты прав и интересов (как своих собственных, так и детей), т. е. посредством конструирования и воспроизводства стиля и способа жизни родительства как общности гражданского общества. Эти стиль и способ жизнедеятельности, в свою очередь, сопряжены с целым рядом социально-демографических характеристик как родителей (полом, возрастом, уровнем образования, статусом, состоянием здоровья), так и их детей (полом, возрастом, состоянием здоровья).

Особо хотелось бы отметить влияние на стиль и способ жизни родителей как общности гражданского общества двух характеристик детей: возраста и состояния здоровья. Эти характеристики, на наш взгляд, во многом определяют степень закрепления в повседневных практиках родителей устойчивых форм совместной деятельности по реализации и защите прав и интересов (своих и детей).

Так, несмотря на постоянство статуса родителя, по мере взросления детей часть родительских функций как бы отходит на второй план. Другими словами, по достижении определённого возраста (в зависимости от законодательства страны) дети приобретают полную дееспособность. Они не нуждаются в создании родителями условий для реализации их потребностей и интересов, отстаивании и защите их прав. В ситуации же наличия у детей тяжёлых заболеваний родители создают условия для реализации потребностей и интересов детей и защищают их права вне зависимости от возраста ребёнка [Актуализированные ценности... 2015: 158].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что гражданское общество – это особый тип социальной общности, специфика которой обусловлена тем, что она состоит из индивидов (и их ассоциаций), являющихся носителями особых потребностей, интересов, ценностных

ориентаций. Индивиды (и их ассоциации), располагая необходимыми ресурсами (прежде всего – социальным капиталом), осуществляют совместную деятельность по реализации своих потребностей и интересов и защите их в определённых границах времени и пространства. Для представителей общности гражданского общества такая деятельность становится доминирующей моделью жизнедеятельности, т. е. образом жизни.

Современное родительство всё больше приобретает свойства, характеристики общности гражданского общества. Это даёт основания утверждать, что его можно рассматривать в качестве особого типа социальной общности, подобности гражданского общества.

Говоря о функциях гражданского общества как социальной общности, следует выделить внешние (проявляющиеся во взаимодействии с другими элементами социальной структуры) и внутренние (направленные на поддержание устойчивости самой общности) [Зборовский 2009: 161].

К внешним функциям, проявляющимся прежде всего во взаимодействии с государством, мы относим, во-первых, функцию закрепления и выражения групповых интересов. Представители общности гражданского общества формулируют свою позицию и транслируют её государству (представителям органов власти различных уровней). Выражение групповых интересов общности может осуществляться как в конвенциональных, институционально одобряемых государством формах, так и неконвенциональных. К конвенциональной форме выражения групповых интересов, например, можно отнести членство в политической партии, а к неконвенциональной – участие в протестных выступлениях.

Родители формулируют (вырабатывают) коллективную позицию относительно какого-либо вопроса или проблемы и транслируют её (различными формами и методами) представителям органов власти или руководству организации. Так, локальная родительская общность класса может написать коллективную жалобу директору школы, будучи неудовлетворённой качеством преподавания дисциплины.

С функцией выражения групповых интересов тесно связана коммуникативная функция, состоящая в обеспечении связей и взаимодействий между общностью гражданского общества и государственными институтами. Эти взаимодействия могут выстраиваться в плоскости сотрудничества (поиске форм конструктивного диалога и разрешения противоречий) и конфликта (принуждения и давления). Родители вступают в прямые и опосредованные связи и взаимодействия с представителями органов власти или руководством организации для реализации и защиты потребностей и интересов (как своих, так и детей).

К третьей внешней функции гражданского общества как социальной общности мы относим функцию социального сравнения. Она проявляется через механизмы идентификации индивидов (и их ассоциаций) с данной общностью и осознания потребности включения в неё. Благодаря этим механизмам члены общности имеют возможность сопоставить преимущества и недостатки вовлечения в данную общность для реализации и защиты своих прав и интересов.

Родители, идентифицируя себя с общностью гражданского общества в противовес той части общества, которая не стремится реализовывать свои потребности (интересы) и защищать их, осознают важность того, что они делают. Они испытывают гордость от значимости результатов их деятельности не только для своих детей, но и чужих, того социума, в котором они живут, не только для настоящего, но и для будущего.

К внутренним функциям гражданского общества можно отнести, во-первых, функцию формирования социальных (моральных) норм и ценностей. Тесно с данной функцией связана функция воспроизводства общественных отношений, заключающаяся в соблюдении этих норм и связанных с ними образцов поведения. Применительно к гражданскому обществу как социальной общности такими ключевыми нормами и образцами поведения, на наш взгляд, являются добровольность и свобода выбора, уважение и доверие, солидарность и ответственность, а также готовность отстаивать свои права и интересы.

Родительство, несомненно, формирует (и отчасти корректирует) социальные (моральные) ценности и нормы и воспроизводит общественные отношения в виде воссоздания и закрепления определённых практик деятельности родителей по реализации и защите потребностей и интересов не только у представителей самой общности, но и у детей.

Третьей, наиболее важной внутренней функцией гражданского общества как социальной общности, является интегративная. Она состоит в консолидации потребностей и интересов различных подобщностей общности гражданского общества. Эта консолидация предполагает достижение согласия, способности и возможности слышать, понимать и доверять друг другу, искать компромиссы [Бабинцев 2016].

Родительство интегрирует и рекрутирует новых членов общности, консолидируя интересы и потребности родителей на базе их родительского статуса в стремлении реализации своих потребностей и интересов и их защиты. Таким образом, родительство в рамках своей деятельности выполняет ключевые функции гражданского общества [Горшков 2012: 4–7]. Реализация данных функций позволяет, с одной стороны, поддерживать устойчивость самой родительской общности, а с другой, – осуществлять взаимодействия с внешними по отношению к общности родителей социальными структурами (институтами, организациями, общностями).

Общностная структура гражданского общества и место социальной общности родителей в ней

В структуру социальной общности в самом общем виде входят социальные субъекты (члены общности), её объекты (то, на что или кого направлена деятельность субъектов социальной общности) и отношения (связи) между ними [Зборовский 2009]. Сложность структуры гражданского общества обусловлена и субъектом, и объектом, и складывающимися отношениями (связями) между ними. В первую очередь следует отметить гетерогенность (разнородность) самого субъекта. Гражданское

общество как социальная общность включает в себя широкий спектр индивидов и их ассоциаций (подобщностей), которые могут быть классифицированы по ряду оснований¹. Непосредственно в структуре общности гражданского общества эти субъекты могут быть представлены формально и неформально организованными подобщностями, осуществляющими деятельность в различных сферах жизнедеятельности: образовательной, культурной, экологической, правозащитной, трудовой и др. [Социально-политическая ... 2019]. Эта деятельность может осуществляться на постоянной основе или как отклик на возникающие ситуации нарушения прав и интересов. Подобщности гражданского общества могут отличаться условиями жизни и масштабами своей деятельности, использовать различные формы реализации и защиты прав и интересов. Ключевой, объединяющей основой всех субъектов общности гражданского общества являются, на наш взгляд, уважение других, свобода выбора и готовность отстаивать свою позицию.

На протяжении долгого времени в качестве традиционных субъектов гражданского общества выступали формальные правозащитные организации, НКО, профессиональные союзы работников, политические партии и движения, неформальные объединения граждан, проживающих в некотором районе и т. п.

Социальные изменения, происходящие во многих странах мира, в частности, проявляющиеся в трансформации структуры и функций государства, активизируют появление новых субъектов гражданского общества. Таким новым субъектом, по нашему мнению, и является социальная общность родителей. Несмотря на то, что родительство лишь одна из общностей гражданского общества, сложность её внутренней структуры не только не уменьшается, но в каких-то моментах даже увеличивается. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что сама общность современного родительства неоднородна, достаточно дифференцирована, соткана из противоречий.

Родительство состоит из большого числа подобщностей, которые отражают объективно существующие различия по возрастному, образовательному, профессионально-должностному статусу родителей [Гурко 2013]. Эти различия влияют на степень вовлечения родителей в практики общности и характер внутриобщностных и межобщностных взаимодействий.

Родительство как субъект общности гражданского общества встраивается в её структуру с разными уровнями интенсивности. Так, родители могут быть включёнными в практики гражданского общества в сферах, не связанных напрямую с их родительским статусом (например, быть членами организаций по защите окружающей среды). Они могут быть организаторами или участниками деятельности по защите прав и интере-

¹ По базовым (социально-демографическим, социально-территориальным, профессиональным, этническим, статусным признакам и т. д.), количественным (массовые и групповые), временным (непостоянным, ситуативным) признакам, по степени формализации (формальные и неформальные) и сплочённости (тесно сплочённые, обладающие недостаточно тесными связями), способу возникновения и функционирования (объективные, субъективные, объективно-субъективные) и т. д.

сов, вовлекаться в данную деятельность на постоянной основе или ситуативно. Исходя из этого, полагаем, что внутренняя структура родительства может быть представлена как динамичная структура (т. к. субъекты данной общности – индивиды и их ассоциации – могут изменять своё положение), связывающая в себе ядро, полупериферию и периферию.

В ядро родительства мы включаем тех субъектов данной общности, которые *на постоянной основе* осуществляют деятельность по реализации и защите *не только прав и интересов родителей и детей, но и более широко – гражданских прав* в качестве организаторов конкретной деятельности. Иными словами, ядро родительства как общности образуют гражданские активисты, работающие в том числе и в поле родительства. Отметим, что в отечественной научной литературе акцент при анализе механизмов активизации родительского сообщества делается именно на родителях – гражданских активистах [Шпаковская 2013].

К полупериферии могут быть отнесены субъекты, которые *на постоянной основе участвуют* в деятельности по реализации и защите прав и интересов родителей и детей или *ситуативно организуют такую деятельность*. К периферии родительства мы относим тех субъектов данной общности, которые *участвуют* в деятельности по защите прав и интересов родителей и/или детей *ситуативно*.

Сложность структуры гражданского общества как социальной общности обусловлена и её объектом. В качестве такого объекта может выступать всё многообразие как реальных, так и виртуальных индивидов и их ассоциаций (подобщностей), их права и интересы, действия, поведение. Ключевой особенностью объекта общности является то, что он находится в тесной, зачастую неразделимой взаимосвязи с субъектом, т. е. по сути является объект-субъектным или субъект-объектным. Так, при защите родителями права на качественное образование их детей объектом защиты выступает «право на качественное образование». Вместе с тем это «право» существует не само по себе. У него есть конкретные носители: дети и родители (как законные представители детей). Таким образом, субъект (родители) и объект («право на качественное образование», носителем которого являются и сами родители) – сливаются.

Третьим элементом структуры социальной общности являются отношения между субъектом и объектом, т. е. прямые и/или опосредованные связи между членами гражданского общества (и их ассоциациями), определяющие возможность социальных действий и взаимодействий во времени и пространстве. Эти отношения могут проявляться в виде *односторонней связи* (например, субъекта с объектом), *взаимосвязи* (проявляющейся в виде обоюдных действий субъекта и объекта) и *социального взаимодействия* (когда происходит размывание границ между субъектом и объектом) [Зборовский 2009].

Социальные взаимосвязи выступают начальной стадией взаимодействия, своеобразным откликом на желание реальных и потенциальных представителей данной общности удовлетворить потребности и интересы как членов гражданского общества. Взаимосвязи могут проявляться в поиске информации о деятельности тех или иных подобщно-

стей гражданского общества (например, о деятельности правозащитных организаций, действующих на территории определённого населённого пункта), в виде установления контактов, причём эти контакты не всегда носят постоянный, системный и непосредственный характер (обратившись в конкретную правозащитную организацию и получив от неё помощь, мы можем больше никогда не воспользоваться её ресурсами).

Отправной точкой возникновения *социального взаимодействия*, как было сказано выше, выступают социальные взаимосвязи. Оно носит характер взаимных (прямых и обратных) действий (воздействий) субъектов и объектов гражданского общества как общности. Характерными особенностями таких взаимодействий является то, что они 1) постоянно (с определённым уровнем системности) воспроизводятся в виде обмена информацией, поиска и оценки средств и результатов своей деятельности по реализации и защите прав и интересов; 2) выходят на уровень непосредственных межличностных коммуникаций (общения).

Полагаем, что на современном этапе своего развития гражданское общество как социальная общность сформировано не в полной мере. Это обусловлено не только политическими, экономическими, социокультурными особенностями той или иной страны. Ключевой причиной является отсутствие *устойчивого органического социального взаимодействия* между субъектами и объектами гражданского общества, *образа жизни* представителей общности, в результате «постоянной активной деятельности которых возникала бы упорядоченность повседневной жизни» [Возьмител 2017: 25; Актуализированные ценности... 2015: 81]. Пока, на наш взгляд, можно говорить лишь о социальных связях и взаимосвязях, способах и стилях жизни некоторых подобщностей гражданского общества, реализующих (и защищающих) в своей практической деятельности потребности и интересы, присущие общности гражданского общества [Возьмител 2017: 35].

Перечисленные выше формы отношений элементов структуры гражданского общества различаются теснотой связи: от наименее тесной при односторонней связи к наиболее тесной в рамках социального взаимодействия. Эти отношения могут реализовываться в ходе внутриобщностных и межобщностных отношений и иметь разные векторы направленности (от сотрудничества до соперничества). Они накладываются, пересекаются и дополняют друг друга.

Так, внутриобщностные и межобщностные отношения родительства как подобщности гражданского общества могут находиться в плоскости и сотрудничества, и конфликта. Родительство может пребывать в конструктивном диалоге, выступать партнёром с подобщностями гражданского общества, действующими, например, в сфере защиты окружающей среды. Общая цель сохранения природы для настоящих и будущих поколений будет способствовать укреплению и развитию отношений между общностями гражданского общества.

С некоторыми подобщностями родительство может находиться в антагонистических отношениях. Так, во многих странах мира оно находится в определённой конфронтации с такими подобщностями гражданского общества, как ЛГБТ-движения. Например, граждане

Франции в 2013 г. вышли на массовые митинги против легализации однополых браков. Одним из главных лозунгов протестующих было выражение «папа плюс мама равно ребёнок». Тем самым собравшиеся выражали недовольство желанием правительства принять поправки, которые бы изъяли из кодекса слова «мать» и «отец» с заменой на «родитель один» и «родитель два» [Франция митингует... 2019].

Кроме того, родительство, с одной стороны, может самостоятельно инициировать и вовлекать иных субъектов гражданского общества в деятельность по реализации и защите прав и интересов; с другой, – присоединяться к инициативам этих субъектов гражданского общества.

Говоря о межобщностном взаимодействии родительства как субъекта гражданского общества, мы имеем в виду взаимодействие с государством (представителями органов власти различных уровней), которое по разным вопросам, в разных сферах может иметь диаметрально противоположный характер. В одних ситуациях (и странах) органы власти могут идти на компромисс с родительством. Например, в законах об образовании США и России (в противовес Германии) содержится положение, позволяющее выбирать (в том числе родителям) форму образования [Пол 2015]. В других ситуациях органы власти могут удовлетворять потребности одних субъектов гражданского общества, игнорируя при этом других (мнение родительства). Возвращаясь к примеру выступлений французов против легализации однополых браков, следует отметить, что спустя 6 лет (в феврале 2019 г.) нижняя палата французского парламента приняла закон, запрещающий использование в документах системы образования слов «отец» и «мать». Вместо них будут использоваться «родитель 1» и «родитель 2» [«Parent 1» et «parent 2»... 2019]. В некоторых случаях органы власти осуществляют одностороннее давление на общность родителей. Государство через свои структуры всё жёстче задаёт параметры родительской роли и угрожает родителям санкциями за «некачественное» выполнение родительских функций. Внедрение норм ювенальной юстиции во многих странах Европы – яркий тому пример. Страх навредить детям, потерять их (быть лишённым родительских прав), на наш взгляд, ослабляет активность родительства как общности гражданского общества.

Выводы

Эволюция общности гражданского общества и объективные процессы усиления вмешательства государства в частную жизнь граждан активизируют процесс вовлечения в структуру гражданского общества новых субъектов. Одним из таких субъектов выступает социальная общность родителей. Родительство, обладающее колоссальным «природным» потенциалом защиты и заботы о подрастающем поколении, всё больше приобретает характеристики и функции общности гражданского общества, реализуя их в более широких масштабах, нежели конкретная семья. Оно осуществляет деятельность по реализации и защите прав и интересов не только своих, родительских, но и детей (как своих, так и чужих), заботясь тем самым не только о нынешнем поколении, но и созидая будущее страны.

Может ли родительство в настоящее время взять на себя роль лидера гражданского общества? Полагаем, что однозначно на этот вопрос ответить нельзя. С одной стороны, учитывая дифференцированность родительства, противоречивый характер его деятельности, продуцируемый государством страх потери детей (т. е. родительских прав) снижает уверенность общности родителей в своих силах, их активность. С другой – в зависимости от типа поселения и действий органов власти в определённых случаях возможна активизация, мобилизация усилий родительства (по крайней мере, большинства) как субъекта гражданского общества.

Но что же должно произойти, чтобы родительство, такая достаточно аморфная общность, превратилась в авангард гражданского общества или его часть? Полагаем, что для этого, во-первых, необходимо время. Каждое новое поколение родителей будет «переводить» стиль и способ жизни родительства как общности в образ жизни. Во-вторых, катализатором активизации родительства может стать политика государства во всех сферах жизнедеятельности, а особенно в тех, которые тесно сопряжены с выполнением родительских функций (экономической, семейной, социокультурной). Усиление давления со стороны государства, использование «родительской карты» в политическом поле непременно скажутся на вовлечении родительства в практики гражданского участия. Процессы, происходящие в современной российской действительности, наглядно это демонстрируют.

Библиографический список

Актуализированные ценности современного российского общества. 2015 / Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН. 273 с.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций. 2017 / Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН // URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=5084 (Дата посещения: 28.12.2019).

Бабинцев В. П. 2016. Проблемы консолидации местных сообществ // Вестник Института социологии. № 2 (17). С. 46–65. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2016_17/Babintsev.pdf (Дата посещения: 28.12.2019). DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

Барсукова С. Ю. 2004. Неформальная экономика: экономико-социологический анализ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 448 с.

Безрукова О. Н. 2014. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. № 9. С. 85–97.

Блэ М.-К. 2018. Солидарность // Социологические исследования. № 8. С. 12–21. DOI: [10.31857/S013216250000757-5](https://doi.org/10.31857/S013216250000757-5)

Боярских А. В. 2014. Применение социологических технологий в изучении структуры гражданского общества // Политика и общество. № 2 (110). С. 132–139.

Бурдые П. 1994. Начала. М.: Socio-Logos. 288 с.

Возьмитель А. А. 2017. Концептуальные основы социологии образа жизни // Вестник Института социологии. № 4. Том 8. С. 13–44. URL: https://www.vestnik-isras.ru/files/File/Vestnik_2017_23/Vozmitel.pdf (Дата посещения: 28.12.2019). DOI: [10.19181/vis.2017.23.4.479](https://doi.org/10.19181/vis.2017.23.4.479)

Гидденс Э. 2005. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект. 528 с.

Горшков М. К. 2012. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 11. М.: Новый Хронограф. 480 с.

Горшков М. К. 2013. Гражданское общество и гражданское сознание в современной России // Гуманитарий юга России. № 1. С. 12–22.

Гурко Т. А. 2008. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН. 325 с.

Гурко Т. А. 2013. Качество родительства в молодых семьях: понятийный аппарат, стратегия и выборка исследования // Актуальные проблемы родительства в России. М.: Институт социологии РАН. С. 8–28.

Дудкина А. А. 2016. Структуры гражданского общества в политическом процессе современности: актуальные проблемы теории и практики // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. № 2. С. 41–45.

Зборовский Г. Е. 2009. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 304 с.

Кирдина С. Г. 2012. Гражданское общество: уход от идеологемы // Социологические исследования. № 2. С. 63–73.

Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 121–139.

Левашов В. К. 2006. Состоялось ли гражданское общество в России? // Мониторинг общественного мнения. № 2 (78). С. 54–62.

Мерсиянова И. В., Малахов Д. И., Иванова Н. В. 2019. Роль семьи в качестве канала межпоколенческой передачи традиций волонтерства в современной России // Экономическая социология. Т. 20. № 3. С. 66–98.

Молокова М. А. 2011. Организации «третьего сектора» как «точки роста» потенциала гражданского общества в современной России // Теория и практика общественного развития. № 6. С. 177–181.

Пол Р. 2015. Революция в школе. Новое решение для разрушенной системы образования. СПб.: Питер. 208 с.

Сасаки М., Давыденко В. А., Латов Ю. В., Ромашкин Г. С., Латова Н. В. 2009. Проблемы и парадоксы институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). Том 1. № 1. С. 20–35.

Уэллман Б. 2000. Место родственников в системе личных связей // Социологические исследования. № 6. С. 78–87.

Социально-политическая устойчивость общества. Учёные записки ФНИСЦ РАН. 2019 / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 6. М.: ФНИСЦ РАН. 64 с.

Филипова А. Г., Ракитина Н. Э., Купряшкина Е. А. 2018. Новые исследовательские ориентации в социологии детства // Социологические исследования. № 3. С. 86–93. DOI: [10.7868/S0132162518030091](https://doi.org/10.7868/S0132162518030091)

Флорида Р. 2014. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства. М.: Strelka Press. 368 с.

Франция митингует против замены «Папа и мама» на «родитель №1 и №2» // URL: <http://afmedia.ru/406> (Дата посещения 06.10.2019).

Фукуяма Ф. 2004. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ. 730 с.

Чернышов А. 2019. Родители как граждане // Власть. Т. 27. № 1. С. 47–54. DOI: [10.31171/vlast.v27i1.6197](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6197)

Шпаковская Л. Л. 2013. Дискурсивные практики родительства: политические вызовы и актуальные проблемы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 1 (21). С. 236–248.

Ядов В. А., Климова С. Г., Халий И. А. и др. 2008. Социальная база поддержки реформ и потенциал массового протеста // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корр. РАН М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН. С. 85–101.

Яницкий О. Н. 2011. Модернизация в России и вокруг: конспект // Социологические исследования. № 5. С. 136–145.

Яницкий О. Н. 2013. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории // Социологические исследования. № 3. С. 50–59.

Яницкий О. Н. 2015. Профессиональные гражданские организации: опыт интегративной интерпретации // Социологическая наука и социальная практика. № 2 (10). С. 70–87.

Bebiroğlu N. 2009. From family to society: the role of parenting behaviors in promoting youth civic engagement. Tufts university. 128 p.

Etzioni A. 1995. New Communitarian Thinking. Charlottesville. Va.: The University of Virginia Press.

Etzioni A. 2002. The Good Society // Seattle Journal of Social Justice. Vol. 1, Issue 1 // URL: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/A296.pdf> (Дата посещения 16.01.2019).

Etzioni A. 2006. Communitarianism. The Cambridge Dictionary of Sociology // URL: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/documents/A359.pdf> (Дата посещения 16.01.2019).

Flanagan C. A., Bowes J. M., Jonsson B. et al. 1998. Ties that bind: correlates of adolescents' civic commitments in seven countries // Journal of Social Issues. No 54 (3). P. 457–475.

Fletcher A. C., Elder G. H., Mekos D. 2000. Parental influences on adolescent involvement in community activities // *Journal of research on adolescence*. No 10. P. 29–48.

Haddad M. A. 2006. Civic Responsibility and Patterns of Voluntary Participation around the World // URL: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> (Дата посещения 26.01.2018).

McNutt J. 1997. New Communitarian Thought and the Future of Social Policy // *The Journal of Sociology & Social Welfare*. Vol. 24. Issue 4. URL: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol24/iss4/5> (Дата посещения 26.01.2019).

«Parent 1» et «parent 2» a l'йcole: «Une mesure injuste pour la plupart des familles!» // URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/13/31003-20190213...> (Дата посещения 06.10.2019).

Pavlova M. K., Silbereisen R. K., Ranta M., Salmela-Aro K. 2016. Warm and supportive parenting can discourage offspring's civic engagement in the transition to adulthood // *Journal of youth and adolescence*. No 45 (11). P. 2197–2217.

Rossi G., Lenzi M., Sharkey J., Vieno A., Santinello M. 2016. Factors associated with civic engagement in adolescence: the effects of neighborhood, school, family, and peer context // *Journal of community psychology*. Vol. 44. no 8. P. 1040–1058.

Sievers B. 2009. What Is Civil Society? // *GIA Reader*. Vol. 20. No 1. URL: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> (Дата обращения 19.06.2018).

Статья поступила: 03.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаброва Нина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

The Social Community of Parents as a Part of Civil Society

Nina V. Shabrova

Eltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: urfu-stu@mail.ru

ORCID Id: 0000-0002-5694-1040

For citation: Shabrova, N. V. The social community of parents as a part of civil society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 183–206. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.635

Abstract. The traditional subjects of civil society, which have been active for a long period of time, are losing their former influence and importance. Researchers point out a decrease in the population's civil engagement in many countries of the world. The existing concepts of civil society are losing their explanatory power. This article presents an attempt to resolve the issue in question. The purpose of this article is to analyze the social community of parents

as a new subject of civil society. In order to achieve this goal, civil society is examined from a community approach standpoint, according to which it is interpreted as a special form of social community. Its specific nature is conditioned by the fact that such a community consists of individuals (and their associations) which support distinct needs, interests and value orientations. It is shown that individuals (and their associations), when possessing the necessary resources (mainly social capital), engage in cooperative actions to fulfill and protect their needs and interests within certain boundaries of time and space. The article stresses the fact that such activity turns into a dominant model of living, in other words – a lifestyle for members of a civil society community. Analyzed are the key characteristics, functions and the structure of civil society as a social community, together with the creation and development of a parent community within it as a new element of the former. This serves as a foundation for demonstrating that the modern parent community is evolving. While preserving its traditional community features and functions, the social community of parents is acquiring more traits and functions inherent to a civil society community, transforming into a special type of the latter. The gradual process of integrating the parent social community into the community structure of civil society is shown. Also highlighted is the fact that this process is occurring with varying intensity in time and space, as a result of the non-uniformity and inconsistency of the parent community itself. The objective disparity between parents affects their degree of involvement in practices of civil society, as well as the nature of interactions within and between communities. The article suggests regarding the interior structure of the parent community as dynamic, consisting of a core, semi-periphery and periphery. The conclusion states that in modern conditions the parent community turns into what drives the development of civil society.

Keywords: civil society, community approach, parenthood, power characteristics, community structure of civil society, community interactions

References

- Asymmetry of life in modern Russian society: correlation of traditions and innovations. Ed. by O.V. Aksenova. Moscow, FCTAS RAS publ., 2017: 207. Available at: <http://www.isras.ru/index.php?pageid=1198&id=5084> [accessed: 28.11.19] (In Russ.).
- Babincev V. P. Problems of consolidation of local communities. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2016: 2 (17): 46–65. DOI: 10.19181/vis.2016.17.2.396 (In Russ.).
- Barsukova S. Y. Informal economy. Informal economy: economic and sociological analysis. Moscow, SU HSE publ., 2004: 448 (In Russ.).
- Bebiroğlu N. From family to society: the role of parenting behaviors in promoting youth civic engagement. Medford (Mass.), Tufts university, 2009: 128.
- Bezrukova O. N. Models of parenthood and parent potential: intergenerational analysis. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014: 9: 85–97 (In Russ.).
- Ble M.-K. Solidarity. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018; 8:12–21. DOI: 10.31857/S013216250000757-5 (In Russ.).
- Bojarskikh A. V. Application of sociological technologies in the study of the structure of civil society. *Politika i obshchestvo = Politics and Society*, 2014: 2 (110): 132–139 (In Russ.).
- Bourdieu P. Beginnings. Moscow: Socio-Logos, 1994: 288 (In Russ.).
- Chernyshov A.G. Parents as citizens. *Vlast' = Power*, 2019: 1 (27): 47–54. DOI: 10.31171/vlast.v27i1.6197 (In Russ.).
- Coleman G. Social and Human Capital. *Obshhestvennye nauki I sovremennost' = Social Sciences and Modernity*, 2001: 3:121–139 (In Russ.).
- Dudkina A. A. Structures of civil society in the political process of our time: actual problems of theory and practice. *Politika, ekonomika I social'naja sfera: problem vzaimodeystviya = Politics, Economics and social sphere: problems of interaction*, 2016: 2: 41–45 (In Russ.).
- Etzioni A. Communitarianism. *The Cambridge Dictionary of Sociology 2006*. Available at: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/documents/A359.pdf> [accessed 16.01.2019].
- Etzioni A. *New Communitarian Thinking*. Charlottesville (Va.), The University of Virginia Press, 1995: 313.
- Etzioni A. The Good Society. *Seattle Journal of Social Justice*, 2002: 1 (1). Available at: <https://www2.gwu.edu/~ccps/etzioni/A296.pdf> [accessed 16.01.2019].
- Filipova A. G., Rakitina N. E., Kupriashkina E. A. New research orientations in the sociology of childhood. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2018: 3: 86–93. DOI: 10.7868/S0132162518030091 (In Russ.).

- Flanagan C. A., Bowes J. M., Jonsson B., Csapo B., Sheblanova E. Ties that bind: correlates of adolescents' civic commitments in seven countries. *Journal of Social Issues*, 1998: 54 (3): 457–475.
- Fletcher A. C., Elder G. H., Mekos D. Parental influences on adolescent involvement in community activities. *Journal of research on adolescence*, 2000: 10: 29–48.
- Florida R. Who is your city? Creative economy and choice of residence. Moscow, Strelka Press, 2014: 368 (In Russ.).
- France rallies against replacing «Dad and mom “with” parent 1 and parent 2». AF Media website. Available at: <http://afmedia.ru/406> [accessed: 06.10.19] (In Russ.).
- Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity. Moscow, ACT, 2004: 730 (In Russ.).
- Giddens A. The structure of society: an essay on the theory of structuration. Moscow, Academic Project, 2005: 528 (In Russ.).
- Gorshkov M. K. Civil society and civil consciousness in modern Russia. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the Russian South*, 2013: 1: 12–22 (In Russ.).
- Gorshkov M. K. Civil society and civil culture in modern Russia: experience of sociological diagnostics (instead of Preface). *Rossiia reformiruyuschayasia = Russia Reforming: 11*. Moscow, IS RAS publ., 2012: 3–26 (In Russ.).
- Gurko T. A. Marriage and parenthood in Russia. Moscow, IS RAS, 2008: 325 (In Russ.).
- Gurko T. A. Quality of parenthood in young families: conceptual framework, strategy, and sample research. *Aktual'nye problem roditel'stva v Rossii = Actual Problems of Parenthood in Russia*. Moscow, 2013: 8–28 (In Russ.).
- Haddad M. A. Civic Responsibility and Patterns of Voluntary Participation Around the World. 2006. WesScholar website. Available at: <http://wescholar.wesleyan.edu/div2facpubs/166> [accessed: 26.01.18].
- Kirdina S. G. Civil society: a departure from the ideologies. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2012: 2: 63–73 (In Russ.).
- Levashov V. K. Has civil society taken place in Russia? Monitoring obshchestvennogo mneniya = Monitoring of Public Opinion, 2006: 2(78): 54–62 (In Russ.).
- McNutt J. New Communitarian Thought and the Future of Social Policy. *The Journal of Sociology and Social Welfare*, 1997: 1–24 (4). Available at: <https://scholarworks.wmich.edu/jssw/vol24/iss4/5> [accessed: 26.01.19].
- Mersijanova I. V., Malakhov D. I., Ivanova N. V. The role of the family as a channel of intergenerational transmission of volunteering traditions in modern Russia. *Economicheskaja sociologija = Economic Sociology*, 2019: 3 (20): 66–98 (In Russ.).
- Molokova M. A. Organizations of the “third sector” as a “point of growth” of the potential of civil society in modern Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011; 6: 177–181 (In Russ.).
- «Parent 1» et «parent 2» a l'École: «Une mesure injuste pour la plupart des familles!». *Le Figaro Official website*. URL: <http://www.lefigaro.fr/vox/societe/2019/02/13/31003-20190213...> [accessed: 06.10.19] (in French).
- Pavlova M. K., Silbereisen R. K., Ranta M., Salmela-Aro K. Warm and supportive parenting can discourage offspring's civic engagement in the transition to adulthood. *Journal of Youth and Adolescence*, 2016; 45 (11): 2197–2217.
- Pol R. Revolution in school. A new solution for a broken education system. Saint-Petersburg, Piter, 2015: 208 (In Russ.).
- Rossi G., Lenzi M., Sharkey J., Vieno A., Santinello M. Factors associated with civic engagement in adolescence: the effects of neighborhood, school, family, and peer context. *Journal of Community Psychology*, 2016: 44 (8): 1040–1058.
- Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Y.V., Romashkin G.S., Latova N.V. Problems and paradoxes of institutional trust as an element of social capital of modern Russia. *Zhurnal institucional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Research*, 2009: 1 (1): 20–35 (In Russ.).
- Scientific notes of FCTAS RAS. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, FCTAS RAS publ., 2019: 64 (In Russ.).

Shpakovskaja L. L. Discursive practices of parenthood: political challenges and actual problems. Vestnik TomGU. Philosophia. Sotsiologija. Politologija = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science, 2013: 1 (21): 236–248 (In Russ.).

Sievers B. What Is Civil Society? GIA Reader, 2009: 20 (1). Available at: <https://www.giarts.org/article/what-civil-society> [accessed: 19.06.18].

Updated values of modern Russian society. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2019: 273 (In Russ.).

Vozmitel A. A. Conceptual foundations of sociology of lifestyle. Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2017: 4 (8): 13–44. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.479 (In Russ.).

Wellman B. The place of relatives in the system of personal ties. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2000: 6: 78–87 (In Russ.).

Yadov V. A., Klimova S. G., Khaliy I. A., Klimov I. A., Kinsburskiy A. V., Topalov M. N., Klement K. M. The social base of support for reforms and the potential of mass protest. In: Rossiya v global'nykh processakh: poisk i perspektivy. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, IS RAS publ., 2008: 85–101 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Modernization in Russia and around: synopsis. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2011: 5: 136–145 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Professional civil organizations: experience of integrative interpretation. Sotsiologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice, 2015: 2 (10): 70–87 (In Russ.).

Yanitsky O. N. Social movements in modern society: questions of theory. Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2013: 3: 50–59 (In Russ.).

Zborovskiy G. E. Theory of social community. Ekaterinburg, University of Humanities publ., 2009: 304 (In Russ.).

The article was submitted on: February 03.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nina Vasilievna Shabrova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Technology of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдинов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>